The background of the cover is a detailed illustration. It features a man with dark, wavy hair and a small goatee, looking off to the side with a serious expression. A large white feather is tucked into his hair on the left side. He is wearing a dark green, high-collared coat. In the background, there is a traditional East Asian lantern with a thatched roof and circular windows with cross-hatches. The sky is a mix of grey and reddish-orange, with some falling petals or leaves. The overall style is a mix of comic book art and painterly textures.

ЖЕНЯ
ЮРКИНА

ОГНЮ
НЕВАЖНО,
ЧТО СТАНЕТ
ПЕПЛОМ

БЕЗЪЕДИ

ПОСЛЕДНИЙ ХАРТРУМ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Женя Юркина

Безлюди. Последний хартрум

«ЭКСМО»

2023

Юркина Ж.

Безлюди. Последний хартрум / Ж. Юркина — «Эксмо»,
2023 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-192737-0

Ризердайн Уолтон совершил невозможное: освободил лютенов и приручил живые дома. Его безлюди – послушные, как дрессированные псы, – принесли ему славу, уважение и деньги. Но одно неверное решение ставит под удар все его дело, а вместе с тем – и жизнь. Когда привычный мир рушится, на помощь приходят союзники, и каждый преследует свою цель: кто-то хочет сохранить систему, кто-то – обратить ее в руины. Образцовый домограф, непокорный лютен и та, что мечтает его освободить – какую роль они сыграют в этом противостоянии? Продолжение YA-романа Жени Юркиной о сестрах, потерявших родных и переехавших в другой город, и о домах, у которых есть душа. Вторая книга трилогии о живых домах. История в духе готического романа с детективной линией и неповторимой атмосферой. Туго сплетенный многослойный сюжет. Обложку для романа нарисовала популярная художница Вельга Северная.

ISBN 978-5-04-192737-0

© Юркина Ж., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Женя Юркина

Безлюди. Последний хартрум

© Юркина Ж., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Дома Делмара

Ризердайн

Это кресло давно стоило бы выкинуть, не будь оно покрыто шрамами прошлого. Кожаная обивка в морщинах-трещинах, деревянные истертые подлокотники, где нацарапали инициалы и поставили печать сигаретой, – ее прожженный след, как и все остальное, говорил о прошлом хозяине больше, чем он когда-либо рассказывал о себе. От нынешнего владельца креслу достался единственный изъян – ножка, которая шаталась, как молочный зуб, сколько ее ни чини. Пора было избавиться от увечной мебели, но Риз верил в способность вещей хранить воспоминания. Возможно, поэтому он так привязывался к ним и не желал расставаться с тем, что принадлежало отцу.

Холод и сырость прогнали Риза из кабинета и усадили у камина. Как житель южного Делмара, он не привык мерзнуть. Впрочем, циклон, пришедший с моря, не спрашивал у местных разрешения, а градоначальник, обычно пресекающий любое самоуправство, оказался бессилен перед проливным дождем, охватившим столицу от края до края.

Придвинувшись ближе к огню, Риз пытался согреться и ждал, когда принесут чай, хотя прежде не замечал за собой богатейских замашек и справлялся своими силами. Но сейчас из кресла его не могло выманить ничто, даже механическая трель звонка. Второй раз за вечер он положился на помощь мажордома, чья торопливая поступь эхом донеслась из коридора и сменилась лязгом замков. Вскоре Саймон нарисовался в дверном проеме, чтобы известить о визите уважаемого гостя. Произнеся его имя – как подобает, со всеми причитающимися регалиями, – он ухмыльнулся в посеребренные усы и удивленно поднял густые брови, еще не тронутые сединой, или, что вероятнее, уже знакомые с черной краской.

Как водяной демон, являющийся тем, кто о нем подумает, к Ризу пришел сам градоначальник. Хранитель делмарского ключа поздоровался, а затем по-хозяйски оглядел скромную гостиную, словно планировал здесь ремонт и первым делом собирался избавиться от этого кресла вместе с сидящим в нем человеком.

– Чудесная погода нынче, не находите? – хмыкнул господин Лэрд, небрежным жестом стряхивая с пиджака дождевые капли.

Больше, чем непрошенных гостей, Риз ненавидел разве что разговоры о погоде.

– Я сегодня не выходил из дома.

– То-то вы такой бледный. У вас даже щеки впали и скулы обострились.

– Не могу представить, в какую передрыгу могло попасть мое лицо, чтобы стать причиной вашего визита. – Натянутой улыбкой он дал понять, что сказанное стоит воспринимать как шутку. – Вы хотели что-то обсудить?

Прямой вопрос привел градоначальника в замешательство. Когда он нашелся что ответить, его нахмуренный лоб разгладился, грубые черты смягчились, придав ему почти доброжелательный вид.

– Чудесно, что вы сразу перешли к делу. Вот что значит – серьезный человек!

Так и не дождавшись приглашения присесть, гость позволил себе вольность и расположился в свободном кресле у камина. Риз надеялся, что Саймон приструнит свое радушие и не станет подавать чай сейчас, иначе разговор растянется.

Риз вопрошающе посмотрел на Лэрда, и тот попытался объяснить причину своего визита:

– Я пришел, чтобы попросить... э-э-э... вернее, предложить...

Голос его остался спокойным, но глаза забежали, будто он читал слова с листа и внезапно потерял нужную строчку. Риз терпеливо ждал, гадая, какое дело заставило градоначальника выйти из дома в такую непогоду. Намочить добротный костюм, запачкать ботинки из мягкой кожи, растрепать прилизанные волосы, уложенные так, чтобы скрыть намек на залысины, – и все ради чего?

– Моя дочь, – внезапно сказал Лэрд и, заметив непонимание, добавил: – Вы же помните Марту?

Риз кивнул и безрадостно усмехнулся. Вот она – вся суть проблемы в одном слове. *Марта*. Он не стал уворачиваться от неудобной правды.

– Да, мы виделись на прошлой неделе.

– *Моя* дочь, – Лэрд сделал на этом акцент, стараясь донести, что важнее самой Марты могло быть только ее кровное родство с властителем столицы, – столь очаровательна, что я... хотел бы предложить...

– В чем суть, господин Лэрд? – снова поторопил Риз. Он надеялся завершить этот разговор прежде, чем его чай остынет.

Градоначальник ответил не сразу. Вначале вальяжно закинул ногу на ногу и устало вздохнул, как будто это не он тратил чужое время, а сам принимал навязчивого гостя в своем доме. Известная уловка, чтобы смутить собеседника и стать ведущим в разговоре. Риз почти купился на нее.

– Вы оба молоды, умны и амбициозны, – начал Лэрд. – Так почему бы вам не создать союз, чтобы приумножить ваши достоинства?

– Хотите устроить дочь ко мне в контору?

Градоначальник возмущенно фыркнул. Это предположение так задело его, что он, оставив намеки и ужимки, с присущей ему твердостью заявил:

– Вы превратно меня поняли. Я предлагаю вам жениться, Ризердайн. Моя дочь – прекрасная для вас партия.

– Кхм, простите?

Как бы Риз ни пытался сохранить невозмутимость, его брови удивленно поползли вверх, рискуя вообще исчезнуть с лица, если господин Лэрд не остановится; но пламенная речь распалялась все сильнее, следуя за изобретательным поворотом мысли.

– Вы богаты, молоды и порядочны. Сочетание этих качеств – большая редкость. Да и лицом весьма приятны, чтобы не испортить внешность моим внукам. Как заботливый родитель, я буду рад видеть рядом с дочерью такого спутника.

Риз почувствовал себя платьем, которое с щепетильностью выбирают для Марты. Ткань – добротная, крой – по моде, цвет – к лицу. Стало быть, идеальный наряд, достойный овладеть телом завидной невесты. Будь его разум темным, как платяной шкаф, а мировоззрение – узким, как междверная щель, Риз возрадовался бы такой удаче. Но он предпочел бы остаться человеком, а не вещью, что приглянулась заботливому папаше.

– Благодарю за доверие. Только я пока не понял, зачем это нужно *мне*?

– Ваши безлюди стоят на землях, которыми я управляю... – Господин Лэрд многозначительно посмотрел на него, как будто рассчитывал этим фактом перебить все возражения. – Если к вашему делу добавить мою власть, можно заработать во сто крат больше.

В задумчивости Риз поскреб пальцем висок.

– А если меня устраивает уровень моих доходов?

– Тогда я вынужден упомянуть и о другой причине, – внезапно его голос стал грубым и властным. Господин Лэрд уже не вел переговоры. Он требовал и ставил условия. – Несмотря на все достоинства, у вас есть один существенный недостаток. Ваше происхождение. Ну, вы же понимаете, о чем я...

Риз ничего не ответил на его выпад и отвернулся к камину, чтобы успокоиться, наблюдая за пламенем. Осмелев, Лэрд продолжил:

– Вы достаточно умны, чтобы понять: не всякий влиятельный человек из элиты примет вас в семью. Но! Я считаю, ваши таланты с лихвой окупают недостатки биографии. Говоря на языке дельцов, союз с моей дочерью сделает вас одним из богатейших людей в Делмаре.

– Если бы все зависело от денег, господин Лэрд, – Риз учтиво склонил голову, – у меня была бы идеальная родословная, удовлетворяющая самому взыскательному вкусу, вроде вашего. Так что вынужден не согласиться. Я не вкладываю деньги в то, что от них не зависит.

На секунду градоначальник, сраженный столь резким отказом, потерял самообладание. Взгляд его сделался суровым и тяжелым, на щеках вздулись желваки. Тем не менее опыт позволил ему быстро взять эмоции под контроль и вернуться к переговорам.

– Не торопитесь с ответом, – сказал он примирительно. – Как человек деловой, вы должны понимать, что серьезным решениям не нужна спешка.

– Для меня это простое решение, поскольку предмет обсуждения мне неинтересен.

– Но вы не можете отказать *мне*!

– Стоило предупредить раньше. Кажется, я смог отказать вам прямо сейчас.

В разговоре возникла напряженная пауза. Треск огня, частая дробь дождя и тиканье каминных часов вдруг стали почти оглушающими. Внутреннее чутье подсказывало Ризу, что от человека, сидящего напротив, стоит ждать неприятностей.

Лэрд нервно постучал пальцами по деревянному подлокотнику, затем откашлялся и, чеканя каждое слово, произнес:

– Если вы благочестивый человек, то не сможете отвергнуть мое предложение. После того, что произошло между вами и Мартой.

Конечно, Риз сразу понял его грубый намек. Он предполагал, что у недавней скверной истории будет не менее скверное продолжение.

Тем вечером Марта появилась в его конторе с кипой бумаг. Повод был вполне деловой и ничуть не подозрительный: «Отец просил передать вам карты свободных земель», – сказала она кротко, а он, наивный дурак, воспринял это как жест доброй воли. Вскоре стало очевидным: бумаги были лишь поводом для визита. Марта не ушла после того, как оставила их на письменном столе, точно приманку. Риз тут же принялся перебирать чертежи участков, предложенных для застройки, и так увлекся, что не придал значения щелчку дверного замка. Лишь почувствовав чье-то присутствие, он отвлекся и обнаружил, что Марта по-прежнему здесь. Изменилось лишь одно – ее наряд. Длинный плащ упал на пол, больше не скрывая точеную фигуру в полупрозрачном платье. В первое мгновение Риз смутился, словно переживал самый откровенный эпизод в жизни, и заставил себя отвести взгляд.

– О, Ризердайн, здесь так душно! – воскликнула Марта, исступленно заламывая руки. Призрак ее отражения в окне напоминал бабочку со сломанными крыльями. – Кажется, мне дурно. Не могли бы вы подать воды? – Из ее груди вырвался тяжелый стонущий вздох, от которого дрогнуло не только его отзывчивое сердце. – А лучше проводите до той софы, чтобы я прилегла...

– Заманчивое предложение, но я откажусь, – сказал он столу.

– Позвольте доказать, что вы ошибаетесь!

– Простите, я занят.

– Я могу подождать.

– Пока я не рехнусь? – пробормотал Риз, бесцельно перекладывая бумаги и пытаясь скрыть замешательство.

– Неужели вы отвергнете меня? – В ее голосе в разной степени слышались надменность, растерянность и какое-то отчаяние, словно она была зла и раздосадована непослушанием прислуги.

С Мартой до сего момента он был лично незнаком, однако нередко ему доводилось встречать ее на приемах, где она всегда вела себя как избалованная особа, – такие не терпели возражений.

– Не воспринимайте на свой счет. – Риз сделал паузу, взвешивая то, что хотел сказать дальше. – Я отказываю тому, кто прислал вас сюда и надоумил сделать это.

Чтобы казаться более убедительным, он заставил себя посмотреть на Марту. Пронзительные глаза наполнились влажным блеском, а пухлые губы, еще минуту назад изображающие манящую чувственность, превратились в губы капризного ребенка: поджатые, дрожащие.

– Риз, пожалуйста... – пробормотала она, сдвинув брови к переносице.

– Накиньте плащ, Марта, весеннее потепление весьма обманчиво.

Он отвернулся к окну, сделав вид, что увлечен панорамой Делмара, окутанного вечерней дымкой. Риз не тешил себя иллюзиями, что завидная невеста по собственной воле пришла очаровывать его столь неумелым образом. Уже тогда он понимал, чьи амбиции скрываются за этим. Лэрд не раз намекал на сотрудничество, заставляя его врасплох на светских раутах и городских советах. Теперь же он был готов предложить не только земли, но и свою дочь. Он прислал ее как подарок, разве что красивой лентой не перевязал... Ничего более ужасного и унижительного Риз давно не встречал.

Когда он снова посмотрел на Марту, она стояла перед ним уже одетая, обхватив себя руками, как будто плаща не хватало, чтобы прикрыть наготу.

– Пожалуйста, не говорите никому, что я... – Она поспешно опустила голову, позволяя темным локонам скрыть лицо.

– Конечно. Считайте, что я уже все забыл.

Риз сдержал слово. О том, что произошло за закрытыми дверями, знали только трое: он, бедная Марта и ее папаша, который теперь с ехидной ухмылкой козырял фактами.

– И что же, по-вашему, произошло между нами, господин Лэрд?

– Вы обесчестили мою дочь взглядом.

Риз едва сдержал смех, да и то сделал это лишь из уважения к Марте, потому как в ее положении не было ничего в коем-то разе забавного.

– В таком случае вы должны иметь претензии ко всем, кто единожды видел вашу дочь в... подобном виде. Врачеватели, банщицы, няньки... Советую начать с них.

– Вы смеетесь надо мной?

– Но вы же не станете отрицать, что ваши доводы наивны?

– А вы неосторожны и до наглости категоричны, – сквозь зубы процедил Лэрд.

– Да, я принципиален. Но вы поставили не на те принципы. – Риз развел руками. – Спасибо за заботу. Я пока не планирую обзаводиться женой, властью и титулом.

Осознав поражение, градоначальник вскочил с кресла, будто подброшенный пружиной, и зашелся в яростном вопле:

– Сопляк! Мерзкий выскочка! Возомнил себя акулой, отрастив единственный клык! Я от твоих домов камня на камне не оставлю!

Он размахивал руками и трясся от гнева, похожий на марионетку, которую беспорядочно дергают за веревочки. Риз оставался спокоен. Это были не первые угрозы, что он получал в жизни, и наверняка не последние. Успешный делец рано или поздно сталкивается с теми, кто захочет стащить кусок с его тарелки. А способы получить желаемое у всех разные. Господин Лэрд явно имел хороший аппетит, не церемонился и не принимал отказы. Одни его мощные челюсти уже выдавали в нем человека, способного вцепиться мертвой хваткой, чтобы урвать свое.

От жара камина стало трудно дышать, а присутствие Лэрда все только усугубило. Риз использовал последний козырь:

– Вы настаиваете на сделке, потому что боитесь меня?

Градоначальник застыл, обескураженный подозрениями и тем, что их осмелились озвучить.

– С чего это?

Риз небрежно пожал плечами. Он мог бы выложить все как есть, но ограничился размытой формулировкой.

– Сотрудничество предлагают либо тем, кого уважают, либо тем, кому хотят связать руки обязательствами. В ваших словах нет ни капли уважения ко мне, так что вывод напрашивается сам собой.

– Не имею привычки бояться самодовольных сопляков.

С трудом Риз удержался от ответной грубости и вежливо произнес:

– Предлагаю договориться. Я не буду лезть в вашу тарелку, а вы – в мою. И все останутся сыты.

По одной перекошенной гримасе Лэрда стало ясно, что предложение его не устроило.

– Вы знаете мои условия. Если не принимаете их, то и договора не будет.

– Что ж, – Риз устало выдохнул, – значит, вы только зря запачкали ботинки.

Лэрд метнул в него гневный взгляд и ушел, не удосужившись попрощаться. Входная дверь с грохотом захлопнулась за ним, а Риз вдруг обнаружил, что превращение из завидного жениха в самодовольного сопляка заняло у него несколько минут. Считай, день прошел плодотворно.

От мыслей его отвлек Саймон, появившийся в гостиной с таким кислым лицом, будто собрался использовать его вместо лимона для чая, который принес. Любой уважающий себя мажордом терпеть не мог, когда с вещами обращались неподобающим образом. Никаких грубостей и суеты, только бережное отношение – что он и продемонстрировал. Саймон двигался так осторожно, что чайная пара в его руках не издала ни звука и плавно опустилась на стол. Было в этой философии мажордмов что-то безмятежное, успокаивающее...

Риз приободрился:

– Можешь меня поздравить. Я выиграл у природы *приятное* лицо, прошедшее строгий отбор Лэрда.

– Боюсь, это лицо напрашивается на смачную пощечину от влиятельных людей, – с присущей ему сдержанностью пробормотал мажордом, потупив глаза. Он всегда говорил гадости так, будто стыдился своих слов, но держать их при себе не мог, боялся интоксикации.

– Да брось... Я отказывал многим влиятельным людям – и все еще цел.

Тяжкий вздох, последовавший за этой бравадой, выдал его. Риз понимал, что когда-нибудь поплатится за свою самонадеянность.

Визит Лэрда оставил мерзкое, скользкое ощущение: он словно слизней наглотался. Заглушить это послевкусие было под силу крепкому алкоголю или сну. Пить в одиночку Ризердайн не привык, поэтому выбрал второе. Уже в постели он вспомнил, что так и не притронулся к чаю. Две загубленные чашки за день – не больше, чем обычно.

Шагая по улицам Делмара, Риз всегда искал взглядом дома, которые построил. Он не мог отделаться от этой навязчивой, кичливой привычки, поскольку куда бы ни шел, всегда встречал своих безлюдей – выращенных с котлована, с первого заложенного камня, обученных и верных, как дрессированные псы.

На побережье выстроились мельничные дома, обрабатывающие привозное зерно; в горах работала целая ферма теплиц; на окраинах располагались безлюди, заменяющие фабричное производство, а на центральных улицах – библиотека и лечебница, подаренные Делмару.

Сегодня путь Риза пролегал через жилой район с целой плеядой частных безлюдей. Пока периферия видела в разумных домах жутких отшельников, заразу на теле города, в столице они превратились в роскошь, привлекательную игрушку для богатей. Отныне считалось престижным жить в безлюде, выращенном и выученном по индивидуальному заказу. С одного из таких домов, проданных столичному магнату, и началось дело Ризердайна. Но куда больше ему нравилось создавать полезных безлюдей для службы городу, а не ради развлечения местных богатеев.

Южное солнце нещадно палило над Делмаром, прохлада бриза растворялась в дрожащем мареве. После весенних дождей и ветров установилась привычная для здешних мест жара, хотя лето едва началось. Риз вытер пот со лба, жалея, что отказался от машины.

В конторе его никогда не оставляли в покое: бесконечные вопросы, новости, жалобы, обсуждения... Часовая прогулка могла заменить отдых, но шумные улицы быстро поймали его в сети торговых рядов – в Делмаре они были повсюду. Пробираясь сквозь толпу, Риз только успевал вежливо отнекиваться от крикливых зазывал, что норовили придержать его за локоть, обратить на себя внимание и утащить к прилавкам.

Чудом вырвавшись из лап торгашей, он свернул на тихую улицу и остановился в тени кипарисов, переводя дыхание перед последним рывком. К зданию, куда направлялся Риз, вел крутой подъем. Обычно такие улицы оборудовались лестницами, но о редких посетителях детского приюта никто не позаботился.

Территорию ограждали высокий забор и густая роща, а где-то в глубине прятались корпуса: новый, построенный пару лет назад, и старый, простоявший в запустении достаточно времени, чтобы стать безлюдом. Именно он и представлял интерес для Ризердайна. По его подсчетам, как раз подходил срок, чтобы начать работу с домом и создать в нем небольшую фабрику, где могли бы трудиться выходцы из приюта.

Шагнув за ворота, Риз сразу ощутил на себе десятки взглядов, будто актер, вышедший на театральные подмостки. В окнах замаячили любопытные лица, дети, играющие на улице, загалдели и замахали руками, когда он прошел мимо. Каждый воспитанник знал, что живет в приюте под попечительством господина Ризердайна.

Он помахал в ответ, стремительно пересекая двор, и поднялся по ступеням, где его уже поджидала директриса. Высокая и сухоощавая, с треугольным, словно заточенным лицом, госпожа Бланда напоминала стрелу, а сегодня выглядела такой строгой и напряженной, будто чувствовала за спиной натянутую тетиву лука. Прежде чем Риз успел сказать что-то кроме приветствия, она скрылась в дверях, приглашая последовать за ней.

В светлых коридорах веяло приятной свежестью, сохранявшейся даже в знойные дни. Этого удалось добиться, заложив в стены горную мяту и научив безлюдя использовать ее для охлаждения. После удачной пробы Риз применял технологию во многих домах, чем заслужил особое признание среди богатей, ценящих комфорт.

Двери в директорский кабинет были распахнуты настежь, но госпожа Бланда, пропустив Риза вперед, плотно закрыла их – чего прежде не делала никогда. Незаданный вопрос таял на языке, точно лакричный леденец, пока Риз наблюдал, как госпожа Бланда стремительно преображается: выдыхает, опускает плечи и меняет маску строгости на неподдельное беспокойство. Запертые двери позволили ей, наконец, проявить истинные эмоции.

– Вам лучше сюда не приходить, – выпалила директриса.

– Не хотел никого тревожить и привлекать к себе излишнее внимание. Мне нужно лично взглянуть на безлюдя, чтобы...

Ему не позволили договорить, прервав речь учительским жестом, и он послушно умолк. Госпожа Бланда прошла к окну, нервно поправляя безобразное жабо на рубашке, и, выдержав долгую паузу, выдала:

– Извините, Ризердайн, с безлюдом ничего не выйдет.

– В каком смысле? – переспросил он, чем привел ее в замешательство. Директриса опустила голову, словно ожидала увидеть ответ на полу.

– Ничего не выйдет, – повторила она. – Ни с безлюдом, ни с землей. – И снова повернулась к окну, указывая направление, как стрелка компаса.

Из кабинета открывался вид на часть рощи и старое здание приюта. Так было прежде, а сейчас Риз увидел только пустую площадку, проплешину посреди деревьев. Безлюдь исчез.

– Когда его разрушили?

– Еще весной.

– И вы не предупредили меня?

Они стояли рядом и смотрели на пустое место, оставшееся от безлюдя. Но лишь один из них видел в этом проблему. Другая, сохраняя невозмутимый тон, сказала:

– Я действовала согласно распоряжению градоначальника.

– Неужели?

– Наш приют стоит на городской земле, господин Ризердайн. Все, что у нас есть, принадлежит Делмару. Понимаете? – Директриса нахмурилась, прибегнув к убеждающей силе своего образа. На этот раз прием строгой воспитательницы не сработал.

– Но живете вы в *моем* безлюдье, – сквозь зубы процедил он. – По-вашему, я могу его отнять?

– Вы так никогда не поступите.

– Значит, вот цена вашей верности? Страх?

Госпожа Бланда надсадно вздохнула, точно устала оправдываться и отражать нападки. Она так и оставила неудобный вопрос без ответа и выдала одну из шаблонных фраз, какие обычно придумывают заранее, готовясь к важному разговору.

– Я безмерно благодарна вам за содействие, но меня вынуждают поступить не по совести. Пожалуйста, Ризердайн, войдите в мое положение...

– Мне хватает своих проблем и не хочется примерять ваши, – сухо сказал он, торопясь уйти.

Риз был уже в дверях, когда госпожа Бланда окликнула его. Он нехотя обернулся, все еще рассчитывая получить хотя бы извинение.

– Я надеюсь, это недоразумение не отвернет вас от приюта? Дети не должны страдать от взрослых войн. – В ее голосе появилась прежняя мягкость.

– Да, конечно, – рассеянно пробормотал Риз. Он понимал, что им манипулируют, но не противился этому. В памяти еще были свежи радостные возгласы приютских ребятишек, встретивших его во дворе. Он не мог обмануть их ожидания и бросить на произвол судьбы.

Его ответ впервые заставил госпожу Бланду улыбнуться. Возможно, она сама не заметила это неконтролируемое движение губ, выдавшее ее радость и облегчение.

– Тогда вы окажете посильную помощь приюту? Дети хотят сделать живой уголок, и нам понадобится закупить клетки для грызунов...

– Значит, только клетки? – с горькой усмешкой уточнил он. Окинул ее холодным взглядом и добавил: – Очевидно, крысы в приюте уже есть.

От изумления и без того вытянутое лицо директрисы стало еще более острым и удлинненным. Она ахнула, поразившись вопиющей наглости, но не нашла что сказать.

Ризердайн ушел под аккомпанемент гулкового эха в коридоре, под натиском любопытных взглядов, провожающих его, пока он не стал недосягаем для них. Неприятное, липкое чувство приросло к нему так прочно, что, казалось, содрать его можно было только вместе с кожей. Оно напомнило ему вечер, когда он получил предложение жениться на Марте Лэрд. Безлюдя разрушили несколько дней спустя. Значит, градоначальник не простил отказа и выразил готовность исполнить свою угрозу.

Первым пострадало старое здание приюта, представлявшее для Риза особый интерес. Безлюди, выращенные искусственно, не обладали той силой, что образованные в естественной среде. Он никогда не упускал шанса заполучить старый, брошенный дом, а они в Делмаре появлялись редко. Столичная земля стоила слишком дорого, чтобы простаивать годами.

Поглощенный мрачными мыслями, он добрался до дома и, сбега от пронизательного взгляда Саймона, скрылся в одном из кабинетов. Их здесь было больше, чем спален, и каждый служил определенной цели. Первый представлял собой библиотеку, куда он приходил, если хотел отвлечься или найти подтверждение какой-нибудь идее. А когда случалось такое, что нагромождение книг начинало угнетать его и мешать мыслям, Риз выбирал для работы свободное пространство без лишних вещей и громоздкой мебели: только чертежная доска и удобный стул у окна. Третий кабинет напоминал мастерскую, где хранились инструменты и разный инвентарь. Риз заглядывал туда редко, предпочитая проводить время на мансардном этаже. Под скошенной крышей встретились несовместимые предметы: ванна на изогнутых ножках и придвинутый к ней вплотную письменный стол, чтобы вносить заметки, не вылезая из воды.

Сегодня он выбрал кабинет с черновиками. Стены здесь сплошь покрывали листы бумаги: перечеркнутые схемы, испорченные наброски с кляксами чернил и смазанными линиями, испещренные ремарками или пятнами от случайно пролитого чая. Риз никогда ничего не выбрасывал, считая, что с идеями нужно быть бережливым. Это служило оправданием тому, почему он неохотно расставался с любыми, даже бесполезными вещами. Саймону, как блюстителю порядка, оставалось смириться, что дом постепенно превращался в склад разносортного хлама.

Бросив унылый взгляд на чертежи, приколотые к стене, Риз рухнул в кресло и потер виски, пытаясь унять боль. Он намеревался просидеть здесь до тех пор, пока не решит, что делать с Лэрдом. Следовало остановить эту лавину прежде, чем она разрушит всех его безлюдей. Мысль поговорить начистоту он тут же отверг – условия перемирия уже были известны, и принимать их Риз не собирался.

За ночь он ничего не придумал, да так и уснул за столом, в ворохе бумаг. Очнувшись, он еле смог распрямить спину, словно проспал полвека и его тело достаточно постарело, чтобы болеть на законных основаниях. Не успел он прийти в себя, как в кабинет ворвался Саймон с письмом – зеленым конвертом, подписанным именем Риндфейна Эверрайна. С Ризом его связывали годы дружбы, проведенные в строительной академии, и общее дело. Только Эверрайн не возводил безлюдей, не освобождал лютенов, а управлял и теми, и другими.

В письме давний приятель сообщал, что кто-то в Пьер-э-Метале охотится на живые дома. Сообщал так, будто жаловался, но на самом деле между строк читался вопрос: не имеет ли Риз дел в городе? Вот чего ему не хватало для полной коллекции, так это обвинений, присланных по почте. Он безжалостно смял письмо и швырнул на пол. Ну, конечно, разве мог Эверрайн вспомнить о нем просто так?

Саймон молча подобрал скомканную бумагу и поспешил скрыться, прекрасно зная, что в такие минуты Риза лучше не беспокоить. Немного остыв, он все же решил написать ответ. Получилось короткое, весьма формальное послание, едва лишенное крепкого словца в адрес Эверрайна, допустившего мысль, что Риз замешан в махинациях. На это он ответил, что его не интересуют безлюди, все еще пленяющие лютенов и обременяющие их строгими правилами.

Запечатав конверт, он выбрался из кабинета, чтобы размять затекшие мышцы и прогуляться до ближайшей почтовой конторы. Мажордом застал его в холле и, неуверенно топчась на месте, сообщил:

– Ходят слухи, что Лэрд отправил своих детей из города. Ты же понимаешь, что это значит?

– Ничего. – Риз пожал плечами.

– Он что-то замышляет. Не беспокоись о себе, так о матери подумай. Если с тобой случится беда...

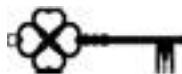
Сердце гулко застучало где-то в горле. Риз сглотнул, пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

– Все в порядке, – прозвучало неубедительно.

– Тебе нужен союзник, – продолжал Саймон, многозначительно посмотрев на конверт в его руках. Он не знал содержания письма, но вполне мог догадаться, глядя на мрачное лицо Риза. – Особенно в другом городе. Особенно такой влиятельный, как Эверрайн.

– Ты зря за меня переживаешь.

Саймон лишь сокрушенно покачал головой.

Ризердайн не хотел ввязываться в войну, но оказалось, что можно быть втянутым в нее не по своей воле. Он пожертвовал приютским безлюдом ради того, чтобы остаться в стороне; не устраивал разборки, не ответил подлостью, молча стерпел пощечину в надежде на то, что на этом пыл Лэрда угаснет.

После небольшого затишья, когда Риз уже почти поверил, что беда миновала, стали приходить новости. Одна хуже другой, все они касались разных рабочих процессов, поэтому вскоре о его проблемах знала вся контора.

Вначале секретарь донес о том, что власти города закрыли лечебницу и библиотеку, созданные на основе безлюдей. Вместе с письменным уведомлением пришел счет за аренду земли. «Там крупная сумма», – добавил он и посмотрел на Риза почти виновато. Через пару дней в кабинете появилась счетовод – такая встревоженная и растерянная, будто обнаружила на балансе сплошные нули. Этим дело и могло закончиться, поскольку сразу несколько важных клиентов отозвали заказы и потребовали вернуть деньги. Риз распорядился, чтобы все до последней монеты было отдано, и это решение вызвало у счетовода недоумение. Застыв в дверях и прижав к груди расходную книгу, она попыталась возразить, но тут же передумала. Следом за ней, едва не сбив с ног, в кабинет влетела домтер, которая ждала в коридоре и слышала разговор. Привыкшая муштровывать безлюдей, она и в жизни испытывала тягу всеми помыкать. От ее властного порывистого нрава Риза не спасал даже статус начальника.

– Так нельзя! – выпалила Илайн с ходу. – Мы уже начали работу.

Закрытие проектов она сочла личным оскорблением и долго возмущалась, что ее труд не ценится. В представлении домтер все обстояло так, будто это случилось по его прихоти.

В отличие от нее, управляющий мельничными безлюдями сохранял спокойствие. Его флегматичный характер позволил смягчить дурную весть до простой констатации факта: работа приостановлена, поскольку причал закрыли на ремонт. Грузовые суда оказались в ловушке и не смогли vyplыть вовремя. Поставки задерживались, что грозило большими убытками.

Убытки, убытки, убытки... Риз стал слышать это чаще, чем приветствие. Неприятности накапливались, как непрочитанная корреспонденция на его столе. Письма значили известия, а они в последнее время совсем не радовали. Однажды конвертов стало так много, что стопка рухнула, и весь стол покрылся сургучными печатями, точно оспенными пятнами.

Беспорядок на рабочем месте Риза не заботил, поскольку он почти все время проводил в разъездах. Иногда (обычно ближе к ночи) появлялся дома, чтобы немного поспать и сменить одежду. Дни слились в один ночной кошмар. Он и впрямь будто спал: не ощущая течения времени, не замечая ничего вокруг и отчаянно стремясь вырваться из пут тяжелого сна.

Однажды Риз случайно увидел дату на утренней газете и с удивлением обнаружил, что прошла почти половина лета. С того злополучного визита градоначальника минуло девять недель, а неприятное ощущение только усилилось. Теперь Ризу казалось, что он целиком набит слизнями. Потеряв всякий аппетит, он отодвинул тарелку с нетронутой кашей, мысленно извинившись перед Саймоном, чьи старания уже не впервой пропадали зря. Впрочем, обстоятельства все равно не позволили бы ему спокойно позавтракать. Утреннюю тишину нарушила тревожная трель звонка. Очередные неприятности ждали за дверью.

Когда Риз вышел в холл, мажордом уже встретил гостя, и тот нервно топтался на пороге, вертя в руках шляпу. Флинн всегда и всюду носил головной убор, скрывая под ним кудрявую рыжую шевелюру, и наивно полагал, что рыжие брови с ресницами и лицо в крапинку ничем его не выдают. Он не изменял своей привычке до сегодняшнего дня, пока не встретил чопорного мажордома, следящего, чтобы в доверенном ему доме соблюдали правила приличия.

– Риз! – воскликнул Флинн и подскочил на месте, будто в коленях у него стояли пружины. – На фермах проблема. Нужно, чтобы ты взглянул.

Риз не проронил ни слова, хотя мысленно выругался. Не тратя время на расспросы, он решительно направился к двери, гадая, что за проблема потребовала участия домолога.

Все, что касалось физического и ментального здоровья безлюдей, попадало под чуткий контроль Флинна. Во многом благодаря его стараниям им удалось адаптировать безлюдей для проживания. Когда-то он трудился простым врачом, дежурил в деревянной будке на пляже, названной пунктом помощи, и спасал тех, кто перегрелся на солнце, наглотался воды или неудачно прыгнул с пирса. Теперь же он следил за состоянием безлюдей, имел личный автомобиль и являлся представителем редчайшей профессии. Врачебное прошлое научило его выдержке и непоколебимому спокойствию, однако сейчас он выглядел встревоженным. По шкале эмоциональности Флинна это значило, что произошла катастрофа.

Оказавшись на улице, он первым делом надел шляпу и коротко обрисовал ситуацию. Ранним утром работники фермы заметили неладное и вызвали его. Флинн, конечно, уже определил диагноз безлюдей, но хотел, чтобы Риз сам взглянул на них, прежде чем узнает заключение.

– Все плохо?

– Ты же знаешь, я оптимист, – с ухмылкой ответил Флинн, следом сразу же нахмурился и выдал: – Да, очень скверно.

Весь путь Риз изводил себя разными предположениями, готовясь к тому, чтобы увидеть своих безлюдей страдающими и разрушенными.

Территорию ферм ограждал высокий каменный забор, а у ворот околачивался сторож, смолящий сигарету. Заметив Риза, он бросил ее на землю и затоптал ботинком.

– Господин, ночью здесь и мыши не пробежало, чес-слово, – начал оправдываться он, сложив руки лодочкой, будто вымаливая прощения.

– Мы во всем разберемся, Хиди, – спокойным тоном ответил Риз, проходя мимо.

Услышав свое имя, сторож оторопел от того, что его не стали голословно обвинять в случившемся.

– Спасибо! – Эхо его запоздалого ответа догнало их уже у поворота к фермам.

Риз бросил тревожный взгляд на ряды безлюдей и с облегчением отметил, что все дома целы. Вдвоем с Флинном они обошли ближайшую постройку, с виду такую же, как и раньше: каменные стены и соломенная крыша-луковица.

– Ничего не замечаешь? – спросил Флинн и, не дождавшись ответа, протянул Ризу увеличительное стекло, которое достал из нагрудного кармана рубашки. Отличительным свойством его одежды было то, что она могла скрывать в себе множество приспособлений и инструментов домолога.

– Все дело в почве. Посмотри.

Риз присел и оглядел каменный фундамент, покрытый странным белесым налетом, похожим на плесень, что образуется на черстве хлеба.

– Химикаты?

– Да. И заметь, что отравили почву. Они знали, что достаточно заражения снаружи.

– Хочешь сказать, это сделал кто-то из своих?

Флинн тревожно огляделся по сторонам, проверяя, нет ли поблизости того, кто хотел их подслушать. Звонящая тишина, застывшая в воздухе, говорила о том, что на фермах нет никого, кроме них. Работникам запретили подходить к отравленным домам, а сторож, боясь обвинений, держался в стороне. Тем не менее Флинн предпочел говорить сдавленным полупшепотом:

– Судя по уровню интоксикации, фермы отравили еще вечером. За ночь процесс стал неотвратим. Они все четко спланировали заранее. Нужно опросить всех, кто был здесь вчера. – Он помолчал и добавил: – Поручи это Илайн. Она из них душу вытрясет.

Риз кивнул и, бросив бессмысленное созерцание плесени на фундаменте, прошел к двери. Очевидно, последствия отравления стоило наблюдать изнутри.

– Туда лучше не соваться, – предупредил Флинн. – Сейчас безлюдь сам генерирует ядовитые пары. Загляни в окно.

Риз последовал совету. Вначале показалось, что стекло, заключенное в деревянную обрешетку, помутнело от пыли и грязи. Потом он заметил, что эта дымчатая муть колеблется и темным облаком нависает над грядками. Ни одного цветного пятнышка, – только смесь черного и серого. Риз приложил ухо к стеклу, сосредоточился и попытался услышать самого безлюдя: его дыхание, сердцебиение или голос. Он ощутил, как вибрирует окно, как тяжело и хрипло вбирает воздух безлюдь, извергая клубы отравленного дыма. Стоило Ризу приложить ладонь к стеклу, и дом содрогнулся всеми стенами, а дымка внутри него стала редеть, рваться клочьями, как старая лежалая вата. Вот тогда он и увидел, что растений на самом деле нет. Вместо них из земли торчали черные жухлые прутья. Яд выжег все.

– Сколько безлюдей поражено?

– Попробуй угадать.

– Все.

Флинн кивнул, подтвердив худшее из предположений. Между ними возникла задумчивая, драматичная пауза. Они стояли в оцепенении, будто загипнотизированные движением ядовитого марева по ту сторону окна.

Словно пытаясь утешить, Флинн поделился с ним, как планирует бороться с проблемой:

– Вначале очистим фермы от яда, потом займемся восстановлением. Если увеличить дозировку стимуляторов, можно повысить производительность безлюдей на треть. Так дела пойдут быстрее.

– Звучит бодро. В чем подвох?

– Деньги. Много денег.

– Возьми сколько нужно, – не задумываясь, сказал Риз. – Безлюди кормят город. Мы не можем отказаться от ферм.

Тяжелый вздох, раздавшийся ему в ответ, оказался еще одним сигналом бедствия.

– Тут такое дело, – Флинн рассеянно почесал нос, – ангар с урожаем тоже пострадал.

Почувствовав, как земля уходит из-под ног, точно проваливается под его весом, Риз прислонился спиной к каменной стене. Слабость в теле, накатившая волной, была частью его позорного бессилия. Он не мог ничего предотвратить или исправить. Видимо, его молчание затянулось, и Флинн, не выдержав, выпалил:

– Даже после этого ты ничего не предпримешь? Твое дело рушат, а ты и дальше будешь спокойно наблюдать?

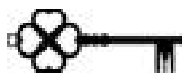
– Нет! – воскликнул Риз. – Две недели! Нам нужно продержаться еще две недели.

– И что потом?

– Найду способ дать отпор.

– Ну-ну, – недоверчиво проворчал Флинн и сцепил руки на груди, точно это помогало ему удерживать мнение при себе.

Риз не стал объяснять, что ждет благотворительного вечера, где соберется весь бомонд. Зная, что никто не станет ввязываться в дело, не будучи в нем заинтересованным, он видел единственный шанс заручиться поддержкой – продать долю надежному и влиятельному человеку, с которым Лэрд не осмелится враждовать. Риз думал об этом последние недели, но своими идеями ни с кем не делился. Озвученные планы имели свойство не сбываться.

Ночь перед благотворительным раутом тянулась долгим кошмаром. Риз изнывал от духоты и беспокойно крутился в кровати. Ему снилось, что его привязали к вертелу и подвесили над костром, как свиной окорок. Когда он, силясь, поднял голову, то увидел, что ручку вращает сам Лэрд, хищно улыбаясь и демонстрируя ряды острых пираниных зубов.

Очнувшись, Риз долгое время неподвижно лежал на боку, наблюдая, как в комнате медленно выцветают тени, и думал о разном. Прошло несколько лет, а он все так же ясно помнил растерянных и счастливых лютенгов, получивших освобождение от службы; любопытные лица горожан, пришедших взглянуть на первую ферму безлюдей; и сдержанную похвалу отца – в сравнении с ликующей толпой его слова прозвучали черство, но это было большее, на что способен такой сухарь, как он. Тогда все газеты пестрели кричащими заголовками, и Риз еще долго пытался отбиться от наплыва провинциальных домографов и любопытных газетчиков. Мысль о том, что все это может быть перечеркнуто и уничтожено, вызывало тупую боль в груди.

Избавиться от нее не помог ни сон, ни утренний чай, которым он обжег язык. *Нехороший знак*, первым делом подумал Риз и положил в рот холодную ложку, чтобы унять жжение. В таком виде и застал его Саймон. Он появился на кухне, неся в поднятой руке вешалку с белым костюмом, похожим на привидение, парящее рядом.

– Сдаваться идешь? – хмыкнул мажордом, цепляя вешалку на крючок для полотенец, прибитый к торцу буфета. – Будешь сам как белый флаг.

– Это просто белый костюм. – Риз отмахнулся.

– Но они подумают иначе.

– Ты не мог сказать об этом раньше, когда сдавал его в прачечную?

Его слова будто бы напомнили Саймону о службе, и тот принял привычную для мажордома позу: вытянулся, расправил плечи и завел руки за спину.

– Извини, у меня были другие важные дела. Готовил гостевые спальни.

Риз никого не ждал и знал лишь одного человека, который мог нагрять в самый неподходящий момент.

– Ма приедет не одна?

– При чем здесь твоя матушка? Я отговорил ее от визита. Пока ты не решил проблемы, в твоём доме небезопасно.

– Как мило с твоей стороны. – Он натянуто улыбнулся. Сложно было соблюдать внешнее спокойствие, когда хотелось закричать или швырнуть в стену что-нибудь тяжелое, способное разбиться на тысячу осколков. Мажордома следовало занять работой, чтобы он не придумывал лишнего. – И чьей же безопасностью ты пренебрегаешь?

– Господин Эверрайн с помощницей приезжают сегодня вечером.

Оказывается, Саймон готовился к прибытию гостей, не соизволив сообщить об этом. Риз шумно выдохнул. От неожиданной новости его бросило в жар. Что творится с его жизнью? Почему она подчиняется всем, кроме него?

– Он присылал тебе письма, ты читал? – с осторожностью спросил Саймон.

Кажется, за последние недели Риз не прикасался к ним: вначале ему было некогда, а потом их накопилось столько, что пришлось бы потратить сутки на чтение. Он решил, что в таком случае лучше вообще не вскрывать ни одного конверта и притвориться, будто вовсе ничего не получал.

– Не знал, что Эверрайн так разговорчив. Что ни неделя – то письмо, – ворчливо продолжил мажордом. – Даже у меня терпение лопнуло.

– Ты читал мои письма?!

– Нет, конечно! Это неприлично! – торопливо выпалил Саймон, оскорбленный таким обвинением. Вскинув подбородок, он заявил: – Я сам написал ему от своего имени. Вдруг он пытался сообщить тебе что-то важное? Вот я и ответил, что ты занят и за входящей корреспонденцией не следишь, но, если для тебя есть срочные новости, я передам.

Риз посмотрел в его хитрые глаза, чувствуя в нескладной истории подвох. Переживая за неп прочитанные письма, Саймон мог напомнить о них или втихую вскрыть, однако предпочел лично связаться с Эверрайном и утаить, что тот собирается приехать в Делмар. Риз видел этому лишь одно объяснение:

– Ты пригласил его от моего имени.

Саймон мог бы не отвечать, за него это сделало лицо, на котором нарисовалась виноватая гримаса.

– Эверрайн – твой товарищ и коллега. Тебе нужен союзник, и я позвал его. Что плохого?

– Ты не обсудил это со мной!

Саймон, убежденный в своей правоте, и тут не стушевался:

– Последние недели ты был слишком занят. Я не стал обременять тебя лишними хлопотами и подготовил все сам, чтобы ты не беспокоился.

– Да как я могу не беспокоиться, если даже собственный дом мне не принадлежит? – взорвался Риз и ударил кулаком по столу, отчего посуда нервно звякнула.

Саймон не дрогнул и даже бровью не повел, являя собой образец гордого спокойствия.

– Можешь приказать мне выводить их, как только приедут.

– С друзьями так не поступают.

– Согласен. – Саймон кивнул и обиженно поджал губы. – Перед друзьями не закрывают дверь. И голос на них не повышают. И понимают, что они помогают из лучших побуждений...

Договорив, он многозначительно посмотрел на Риза, проверяя его реакцию.

– Где письма?

Через минуту перед ним лежали четыре зеленых конверта, запечатанных сургучом. Риз поочередно вскрыл каждый и пробежал глазами по строчкам. Вместо важных сведений там были просьбы: вначале тонкие намеки, затем скромные предложения и прямые вопросы. Судя по риторике, финальное письмо Эверрайн отправил уже после того, как получил приглашение от лица самого Риза. Убедившись в своем предположении, он метнул взгляд в сторону Саймона, но тот уже исчез вместе с белым костюмом. Хитрый лис ускользнул – и был таков.

Из-за внезапной новости Риз чувствовал себя совершенно разбитым, хотя и бодрился мыслью, что приезд давнего приятеля можно обернуть в свою пользу. Весь день в нем разгоралось волнение, и к вечеру, когда водитель подал машину, обратилось в смутное чувство тревоги. Слова Саймона о белом костюме, подходящем лишь для признания поражения, не прибавили уверенности. Он даже подумывал, не одеться ли во что-то менее символичное, но в итоге решил, что вряд ли в доме Брадена ему встретятся те, кто станет выискивать скрытые смыслы в нарядах. Они принимали и распознавали единственный символ вещей – их дорого-

визну. А молочно-белый костюм Риза был пошит в лучшем ателье Делмара, из натуральной ткани, привезенной с островов, и стоил огромных денег. В нем Риз чувствовал себя вылитым столичным богачем, пусть и не принадлежал к их обществу по-настоящему. Семейные дома, семейные предприятия, династии, наследники, союзы, заключенные как выгодные сделки, – все это не имело к нему никакого отношения. Свои дорогие костюмы Риз воспринимал не как подражание богачам, но как способ соответствовать их среде. И во многом такая необходимость возникла по вине господина Брадена, к которому он направлялся.

Его роскошный особняк Риз знал так же хорошо, как собственный дом, поскольку лично занимался проектом: прокладывал на чертежах рельсы для передвижения мебели; разрабатывал механизм хартрума, чтобы все функционировало исправно; подбирал инженеров, способных работать с представленными схемами. Браден хотел полностью механизировать дом, поскольку не терпел присутствия слуг, но был достаточно ленив, чтобы отказаться от них даже в малейших бытовых вопросах, вроде подачи чая или положенной в постель грелки. Бездушные автоматы, рассекающие по рельсам, нравились ему куда больше: они не могли подслушивать или сплетничать, не болели, не нуждались в отдыхе и не путались под ногами.

Механический дом был воплощением безграничных возможностей безлюдей и силы инженерной мысли. Браден так гордился им, что превратил его в центр светской жизни. Среди столичного бомонда он ввел моду на благотворительные вечера, не скрывая, что им двигали не только бескорыстные намерения. В первый раз он собрал друзей, знакомых и компаньонов хвастовства ради. Предлог выбрал достойный: от приглашения на благотворительный ужин никто не посмел отказаться. С тех пор здесь проводились роскошные вечера, заводились выгодные знакомства, заключались сделки, решались деловые вопросы. Приезжая в дом Брадена, гости поражались продуманной системе механизмов, управляемых не человеком, а самим безлюдем. Они спрашивали, кто автор проекта, потом хотели познакомиться с изобретателем лично и пожать ему руку. Так Риз стал завсегдатаем светских раутов, получил выгодные предложения и обзавелся влиятельными знакомыми из разных городов.

Благотворительные вечера, что устраивал Браден, состояли из двух частей: начиналось все с аукциона, а заканчивалось неформальным ужином. Как правило, на него тратили больше, чем собирали для помощи нуждающимся.

Сегодня Риз явился рано, еще до того, как дом заполнился гостями и всеобщей суетой. Он хотел воспользоваться этим, чтобы в спокойной обстановке переговорить с несколькими людьми, обычно прибывающими в числе первых.

Устроившись на скамье у окна, Риз наблюдал за дверьми, которыми управлял механизм, реагирующий на движение. Тяжелые деревянные створки распахивались перед гостями, и те из них, кто оказался здесь впервые, растерянно озирались по сторонам, пытаясь сообразить, где прячутся портье. Механический дом удивлял с порога: его «невидимые слуги» открывали двери, регулировали освещение, опускали шторы на окнах и следили за тем, чтобы в коридорах и комнатах поддерживалась приятная прохлада.

В холле гостей встречали механические столики, развозящие бокалы. Запотевший хрусталь зазывно позвякивал, напитки плескались внутри, но ни одной капли не проливалось. Один такой столик подкатил к Ризу и остановился, настойчиво предлагая выпить. Он взял бокал вина, хотя не собирался делать и глотка. Это скорее служило реквизитом, позволяющим занять руки и не выбиваться из толпы. На самом деле, Риз чувствовал себя как фужер на столике: нервно подрагивал, осознавая, что куда-то движется против своей воли, и едва сдерживал эмоции, готовые выплеснуться в любой момент. Пока механизм был отлажен, ему удавалось сохранять спокойствие, но один неосторожный шаг мог все испортить.

Вместо приглашенных музыкантов настроение задавал играющий граммофон с огромным позолоченным раструбом, отражающим свет ламп. В паузах между мелодиями было слышно, как они гудят.

Когда в дверях появился первый важный гость, Риз подскочил с места, за малым не пролив на себя вино, и отставил бокал. Его неуклюжести никто не заметил. Все, как и он, смотрели на господина Баррета. Каждый раз торговец из Лима приходил с новой пассией, и некоторые гости превратили это в азартную игру, делая ставки, кого в следующий раз предпочтет сей любвеобильный человек: брюнетку, блондинку, шатенку или рыжеволосую. Сегодня его сопровождала белокурая дева с томным взглядом, и по толпе присутствующих прокатился невнятный гул, смешавший довольные возгласы победителей и разочарованные «у-у-у» проигравших.

Дождавшись момента, когда интерес к господину Баррету угаснет, Риз подошел к нему, стараясь быть вежливым, но не заискивающим. Людям, у которых хочешь попросить помощи, не стоит показывать, как сильно ты нуждаешься в ней. Это вызывает искушение отказать.

Однако не успел он и слова произнести, как Баррет отвернулся, сделав вид, что не заметил его, и тут же затерялся в толпе. Странная ситуация вызвала у Риза попеременно смущение, недоумение и раздражение. Вряд ли возможно не обратить внимание на человека, столкнувшись с ним нос к носу, если только не избегать его намеренно.

Вычеркнув Баррета из списка возможных союзников, Риз направился к господину Армелю, зависшему над столиками с напитками. В светских кругах его прозвали мраморным человеком не только за то, что в родном Марбре он владел крупнейшими месторождениями мрамора, но и за его каменное, лишенное эмоций лицо. Он любил свое дело и все беседы сводил к одному: каков объем добычи, как правильно обрабатывать мрамор, сколько стоит его самая дорогая разновидность... и все в этом духе.

Риз поприветствовал господина Армеля и протянул руку, которую тот проигнорировал, подхватив сразу два бокала.

– Простите, – сухо сказал он и спешно удалился.

Риз так и остался стоять в растерянности, не зная, куда деться. Казалось, окружающие не замечают его; редкие взгляды не задерживались на нем, а продолжали скользить дальше, словно он был призраком. Отогнав дурные мысли, Риз убедил себя, что должен попытаться еще раз. А потом еще. Если бы он сдавался при первой неудаче, до сих пор не построил бы ни одного безлюдя, а лютены так и остались прикованы к своей службе и Протоколу. Воспоминание о прошлых достижениях его приободрило, и Риз стал изучать гостей, попутно размышляя, к кому еще обратиться.

Кораблевладелец Гейл из соседнего города Хафн? Слишком дотошный и придирчивый. Будет лезть всюду и путаться под ногами. Землевладелец Монке – сынок богатых родителей, из выдающихся качеств у него только умение раздувать амбиции. Казначей Каспар – делмарец, а Ризу нужен союзник, независимый от Лэрда. Промышленник Такер с островов? Этот слишком хитрый и изворотливый, с ним лучше не связываться.

Внезапно взгляд Риза выпер из толпы госпожу Олберик. Она беседовала с Гейлом, зажав мундштук в окольцованных пальцах. В любой другой ситуации Риз ни за что не подошел бы к ней первым, хотя бы потому, что избегал роковых женщин. Вдова промышленного магната, почившего, по слухам, не без ее участия, всегда носила черное, так что сложно было понять, как долго она скорбела по этой утрате и скорбела ли вообще. Оставшегося состояния ей с лихвой хватило бы на две безбедные жизни, но госпожа Олберик, видимо, планировала прожить все девять, а потому интересовалась вложениями, гарантирующими хорошие дивиденды. Пару раз она настойчиво предлагала Ризу стать партнерами. Правда, учитывая весьма недвусмысленные знаки внимания с ее стороны, он сомневался, что правильно понял, о каком партнерстве шла речь. Так или иначе госпожа Олберик, явно расположенная к нему, была подходящей кандидатурой. Слухи превратили ее в опасную женщину, полученное наследство – в богатую. Он решил, что предложит ей ежемесячные дивиденды и сплетни, дабы потешить ее самолюбие.

На деле все оказалось куда сложнее, чем ему представлялось. Риз коротко выдохнул, словно собрался опрокинуть в себя бокал крепкого напитка, и направился к госпоже Олберик, на ходу пытаясь вылепить подходящую гримасу: серьезное лицо, хитрая ухмылка или заинтересованный взгляд; втянуть щеки, чтобы скулы стали еще острее, или обольстительно улыбнуться. Прежде ему не приходилось играть в ловеласа, поэтому у него получилась натянутая глупая ухмылка.

Он поздоровался, госпожа Олберик в ответ медленно, с наслаждением выпустила ему в лицо сладкий дым. Сбитый с толку, Риз попытался завести разговор:

– Здесь немного душно. Не хотите прогуляться в саду?

Госпожа Олберик одобрительно хмыкнула, явно польщенная его вниманием, а затем будто невзначай обронила:

– Где же вы раньше были, мой свет? Так жаль, что вы *опоздали*.

Прежде чем уйти, она бросила многозначительный взгляд на Риза, чтобы он понял: за ее словами прячется иной смысл, – то, чего лучше не произносить на людях. Окутанная табачным дымом, госпожа Олберик проследовала в зал вслед за другими гостями.

Почти все места уже заняли, и Ризу, как опоздавшему, пришлось довольствоваться соседством господина Иржи, преуспевающего фермера с восточных земель. Все недолюбливали его за едкие высказывания и насмешки, а потому старались избегать. Сидеть рядом с ним было изощренной пыткой, которой подвергся Риз.

Он покрутил в руках табличку с аукционным номером и задумался: неужели Лэрд успел заручиться поддержкой всего бомонда? Словно бы в ответ на его немой вопрос в первом ряду мелькнул знакомый силуэт. Градоначальник, как подобает важному гостю, устроился по правую руку от Брадена. Вскоре к ним присоединился еще один зритель – столь неожиданный, что вначале Риз принял его за наваждение, но это и впрямь была госпожа Бланда. Вот она, цена разрушенного безлюдя: благотворительный вечер для приюта и место подле новых покровителей.

Риз почувствовал себя полным придурком, позволившим себя обмануть, предать и обобрать. Пока он сокрушался, воспитанники приюта старательно пели, танцевали, читали стихи и разыгрывали сценки. Но его взгляд невольно сползал к первым рядам, наблюдая за расплывшимся в кресле Лэрдом, торчащей, как палка, госпожой Бландой, и хозяином вечера, пока тот, пренебрегая действием на сцене, переговаривался с градоначальником. Брадону было около сорока, но лицо его всегда выражало такую усталость и скуку, точно он успел прожить тысячу лет и разочароваться во всем, даже в бессмертии. Если бы его профиль решили чеканить на монетах, их пришлось бы вытянуть в эллипс, чтобы поместился нос.

После выступлений перед зрителями выставили стенды с детскими рисунками – это и были лоты для аукциона. Риз не сделал ни одной ставки и в какой-то момент понял, что безучастно ковыряет ногтем деревянную табличку.

– Вы сегодня до неприличия скупы, – ехидно подметил Иржи. – Экономите? Испытываете финансовые трудности?

– Спасибо, что переживаете, – бросил Риз, наивно полагая, что клещ сарказма от него отцепится.

– Хорош благотворитель, – хмыкнул Иржи и, одарив его презрительным взглядом, вернулся к аукциону, являя собой образчик идеального мецената.

Риз крепко сжал в руке табличку, представляя, какое удовольствие ему доставит треснуть этого остряка по затылку – так, чтобы щепки полетели. В нем говорили злость и отчаяние, скопившиеся за долгое время, и он понимал, что сорвется, если сейчас же не покинет зал. Наплевав на приличия, он встал и направился к выходу, ощущая волну неодобрения, настигающую его. Ему было все равно, что о нем подумают. Он лишился их уважения прежде, чем сделал что-то предосудительное.

В опустевшем коридоре его встретили слуги-автоматоны, но и те остались неподвижно стоять на рельсах, безошибочно определив, что ему не нужен ни сопровождающий, ни механический помощник.

Никто из заказчиков даже не догадывался, что Риз сохранял связь с домами даже после передачи ключей. Безлюди помнили его и ластились, как выдрессированные им псы, пусть и служили другим хозяевам. Риз предпочитал держать эту особенность в тайне. Вряд ли богачи с таким же рвением заказывали бы у него безлюдей, зная, что он способен управлять их домами и открывать двери одной вежливой просьбой.

За широкими стеклянными дверьми, обшитыми металлическими рамами, скрывался ночной сад. Почувствовав приближение, механические створки разъехались перед ним, а затем мягко соединились за его спиной.

Он решил прогуляться и все обдумать, чтобы вернуться к ужину с новым запасом терпения. Изгибающаяся тропа, выложенная гладким камнем, напоминала змею, ползущую в темную глубину сада, и он хотел сделать то же самое: спрятаться. Но насладиться уединением Риз не успел. На первом же повороте его схватили за локоть и потянули в заросли цветущего кустарника. Хватка была не сильной, но решительной, а рука с острыми ногтями – явно девичья. Риз нырнул в гущу зелени и оказался на другой стороне сада, куда почти не доставал свет, льющийся из окон.

– Вы же уехали из города! – выпалил он, когда увидел свою «похитительницу».

– Откуда вам это известно, Ризердайн? Следите за мной? – кокетливо спросила Марта. Вблизи она казалась не такой юной, но ее красота оставалась неоспоримой. Возможно, игра теней нарисовала на ее лице усталость, или строгая прическа добавила ей лет. Он не мог сообщить, что именно в ней изменилось.

– Нет. Слежу за новостями.

– У вас плохой информатор. Он пропустил мое возвращение.

– Придется урезать ему жалованье, – отшутился Риз, пытаясь вести себя непринужденно. – И что заставило вас вернуться сюда? Принесли весточку от отца?

Лицо Марты стало холодным, хмурым и почти враждебным.

– Перестаньте воспринимать меня как приложение к отцу! Сейчас перед вами я, – гордо вздернув нос, заявила она.

– Как и в прошлый раз, – парировал Риз. – Это не мешало вам действовать в его интересах.

Марта судорожно выдохнула. Упоминание о той встрече ее задело. Риз и сам не знал, зачем так настойчиво говорит об этом: хочет проучить ее, потешить свое ущемленное самолюбие или напомнить себе, что никому больше доверять нельзя. Он понимал, что Марта здесь ни при чем и злиться на нее – все равно что обвинять марионетку в плохом спектакле. Но его до зубного скрежета раздражали ее печальные глаза и дрожащие ресницы, сложенные домиком брови, капризно надутые губы и нервное дыхание с частыми вздохами.

– Вы же обещали, что забудете.

– Мне постоянно об этом напоминают.

– Очень жаль, но...

– Чего вы от меня хотите? – потеряв терпение, прямо спросил Риз. Он думал, что готов ко всему, но ее слова стали полной неожиданностью.

– Женитесь на мне! – с отчаянием выпалила Марта. Ее пальцы скользнули под рукав и крепко сомкнулись на его запястье, словно измеряя пульс. Она сбилась со счета, если бы попыталась. – Мы нужны друг другу, Ризердайн. Вы мое спасение, а я – ваше.

Закончив пламенную речь, она дала волю слезам. Вопреки ее надеждам Риз не бросился успокаивать, а, наоборот, отстранился, освобождая руку из плена цепких пальцев. Манипуляции, дешевые комедии, громкие слова и попытки разжалобить – все, что хотел от него что-то

получить, вели себя точь-в-точь как Марта. Теперь же, зная, какие мысли могут скрываться за этим, Риз не доверял никому.

– Простите, Марта. Это похоже на очередную ловушку.

– Что мне сделать, чтобы заслужить ваше доверие?

В полумраке ее глаза стали омутами – темными, бездонными, манящими.

– Ничего, – хрипло сказал он. Во рту пересохло, и теперь каждое сказанное слово парало небо, застревало в горле как кусок черствого хлеба. – Чем настойчивее меня пытаются уговорить, тем решительнее я отказываю. Прекратите.

– Я не уговариваю, я умоляю вас.

Ее ноги подкосились, и Марта рухнула перед ним на колени, что привело его в полную растерянность. В этот момент до них донесся тихий скрежет дверного механизма, и Риз спиной ощутил чье-то присутствие. Их могли застать вместе и неверно все истолковать, но Марта, ничего не замечая, доигрывала роль, истерично всхлипывая.

– Тише, нас услышат, – шикнул Риз, начиная всерьез беспокоиться.

Она позволила поднять себя и, когда их лица снова оказались напротив друг друга, настойчиво спросила:

– Так вы можете?

В ее голосе прорезались знакомые нотки. Она уже не просила, а требовала, точь-в-точь как ее отец. Уловив это сходство, Риз будто бы прозрел. Его пытались соблазнить, потом запугать, а теперь – разжалобить.

– Простите, Марта, – сконфуженно пробормотал он, – я не могу.

Ответ был неверным. Он почувствовал исходящий от нее гнев. Несчастливая девушка, молившая его о помощи, исчезла. Слезы высохли, остался только влажный блеск и обжигающий взгляд.

– Тогда пропадите вы пропадом, Ризердайн! – выпалила Марта и метнулась прочь, тут же растворившись в сумерках.

В еще большем смятении он вернулся в дом и, заметив, что его руки нервно трясутся, спрятал их в карманы брюк.

Аукцион уже закончился, и утомленные гости ждали начала ужина. Здесь к автоматам добавился нанятый обслуживающий персонал в строгих костюмах и с вежливыми улыбками. Люди сопровождали подносы на рельсах, предлагали напитки, подавали салфетки, провожали гостей к столам и помогали с рассадкой.

Когда мимо него проезжал столик, Риз схватил первый попавшийся бокал и осушил его залпом. Противный травянистый напиток неизвестного происхождения растекся по горлу обжигающей горечью. Риз поморщился, подождал, пока неприятное послевкусие ослабеет, и лишь тогда двинулся в банкетный зал. Мажордом у дверей внезапно остановил его жестом.

– Господин Уолтон? – спросил он. При упоминании своей фамилии Риз растерялся. Он никогда так не представлялся, все привыкли называть его по имени. – Вас нет в списках приглашенных.

– Постойте, это какое-то недоразумение...

– Вам лучше уйти.

– Вы что-то путаете. Спросите у хозяина. Он объяснит, что...

– Что я должен объяснить ему, Уолтон?

Риз перевел взгляд на подошедшего господина Брадена. На его узком угловатом лице нарисовалась омерзительная ухмылка, подчеркнутая тонкими усами – почти прямой линией, похожей на карандашный штрих.

– Говорят, меня нет в списках.

– И?

Риз нахмурился, предчувствуя неладное.

– В чем дело?

– Это мой дом, Уолтон. Я не должен оправдываться, почему не пригласил тебя на ужин. – Ледяной взгляд пронизывал насквозь. – Заметь, я не стал препятствовать твоим благотворительным целям, но, кажется, сегодня тебе важнее добраться до еды.

– Да пустите вы его к столу, – визгнул Иржи где-то поблизости. – Мы же помогаем нуждающимся.

Раздались редкие одобрительные смешки. Присутствующие сбились в тесную свору и, зубоскаля, с интересом наблюдали за разгорающимся скандалом. Над толпой, как вожак, вышался Браден.

Риз, словно изгнанный из стаи, топтал порог, а позади него дышал сквозняками пустой коридор. С вызовом посмотрев на того, кто еще недавно гостеприимно приглашал его в свой дом, он выпалил:

– Вы презираете меня, но живете в безлюдье, который построил я.

– Умею ценить вещи отдельно от их создателя, – парировал Браден.

Гости загудели. Их слов было не разобрать, но рядом с собой Риз отчетливо услышал:

– Прошу вас, Ризердайн. Не устраивайте сцен.

Он вздрогнул, почувствовав, как чья-то ладонь легла ему на плечо. В нос ударил табачный дым, когда госпожа Олберик наклонилась к нему и шепотом добавила:

– Не унижайтесь.

Риз замер. Слышали ли остальные, что госпожа Олберик сказала ему напоследок? Наверно, нет. В море смешков, возгласов и ошеломленных вздохов ее слова были щепкой, и все же они отрезвили его.

Он решительно развернулся, чтобы уйти, и, не заметив столика с водой, подъехавшего слишком близко, врезался в него. Стаканы со звоном попадали, расплескивая содержимое, кубики льда градом посыпались на мраморный пол, холодная вода залила ему брюки. Нелепая сцена вызвала очередную волну насмешек. Со злости Риз перевернул стол, сорвав его с рельс. Оглушительный грохот эхом прокатился по коридору, отражаясь от стен.

Он бы мог разрушить этот дом до основания, потому что знал, как парой действий вывести механизмы из строя. Но он этого не сделал.

С позором покидая Механический дом, Риз гадал, успела ли Марта донести отцу их разговор. Как ни прискорбно было признавать, но это походило на подготовленную ловушку. Браден не отменил приглашение и не прогнал его сразу, а позволил унижаться перед другими в надежде на их помощь. Он ждал момента, когда соберутся все и гости будут достаточно пьяны, чтобы не прятаться за вежливыми масками и не отказывать себе в удовольствии глумиться над отщепенцем.

Риз слетел по ступенькам и пересек двор – длинный и ярко освещенный, точно коридор лечебницы. Его выгнали в самый разгар вечера, и до полуночи, когда водитель должен был заехать за ним, оставалось еще много времени, которое Риз решил провести, прогуливаясь по берегу. Он не хотел заявляться домой раньше; не в том он был настроении, чтобы любезничать и корчить радушного хозяина. Оставалось надеяться, что уставшие после долгой дороги гости не станут дожидаться его и он вернется незамеченным.

Риз размышлял об этом, спускаясь по улице, ведущей к морю, когда ему навстречу из темноты вышли три мощные фигуры в черном. Сперва он принял их за простых прохожих, но потом его внимание привлекло то, как странно они двигаются: вначале решительными шагами сократив расстояние, затем медленно, крадучись, подступая к нему с разных сторон.

Риз остановился, поздно поняв, что бежать некуда.

– Далеко собрался? – спросил один, бритоголовый, и сразу за этим последовал резкий удар в живот, который едва не сшиб Риза с ног.

Внутренности обожгло, и он согнулся пополам. Его тут же схватили за шиворот и потянули назад, чтобы вмазать по лицу. Вместе с накатывающей волной боли Риз ощутил горячую и липкую кровь, хлынувшую из носа.

– Погоди, не вырубайся. – Его встряхнули и похлопали по щекам. – У нас для тебя кое-что есть.

Когда перед его лицом зависла рука, он даже не дернулся в ожидании удара. Одним больше, одним меньше – уже все равно. Однако бить его не стали. Он с трудом сфокусировал зрение и понял, что ему показывают небольшой предмет.

– Узнаешь?

Риз понимал, что должен ответить, но не мог. Кровь залила ему рот, и от ее металлического привкуса начало тошнить. Бритоголовый, выполнявший роль переговорщика, повторил вопрос. Тот, кто стоял сзади, выкрутил ему руки сильнее, заставляя если не ответить, то хотя бы закричать от боли. Риз с трудом выдохнул «да», которое от него хотели услышать, показывая ржавый ключ от старого приюта.

– Знаешь, что мы сделали с той развалиной? – Риз кивнул. – А почему от нее остался только ключ и горсть гвоздей? – Он снова склонил голову, но уже не поднял ее, потеряв контроль над телом. Теперь им управляли они.

Бритоголовый схватил его за подбородок и надавил на скулы, вынуждая раскрыть рот; другой нападавший затолкал ключ, больно ударивший по зубам, когда Риз дернулся. Холод и металлический привкус на языке выместили все остальное. Он хотел вытолкнуть ключ обратно, но ему крепко зажали рот ладонью. Тот, что держал его сзади, дернул за волосы, заставляя запрокинуть голову и проглотить ключ, как таблетку.

К горлу подступила тошнота. Он, кажется, перестал дышать.

– Вот и подавись своими безлюдями, дружок, – прошипели ему в ухо, а затем резко отпустили.

Риз мешком повалился на землю, так и не успев понять: ударили его под колени или он сам уже не держался на ногах.

– В следующий раз будешь глотать ржавые гвозди. Понял?

Он кивнул, хотя его ответ уже никого не интересовал. Нападавшие быстро скрылись, растворившись в темноте улицы. Едва их шаги стихли, Риз выплюнул ключ. Каким-то образом ему удалось зажать языком и не проглотить.

Во рту остался кисло-горький привкус и царапающиеся чешуйки ржавчины. Риза затрясло, бросило в жар, стошнило. Он отполз к обочине и долго пролежал так, собираясь с силами. Когда сознание стало медленно возвращаться, Риз задумался, куда ему идти. Он не хотел тащиться обратно к Механическому дому, чтобы дожидаться водителя, и не мог появиться в таком виде перед гостями. Прикинув, нет ли поблизости его недостроенного безлюдя, Риз вспомнил об одном, подходящем для того, чтобы пережить в нем самую ужасную ночь.

Кое-как он поднялся, отчетливо слыша, как хрустят колени. Значит, его все-таки били по ногам.

Дорога длиной в пару кварталов показалась бесконечной. Он шел, опираясь на заборы, бессильно сползал на землю и сидел, пока головокружение не проходило, затем поднимался и брел дальше, охваченный стыдом и отчаянием.

Все, что он считал своей силой, оказалось хрупким и шатким. Знания, честность, смелые идеи – ничто из этого не защитило его. Риз был слабаком, и ему доказали это, за несколько ударов превратив в жалкого червяка, ползущего по дороге.

Наконец впереди показалось строение, огражденное большими металлическими щитами. Подобные конструкции оберегали все строящиеся дома. В такой броне безлюди росли быстрее и легче поддавались дрессировке.

Ключей от дома у Риза не было, но на месте дежурил сторож. После случая с отравлением фермерских безлюдей это было вынужденной мерой предосторожности.

– Это я, – подал голос Риз и сам поразился, с каким хрипом и сипением тот звучит.

Сторож встретил его у ворот и удивленно выпучил глаза.

– У вас кровь... – пробормотал он и, тыча пальцем в свой подбородок, прочертил в воздухе круг, обозначая масштабы проблемы.

– Пустяки, – отмахнулся Риз, а затем попросил ключ.

Сторож без лишних вопросов исполнил просьбу, старательно отводя взгляд.

– Будь добр, передай моему мажордому, чтобы утром прислал машину.

– Но я же... – Он почесал затылок, пытаясь сообразить, как ему разорваться и оказаться в двух местах одновременно.

– Иди, я тебя подменю.

Спровадив сторожа с важным поручением, Риз направился к дому. При строительстве каждую стену наштапиговали успокаивающими травами, готовя жилище для старой одинокой женщины с бессонницей. Сегодня Риз собирался испытать его действие на себе: если даже он сможет забыться здесь, значит, безлюдь справляется со своей работой.

Дом любезно встретил его тем, что зажег лампы в холле и под лестницей, подсветив каждую ступеньку. Риз осмотрелся, сиюсь вспомнить проект, чтобы сразу сориентироваться, куда идти. Голова соображала плохо, но тем не менее ему удалось быстро отыскать душевую, временно оборудованную для рабочих. Риз хотел умыться, но пришлось лицезреть себя в зеркале.

Он выглядел хуже, чем предполагал, когда назвал это «пустяками». Белый костюм уже не белый, но в таком виде еще больше символизирует поражение. Нос разбит, но хотя бы не сломан. На прокушенной губе ошметки ржавчины от ключа. Волосы спутаны и прилипли ко лбу. Синяки под глазами появились от недосыпа давно, но теперь выглядели устрашающе на мертвенно-бледном лице. Кровь была не под кожей, а на ней, размазанной по щекам и подбородку. Так выглядело унижение.

Пустив воду из крана, Риз долго, до боли, тер лицо, пытаясь смыть с себя это отвратительное чувство. Не смог. Бросил. А потом дал волю эмоциям, извергнув такой поток ругательств, какой никогда прежде не произносил. Все, что кипело и обжигало внутри, вышло наружу иступленным криком, бранными словами, отчаянным стоном. Это лишило его последних сил, и он, еле переступая ногами, побрел искать комнату для ночлега. Особо не выбирая, завалился в ближайшую, стянул с себя грязную одежду, вывернул ее наизнанку, швырнул на пол и рухнул сверху. Ему не понадобились ни кровать, ни одеяло, ни подушка. Покой – это все, чего он хотел.

Риз отключился мгновенно то ли под действием безлюдя, то ли от потери сознания.

Его разбудили не звуки, не болезненное нытье тела, а ощущение, что за ним наблюдают. Он с трудом разлепил веки. Утренний свет, струящийся из витражных окон, едва не ослепил его, но Риз сразу понял, что пришла Илайн. Ее высокий силуэт в обрамлении дверного проема напоминал картину. Она стояла на пороге в своей излюбленной позе – подбоченившись, склонив голову, словно собираясь читать нотации. Истинная домтер.

Он рассматривал ее неприлично долго, потому что никак не мог сфокусировать зрение. Взгляд цеплялся за детали: темно-фиолетовые губы, будто бы испачканные чернилами; расстегнутые от жары пуговицы на воротнике рабочего комбинезона; худые щиколотки, которым не хватило длины брюк; ремешок дорожной сумки на плече...

Проследив направление его взгляда, Илайн похлопала пухлый саквояж и деловито сказала:

– Здесь сменная одежда, мыло, зубной порошок и сырная булка. Сам разберешься, что надеть, чем умыться, что съесть? А то у тебя такой вид, будто тебе мозги отшибло. Эй, Ри! Ты слышишь?

Илайн шелкнула пальцами, но, так и не получив внятного ответа, направилась к Ризу. Ее решительное наступление тут же разбудило его, и он, наконец, сообразил, где находится и что с ним происходит. Итак, он проснулся избитым, в недостроенном безлюдье, лежа на полу и подмыв под себя то, что еще вчера можно было назвать одеждой. Сейчас же брюки стали простыней, вывернутый наизнанку пиджак – одеялом, а комок из рубашки – подушкой. Он прикрылся пиджаком и извинился за свой вид. Илайн лишь отмахнулась, мол, не переживай, и не такое встречала.

– Как твой светский раут? – спросила она, чтобы сгладить неловкость момента.

– По моему лицу незаметно, но я отлично провел время.

– Чуждо. – Илайн уселась рядом, бросила саквояж перед собой и первым делом достала аккуратно сложенную одежду.

– Откуда у тебя мои вещи?

– Забыл у меня, – фыркнула она, будто оскорбилась, что Риз чего-то не помнит, а в следующий миг заливисто захохотала. Поймав на себе его хмурый взгляд, она осеклась и пояснила: – Саймон собрал сумку, а я пообещала позаботиться о тебе. Вот, видишь, я забочусь.

Илайн зашуршала бумажным пакетом, доставая сырные булочки: одну вручила ему, а вторую надкусила, оставив на выпечке темный след от помады, похожий на синяк. При этой мысли Риз почувствовал боль в переносице. Удивительно, что Илайн ни о чем не спросила.

Оказалось, ей известно все и даже больше.

– С самого утра город шушукается, что тебя выгнали с ужина и поколотили. Ты не появился в конторе, вот я и решила заглянуть к тебе, чтобы узнать, сколько в этих слухах правды. – Она сделала паузу, ожидая пояснений, но тут же нетерпеливо спросила: – Так сколько?

Риз поморщился.

– Девяносто девять процентов.

Илайн тяжело вздохнула и смахнула с щеки прилипшие крошки.

– А еще говорят, что тебя застукали с дочкой Лэрда... – Тут она прервалась, явно опуская подробности. – Это из-за нее тебя так разукрасили?

– Нет, – выпалил Риз, всем видом показывая, что не намерен обсуждать произошедшее. – Спасибо за доставку сплетен обо мне. Что-нибудь еще?

Она безразлично пожала плечами.

– Больше ничего такого, что могло бы тебя доконать.

– Очень любезно с твоей стороны.

Ризу определенно не нравилось, что слухи расползаются по Делмару с такой скоростью и в таких масштабах. Он нервно поежился при мысли, что кто-то мог узнать о том, как ему в глотку затолкали ржавый ключ.

Они доели завтрак в молчании. Потом, не дожидаясь, когда в голову Илайн придет очередной неудобный вопрос, Риз завел разговор о работе. Успокаивающие травы отлично справились с задачей, а вот огромные окна оказались не лучшим решением для восточного фасада. Чтобы устранить этот недостаток, они могли бы научить безлюдя управляться со ставнями. Своими мыслями он поделился с Илайн, добавив, что панорамные окна, похожие на витрины, не прибавляют дому уюта.

– Сомневаюсь, что хозяйка будет спать на полу кухни, – хмыкнула она, и на ее темно-фиолетовых губах заиграла легкая улыбка. – Но ты прав: в доме катастрофически не хватает интимной обстановки. Хочешь исправить это сейчас, пока раздет?

Застигнутый врасплох, Риз пробормотал:

– Искрометная шутка.

Кошачьи глаза Илайн коварно сверкнули.

– Но ты не засмеялся. Растерялся. Смутился. Разве так реагируют на шутки?

Он молча уставился на нее, не зная, как себя вести. Наверное, он выглядел глупо, потому что Илайн быстро сжалась над ним:

- Да ладно, расслабься. Я просто проверяла, в своем ли ты уме.
 - И каков вывод? – мрачно спросил он, уже не надеясь понять ее чувство юмора.
- Илайн не ответила. Вскочила на ноги и, уходя, бросила через плечо:
- Собирайся. Подожду тебя в машине.

Глава 2

Пернатый дом

Флориана

Шарообразная люстра, собранная из бусин перламутра, подрагивала от ветра, проникающего в распахнутое с ночи окно. Море затопило собой комнату: далекими отзвуками волн, привкусом соли в воздухе, свежестью, что принес утренний бриз.

Соскользнув с кровати, Флори ощутила голыми ступнями холод каменного пола и на цыпочках прошла в гостевую купальню. Сквозь витражное стекло сюда проникал слабый, рассеянный свет, отбрасывающий разноцветные блики на стены. Присев на краешек ванны, она повернула вентили, запустив в работу паровой котел и трубы, чей натужный гул наверняка был слышен на весь дом.

Флори заколола волосы наверх, скинула ночную сорочку и, не дожидаясь, когда ванна наберется, забралась в нее. Подтянув ноги к груди и обхватив их руками, она пристроила на коленях подбородок и стала наблюдать, как латунные рыбы рты извергают потоки: от горячего исходил пар, от холодного летели колющие брызги, норовившие попасть в лицо. С наслаждением вытянувшись, Флори в мыслях вернулась в тот вечер с лавандовым мылом и чашками, полными бессонницы. Тогда разговор с Дартом не заладился, но воспоминания о нем были теплыми и обволакивающими, как прикосновение воды. Обещание, данное Голодному дому, запрещало ей появляться в безлюде и тревожить его лютена, но ничто не могло запретить думать и тосковать о них.

Ей стоило волноваться о другом: о сестре, оставшейся в школе-пансионе, покинутом доме, предстоящей работе, своем будущем. Вместо этого ее разумную, светлую голову занимали мысли о Дарте. Флори ждала, что он придет на причал, чтобы попрощаться. Провожая ее в Лим, он сказал ей важные слова, а она, смущенная и напуганная его признанием, не нашла в себе смелости ответить. Теперь же, чувствуя растущую пропасть между ними, Флори надеялась все исправить и объясниться перед отъездом в столицу. Дарт так и не появился, и все невысказанные обещания, нераскрытые объятия, упущенные моменты остались на его совести.

От клубящегося пара ее бросило в жар, и сердце, будто свинцовое, забилося тяжело, нервно. Она вынырнула из воды, позволила ознобу прильнуть к мокрым плечам и, зачерпнув мыльной пены, принялась тереть лицо, смывая с себя тревогу и сомнения.

К тому моменту, когда в дверь постучал мажордом, приглашая на завтрак, Флори уже собралась: аккуратно уложила волосы, надела скромное платье из сизого муслина и успокоилась, приняв облик прилежной практикантки, какой хотела казаться при знакомстве с хозяином дома. Вчера, занятый важными делами, он так и не появился перед гостями, и они чувствовали себя как ночные грабители, проникшие в чужие владения. Исправить ситуацию не смог даже радушный прием Саймона, представившегося мажордомом, но выполнявшего всю работу по дому в одиночку.

Он проводил Флори в столовую, где уже сидел Рин, гипнотизируя тарелки, на которых лежали рыбный паштет, мягкий пласт сливочного масла и ломти ржаного хлеба.

За завтраком они вели обычную для такого случая беседу: как спалось на новом месте, удалось ли отдохнуть после дороги, какая прекрасная погода за окном. Улучив момент, когда Саймон оставил их вдвоем, Флори спросила:

– Мы здесь надолго?

Рин посмотрел на нее с удивлением и долей осуждения за то, что ее волнует не учебная практика, а возвращение в Пьер-э-Металь. Флори стало неловко, когда она поняла, что ведет себя неблагодарно. Чтобы привезти ее сюда, Рину пришлось оставить контору и отложить приготовления к свадьбе.

– Думаю, останемся на пару недель, – ответил он с выдержанным спокойствием. – Уверю, время пролетит незаметно, пока будете выполнять задания.

– Задания? – растерянно переспросила Флори.

– Конечно. – Рин откинулся на спинку стула, приняв идеальное для нравоучений положение. – Или вы думали, что за две недели сразу превратитесь в домографа? – Пауза. Насмешливый взгляд темных глаз. – И не делайте такое обиженное лицо. Я не сомневаюсь в вас. Это лишь вопрос дисциплины.

Как бы они ни притворялись добрыми товарищами, в их общении четко прослеживались роли начальника и подчиненной. Так сложилось с самого начала, а после того как Флори приняла на работу, закрепилось официально. Пусть Эверрайн и пытался общаться по-приятельски, он все равно смотрел на нее свысока, словно они не покидали стен конторы.

В полдень за ними прислали водителя, и тот отвез их на объект для знакомства с Ризердайном, чья занятость служебными делами не оставляла времени на прием гостей.

У кромки дороги их встретил долговязый парень в комбинезоне, за пояс которого были заправлены перчатки из грубой материи. На его голове красовались очки в латунной выпуклой оправе с зелеными стеклами; похожие носил в портфеле Рин, но Флори до сих пор не разобралась, как работает это оптическое приспособление. Своего имени парень не назвал, представившись техником, и повел их по длинной тропе в глубину рощи, объясняя, как нужно вести себя с местным безлюдом: не совершать резких движений, не подходить близко и не поворачиваться к нему спиной. Их словно бы готовили ко встрече со свирепым зверем. Вначале Флори посмеялась над этим, но потом, услышав странный треск, рокот и встревоженные возгласы, убедилась, что предупреждения не были пустыми словами.

В центре небольшой поляны, окруженной частоколом деревьев, стояло странное сооружение, одновременно похожее и на дом, и на воздушный шар в паутине тросов. Они оплетали его от крыши до основания и пронизывали насквозь, удерживая на месте. Дом раскачивался из стороны в сторону, словно проверял пути на прочность и хотел вырваться на свободу. Скрипели натянутые канаты, дребезжали стекла в рамах, доски трещали и ходили ходуном. Вокруг сустились несколько техников.

Флори сразу обратила внимание на того, кто руководил ими. Высокий и остроплечий, он выделялся тем, что держался с невероятным спокойствием и решимостью, как будто все знал наперед, а остальных ни о чем не предупредил.

Неожиданно из окна привязанного дома выглянула девушка с взлохмаченными, черными как смоль волосами и озлобленно рывкнула на техников:

– Не тяните, вы его пугаете!

Несколько человек послушно выпустили канаты из рук, защищенных перчатками, и отступили. Безлюдь, почувствовав свободу, резко дернулся, отчего девушка, всем телом навалившись на подоконник, чуть не выпала наружу. Ее уберегло лишь то, что она успела схватиться за деревянную раму.

– Да сколько можно с ним возиться?! – возмутился один из техников и решительно дернул веревку на себя.

Он не рассчитал силы. Натянутый трос лопнул и, с громким свистом рассекая воздух, пролетел над головами, точно хлыст. Техники бросились врассыпную, кто-то пригнулся и спрятался за деревьями, кто-то, споткнувшись, упал. За пару секунд их слаженная работа превратилась в полнейшую неразбериху. Уследить за всеми было невозможно, и Флори не заметила,

куда подевалась черноволосая девушка: скрылась ли она внутри дома, или стала частью живого клубка из веревок, комбинезонов и грязной брани.

Спустя минуту шум резко стих, будто жужжание приклепнутой мухи. Окружение замерло, даже безлюдь уgomонился и перестал рваться из пут. Немую сцену прервал строгий голос:

– Ты слышал, что сказала домтер?

Зачинщик беспорядка, к кому и был обращен вопрос, задиристо вскинул подбородок.

– Она впустую тратит наше время. – Он швырнул на землю перчатки, ясно давая понять, что больше не собирается подчиняться.

– Тогда ты свободен. В смысле уволен.

После этих слов у Флори не осталось сомнений, что перед ней сам Ризердайн Уолтон, о котором она столько раз слышала. Рин отзывался о нем столь почтительно, что она представляла его мужчиной в летах; усмешки и едкие комментарии Деса, называвшего столичного дельца «франтом», укрепили в ее воображении почти комичный образ, но этот серьезный, сдержанный почти до холодной отрешенности молодой человек выглядел совсем иначе.

– Сдай ключи. – Рука в перчатке властно вытянулась ладонью вверх и сцапала звякающую связку.

Разделавшись с одним подчиненным, Ризердайн обвел остальных суровым взглядом, словно вычисляя несогласных. Техники молчали, опутив головы или нервно перетаптываясь с ноги на ногу. Напрягся даже тот, что стоял рядом с Флори, хотя в его сторону даже не посмотрели.

– Кретины, – прорычал уволенный техник, сплюнув под ноги, но желчи в его словах меньше не стало: – Готовы плясать под дудку стервозной бабы!

Едва он сказал это, одна из веревок взвилась вверх и хлестким ударом обрушилась на него, на сей раз не промахнувшись. Техник гикнул от боли и упал на колени, уронив лицо в ладони. Рабочие опасливо отшатнулись, Ризердайн метнул сердитый взгляд на дом, вернее, на окно, в котором нарисовалась черноволосая дева. Глаза ее пылали гневом, щеки – пунцовым огнем.

– Вот что я тебе скажу, Батт. Когда не получается мериться содержимым головы, остается надеяться на содержимое штанов. Но у тебя, кажись, везде пусто, – презрительно бросила она и отпружинила обратно, скрывшись в доме, точно птичка в часах.

Кто-то из толпы сдавленно засмеялся, кто-то загоготал во все горло. Ризердайну пришлось повысить голос, чтобы перекричать их всех и отправить прочь. Техники вмиг разбежались, точно муравьи из потревоженного муравейника. Последним ушел Батт, чье лицо перечеркнула красная полоса – след от хлесткого, точно пощечина, удара. Он собирался что-то сказать, но вовремя вспомнил, что уже поплатился за свой грязный язык, и ограничился презрительным плевком под ноги.

– Твердой земли под безлюдьми! – крикнул Эверрайн, привлекая внимание к их скромной компании, стоящей поодаль от основного места действия. Флори решила, что это какое-то особое приветствие среди домографов. В ответ Ризердайн натянуто улыбнулся и двинулся к ним, на ходу снимая рабочие перчатки.

Домографы тепло встретились, обменялись рукопожатиями и перекинулись парой только им понятных фраз.

Флори скромно отошла в сторону, пользуясь моментом, чтобы рассмотреть Ризердайна получше. Его лицо словно было собрано из осколков сахарного стекла – угловатое, с острыми скулами и матовой бледной кожей, подчеркивающей синеву под глазами. Когда Ризердайн повернулся, чтобы поздороваться с ней, Флори заметила свежие ушибы: на переносице – синяк от удара, на губе – кровоточащая рана. Это придавало ему отрешенный, суровый вид, доказывая, что работа с безлюдьми бывает опасной.

– Домограф Делмара. Лучший специалист по безлюдям. – Так его представил Рин.

Тень смущения скользнула по лицу Ризердайна, однако он тут же замаскировал это легкой ухмылкой.

– И как у тебя язык поворачивается говорить так не о себе? – пробормотал он.

– В душе я рыдаю, – тут же отразил Рин.

Редкое явление, чтобы господин Зануда соизволил острить, осталось незамеченным. Ризердайн уже переметнулся к Флори и деловито протянул ей руку. Его ладонь была теплой и влажной после перчатки, а само рукопожатие – крепким, решительным.

– Флориана? – уточнил он. – Помощница Эверрайна, не так ли?

– Младший архивариус, – поправила она, сочтя эту должность более солидной.

Помощниками называли тех, кто приносил письма, складывал бумаги и протирал стол от пыли. Она же разбирала документы, чертежи, составляла картотеку, а пыль протирала исключительно по собственной инициативе. Пусть бумажная волокита была далека от работы домографа, но хотя бы воспринималась как самостоятельная должность, а не как приложение к начальнику.

– Архивариус, которого готовят в домографы. – Ризердайн улыбнулся краешками губ. – Взглянете на безлюдя?

Втроем они направились к привязанному дому. Цилиндрическое сооружение с окнами напоминало дырявую бочку, накрытую выпуклой, словно вздувшейся, крышкой. Ризердайн рассказал короткую историю: давным-давно это был охотничий домик, где разводили ловчих птиц. После место опустело, тропа к нему заросла. Брошенного безлюдя обнаружили лесорубы и продали Ризердайну.

– Я смотрю, у тебя на него большие планы. – Рин цокнул языком. Как бы он ни пытался сдерживать заинтересованность, в глазах его читался азартный блеск.

Присмотревшись к дому, Флори поняла, что так поразило Рина. Вместо черепицы крышу покрывали перья, уложенные каким-то особым образом; наверняка тесная раскладка и образуемый ими узор имели смысл и техническое обоснование.

– Летающий безлюдь? – присвистнул Рин. – Смело...

Ризердайн подтвердил его предположения, не скрывая радости, что ему удалось произвести должное впечатление. Тогда у Флори закралась мысль, что обстоятельства их встречи были не случайностью, а заранее спланированным ходом. Все, что ей следовало знать о будущем наставнике, рассказывал сам безлюдь – дерзкий, поражающий воображение проект.

– Летать пробовали? – увлеченно продолжал Рин.

– Нет. Он еще капризный и дурной, пока учится ориентироваться в пространстве.

– Интересно, что внутри...

Не спрашивая разрешения войти, Рин потянул дверь на себя и шагнул вперед, но путь ему преградила высокая девушка, чье лицо в обрамлении черных волос уже примелькалось, а вот зеленый комбинезон смог удивить количеством карманов и металлических пуговиц. Она стояла, оперев руки в бока, как хозяйка, не желающая пускать незваных гостей на порог.

– Мой безлюдь не дрессированный песик для забавы.

– А вот и наша домтер, – протянул Ризердайн. – Илайн обучает безлюдей...

– ...И оберегает их от чужаков, – продолжила она с хмурым, едва ли не враждебным видом.

– Брось, Ила. Это друзья.

– И с кем из них твоя дружба крепче?

В отличие от остальных работников домтер совсем не боялась перечить Ризердайну и делала это с особым энтузиазмом. Возможно, потому что имела особое расположение, или в силу своего скверного характера.

– Им можно доверять. – Он многозначительно посмотрел на Илайн и прошел в дом, бесцеремонно отодвинув ее в сторону. Она не посмела остановить его и только поджала губы, накрашенные темно-вишневой, почти черной помадой.

Флори примирительно улыбнулась ей, но Илайн ответила угрюмым взглядом, чтобы раз и навсегда прояснить: никакой дружбы между ними не получится. Это устраивало обеих. Флори не стремилась заводить здесь друзей и ближайшие две недели планировала посвятить работе и обучению.

Она вошла в дом последней и едва не налетела на Рина, застывшего посреди комнаты. Внутри безлюдь представлял собой круглое помещение, лишенное всякой мебели, если не считать парочки скамеек, привинченных к стенам по обеим сторонам для баланса во время полета, как пояснил Ризердайн. Из центра дощатого пола торчал металлический штырь, к которому крепились веревки. Благодаря им безлюдя удавалось удержать на месте. Потолок с балками напоминал замысловатый чертеж, где пересекалось и соединялось множество линий. Из деревянных перекладин торчали ржавые крюки. Возможно, когда-то на них висели клетки с хищными птицами или тушки животных, убитых охотником... Флори невольно поежилась и отвернулась.

Эверрайн до сих пор не сдвинулся с места и сам выглядел растерянным.

– Безлюдь не злится на меня, – озадаченно сказал он. – Странно.

– Учитывая, что мы находимся в его хартруме, – подхватила Флори, поздно осознав, что говорит очевидный факт. Илайн пренебрежительно хмыкнула, наверно, думая о том же.

– Мои безлюди ручные, – пояснил Ризердайн не без гордости.

– Ты отучил их от одиночества?

– Вернул им веру в людей. – Ему явно льстило, с каким удивлением приятель реагирует на результат его работы. – Новое поколение безлюдей: дома, пригодные для жилья и сохранившие свои способности.

– Как?

Ризердайн не успел ответить, потому что за него это сделала Илайн. Она по-прежнему стояла в дверях, сцепив руки за спиной: не иначе как стражник, охраняющий важный объект.

– А эта информация держится в секрете.

– Правда? – удивился Риз и приподнял брови.

Илайн пропустила его вопрос и с наигранной любезностью предложила «уважаемым гостям» оглядеться, явно желая увести их от темы и увлечь разными мелочами. Например, панелью управления. Щиток с тумблерами снаружи напоминал почтовый ящик, а изнутри светился красным. Металлический штырь в полу служил якорем, удерживающим Пернатый дом на земле. Без него безлюдь давно взмыл в воздух, и никакие тросы не смогли бы остановить его. Затем Илайн продемонстрировала веревочную лестницу, позволяющую забираться в дом, набравший высоту.

– Пока им тяжело управлять, вот и приходится успокаивать. – Она покрутила запястьем, обтянутым кожаным браслетом с петельками, в которые были вставлены маленькие пузырьки с неизвестным содержимым. Несколько петелек пустовало, из чего Флори сделала вывод, что домтер использовала какое-то другое, жидкое, успокоительное, а вовсе не сандаловые благовония, как это делал Рин.

После они отправились на улицу, чтобы осмотреть дом снаружи. Обошли его, ныряя под тросы, исследуя каждый выступ и каждое окно, пока Илайн не заявила:

– Ну все, хватит. Безлюдь устал от вас.

И, судя по выражению лица, то же самое справедливо было сказать и о ней самой.

Они вернулись как раз к ужину. Стол был сервирован, и Саймон за считанные минуты натаскал из кухни несколько подносов с едой, однако количество блюд не значило их разнообразия. Салат с тунцом и шпинатом, печеный окунь в миндале и пастуший пирог из овощей, коварно скрывающих под собой рыбную начинку. На десерт предлагалось дрожащее желе изумрудного цвета, приготовленное из неведомых водорослей, после которых у Флори осталось ощущение, будто она проглотила скользкую жабую шкурку. Больше она не притронулась ни к одному блюду и скромно сидела за столом, слушая разговор двух домографов.

Вопреки ее ожиданиям, обсуждали они вовсе не работу. То и дело звучали имена неизвестных людей, чьи судьбы волновали собеседников, а затем, после приговоренной бутылки портвейна, они окунулись в ностальгию по временам, проведенным вместе в строительной академии. Забавные случаи и байки вызвали приступы хохота, перетекающие в новые истории. Флори с унылым стаканом яблочного сока чувствовала себя лишней за этим развеселым столом. Теперь она понимала слова Деса о том, что одинаковые напитки всегда объединяют, а разные – вызывают недопонимание и даже способны спровоцировать вражду. Уж по части питейной философии его мудрость не знала границ.

В своем доме Ризердайн так преобразился, будто по дороге его подменили на беспечного весельчака: бледное лицо налилось румянцем, а строгий взгляд сделался мягким, ословелым. Он поднял очередной бокал и произнес символический для всех домографов тост:

– Твердой земли под безлюдями!

Внезапно протяжный вибрирующий гул заполнил комнату доверху, как вода – графин. Звук нарастал, наполнился странным придыханием, вибрацией и эхом... Его нельзя было спутать ни с чем другим. Голос безлюдя. Внезапное открытие настолько ошеломило ее, что Флори подскочила на стуле и воскликнула:

– Это безлюдь?!

Ризердайн бросил на нее непонимающий взгляд, словно удивился, что она до сих пор здесь.

– А вы разве не почувствовали? – спросил Рин. Он и раньше позволял себе отпускать колкости о невежестве Флори, однако она не ожидала столкнуться с ними сейчас. Вернувшийся на минуту господин Занудство-и-серьезность не заметил ее смятения, продолжив с наигранной печалью: – Не подводите меня, Флориана. Я поручился за вас, а вы не разбираетесь в элементарных вещах.

За столом повисла неловкая пауза. Отчетливо слышалось, как покашливает из кухни Саймон, которого отправили за новой бутылкой.

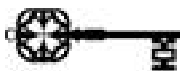
Флори хотела сказать многое, но вместо этого встала из-за стола и швырнула салфетку на освободившийся стул.

– А могло бы прилететь тебе в лицо, – сказал Ризердайн приятелю.

– Не сомневаюсь, ты бы хотел на это посмотреть, – пробормотал тот.

Их дальнейших острот она не слышала, потому что уже выскочила из столовой, чувствуя, как обида узлом стягивается в груди, а невысказанные слова становятся комком в горле.

Первым порывом было собрать вещи и немедленно вернуться в Пьер-э-Металь. Флори даже вытащила чемодан из-под кровати и, опустившись на пол, долго просидела, глядя на клетчатую обшивку, пока линии не стали кривиться и расплываться. Она моргнула, и слезы скатились по щекам, но тут же были безжалостно стерты рукавом. Дрожащими пальцами Флори нащупала в обшивке чемодана потайной кармашек и достала маленький ключ от почтового ящика, а потом крепко сжала его в ладони, чтобы напомнить себе, ради чего должна остаться.

Не так давно она точно так же сидела, склонившись над дорожным чемоданом, и в растерянности разглядывала его клетчатое нутро. Одежда уже обосновалась в платяном шкафу, который оставили здесь прежние владельцы. В переездах и путешествиях Флори всегда следовала странной привычке: первым делом разбирала чемодан, чтобы заполнить чужое пространство знакомыми вещами. Несмотря на усталость после дороги, она упрямо опустошала саквояжи с одеждой и коробки с разным скарбом.

Офелия честно пыталась помочь, но быстро сдалась, да так и уснула в гостиной, окруженная нагромождением мебели и вещей, прибывших вместе с ними из Лима. Грузчики за несколько монет доставили багаж из порта, а с остальным предстояло справиться своими силами.

Раскладывать все по местам было сродни приведению мыслей в порядок. Обнаружив очередной чемодан пустым, Флори замерла, внезапно осознав, что средство не сработало и не помогло избавиться от тягостного чувства. Вначале она уехала из Пьер-э-Металья, надеясь, что в родном Лиме будет легче. Но дом без родителей превратился в пустые стены, навевавшие такую тоску и сожаление о потерянном, что хотелось уйти и никогда не возвращаться к руинам прошлого. Она сбежала и вернулась туда, где еще осталась надежда, – в Пьер-э-Металь.

Их новый дом располагался в уютном районе под названием Цветочный грот, отдаленно напоминавшем благоухающие улочки Лима. Ей казалось, что теперь все сложится, что здесь начнется другая, счастливая, жизнь. Но в тот момент, пялясь в пустой чемодан, Флори поняла, что возила с собой не только вещи. Куда бы она ни поехала, где бы ни поселилась, ее потаенные страхи, боль и тревоги были с ней. И сейчас чувство внутренней опустошенности напоминало о чемодане, из которого вытряхнули все содержимое.

Она так погрузилась в мысли, что испугалась стука в дверь. Кто мог явиться в столь поздний час? Не соседи же пришли знакомиться, в самом-то деле. Рин, помогавший ей с покупкой дома, обещал заглянуть с утра. Остальные и вовсе не знали, что они приезжают сегодня. Флори хотелось обосноваться на новом месте, прежде чем звать гостей, но кто-то пришел без приглашения и явно не собирался уходить, пока ему не откроют. Стук, уже более настойчивый, повторился.

Флори осторожно выглянула на улицу, но из окна спальни не увидела крыльца – только пятно света, падающее от уличного фонаря, и плоскую тень человека. Он стоял у двери, нервно ероша волосы, и по единственному жесту Флори узнала его. Сердце заколотилось часто и тревожно. Она замерла, не зная, что делать, разрываясь от противоречий.

Тем временем тень нырнула во тьму. Теперь Дарт стоял под окнами и, задрав голову, смотрел прямо на Флори.

– Прости, что поздно. Не смог дождаться утра.

Флори шикнула на него, чтобы не кричал.

– Ночь на дворе.

– И что же, ты меня даже на порог непустишь?

В его голосе слышалась наигранная обида, и Флори поймала себя на мысли, что перебирает в памяти, какая из личностей Дарта любит притворствоваться.

– Я... не могу.

– А есть расписание, когда ты согласишься уделить пару минут моей настырной персоне? – заискивающе спросил Дарт, изобразив шутливый поклон.

Неужели он не понимал, почему она так поступает? Неужели забыл про треклятый Протокол? Неужели нужно напоминать, что он лютен и его одиночество, определенное службой, виновато в том, что сейчас Флори стоит в растерянности, вцепившись в подоконник, борясь с порывом сбежать вниз, к нему?

Ее молчание Дарт принял за отказ, но сдаваться не собирался. То, что он провернул дальше, могло прийти в голову только циркачу. У водосточной трубы Дарт обнаружил ведро с дождевой водой, собранной для полива, подхватил его и опрокинул на себя. С хлестким звуком поток накрыл Дарта, ручьями заструился по волосам, лицу и одежде...

– Кажется, тут дождь на улице, – заявил он бодро и тряхнул головой, вызвав вокруг себя ореол серебристых брызг. – Теперь-то сжалишься надо мной? Или, как у жительницы Пьер-э-Металья, твое сердце стало куском камня в металлической клетке?

Ее сердце отозвалось щемящей болью, точно рвалось наружу, чтобы доказать: оно живое и все чувствует.

– Ну же, – поторопил Дарт. – Твоя очередь совершать глупость.

Не раздумывая больше ни секунды, Флори бросилась к нему: прочь из комнаты, вниз по лестнице, к двери. Непослушные пальцы долго крутили еще незнакомые, капризные замки. Справившись с ними, она распахнула дверь и застыла на пороге.

Дарт улыбался, явно довольный своей выходкой. Его глаза сверкали от лукавства, но в их чернильной глубине таилась безмолвная мольба: *не уходи, не молчи, не прогоняй*.

Флори сбежала по ступенькам и нырнула в распахнутые объятия. Его одежда была мокрой, с волос капала вода, но от кожи исходило невероятное тепло и знакомый запах – свежесть моря, смешанная с остротой перца.

Дарт склонился и нежно поцеловал ее в висок.

– С возвращением, Флори.

Она прижалась к нему сильнее, чувствуя, как и ее платье вбирает влагу, тесно соприкасаясь с промокшим камзолом циркача. Но когда в сознании, точно молния, вспыхнула внезапная мысль, Флори заставила себя отстраниться, хотя понимала, что этим обидит Дарта.

– Я рада, что ты пришел, но... – Она запнулась, не зная, как продолжить.

– Что?

– Я вернулась не к тебе. Я вернулась в Пьер-э-Металь.

Слова причинили боль обоим. И если Флори с трудом произнесла их, каково было Дарту? Он отступил на шаг. Извинился, не уточнив, за что. Спрятал руки за спину, как будто убрал подальше, чтобы они не могли позволить себе больше, чем разрешено Флори сцепила пальцы в замок, но желание прикоснуться к Дарту никуда не исчезло. Несколько долгих мгновений они стояли вот так, борясь с одним и тем же чувством, которое могло сблизить их, но только отталкивало.

– Может быть, чаю? – бросила она, пытаясь заглушить неловкость, возникшую между ними.

– Да, пожалуй.

– Только у меня нет чая.

Невесело усмехнувшись, он пообещал что-нибудь придумать и скользнул в темноту. Если бы не его шаги за домом, она бы подумала, что Дарт ей померещился. Вскоре он вернулся с трофеем, представив все фокусом, хотя Флори прекрасно знала, что этот ловкач перемахнул через ограду в соседский двор, где нарвал немного мяты и ягод шиповника. Она не стала раскрывать секрет трюка и отправилась заваривать обещанный чай.

Чтобы не разбудить Офелию, они расположились на крыльце, куда Флори принесла чайник и две разномастные кружки, какие смогла отыскать в неразобранных коробках с посудой. Дарту досталась с отколотым краешком, о который он умудрился порезать губу. Вернее, только притворился, что порезал, дабы обманом получить пару прикосновений от сердобольной Флори, бросившейся на помощь.

– Ни царапинки, – пробормотала она и, осознав, что попала в ловушку, отняла руки от лица.

– Просто в темноте не видно.

После Флори поведала забавную историю о грузчике, едва не уронившем в канал чертежный стол, привезенный из Лима, а Дарт поделился, что учится управлять тринадцатой личностью при помощи музыкальных часов – ее прощального подарка. И хотя особых успехов пока не было, он обещал не бросать тренировки.

Обменявшись новостями, они надолго замолчали, боясь сказать лишнего: слишком личного, честного, неосторожного. Дарт барабанил пальцами по увечной чашке, словно ей без того не доставало страданий, а Флори рассеянно перебирала подол платья. На синей ткани, похожей на ночное небо, еще не высохли темные пятна-тучи – следы дождевой воды, оставшиеся после объятий.

Даже в минутах безмолвия рядом с Дартом она находила утешение. Ей нравилось, что они могут вместе сидеть на ступеньках, наблюдая за облаком мошек, слетевшихся на свет фонаря; потягивать горячий напиток, рискуя обжечь или поранить губы; слушать стрекот сверчков, соприкасаться коленями и ощущать себя нарушителями правил. Пусть их не поймают, не осудят, не пронзят им сердца цитатой из треклятого Протокола. *Не сейчас, не сегодня.*

Никем не замеченные, они проводили ночь и встретили рассвет. Легкая серая дымка окрасилась оранжевым, в небе проклюнулось солнце, и в утренней тишине послышался далекий шум с ферм. В этом новом дне жизнь вернулась на круги своя: снова лютен и наивная девица, заключившая с безлюдом договор, снова пропасть между ними. Лишь с виду она была величиной в дюжину ступеней, ведущих с крыльца, а на самом деле – всепоглощающая, стылая бездна. Дарт ушел, а Флори смотрела ему вслед, пока красный цирковой камзол в последний раз не мелькнул в конце улицы. В следующий миг все превратилось в обманчивое воспоминание, ночную грезу: опрокинутое ведро с дождевой водой, чай с мятой и шиповником, лукавая улыбка Дарта и его мимолетные, будто бы случайные прикосновения.

На следующее утро, спустившись к завтраку, Флори застала в столовой Ризердайна, который увлеченно спорил с Саймоном. Сути дискуссии она не поняла, однако говорили они о чем-то серьезном, явно не предназначенном для ее ушей. Мажордом оборвал реплику на полуслове и услужливо отодвинул стул, приглашая Флори присесть, а затем отправился на кухню караулить рыбную запеканку в печи. Впору бы обрадоваться, что на этот раз обойдется без водорослей, а ей, оставшейся в обществе Ризердайна, стало не по себе. Сегодня синяки на его бледном лице приобрели пугающий фиолетовый оттенок, ей было неловко смотреть на него. Зато он держался уверенно и расслабленно, даже когда завел разговор об инциденте за ужином.

– Не придавайте значения издевкам Рина. Умники вечно ведут себя так, будто все вокруг дураки.

Он заговорщицки улыбнулся, словно отныне их связывал общий секрет.

– Но я и впрямь многого не знаю. И потому здесь, – осторожно ответила Флори.

Под острым взглядом Ризердайна она чувствовала себя насекомым, булавкой приколотым к стенду. Ее рассматривали, изучали. Она привыкла к самым разным оттенкам темных глаз, научилась справляться с их загадочной глубиной и мрачным блеском, но этот пронзительный льдисто-голубой взгляд заставлял ее цепенеть.

– Вы в самом деле думаете так о себе? Давайте я спрошу еще раз. Вы считаете себя глупой и ничего не смыслящей в безлюдях?

– Вовсе нет. Я много читала о них.

– Книги молчат. Авторы привирают. – Ризердайн небрежно пожал плечами. – Я видел сотни трудов о безлюдях. И ни один из них не соответствовал действительности. Легенды, мифы, большие выдумки, попытки рассуждать о неизведанном... Сплошная глупость. Те, кому

действительно есть что рассказать о безлюдях, не пишут об этом. Они исследуют. Понимаете, о чем я?

Флори кротко кивнула, не осмеливаясь что-то сказать.

– Вам внушили, что кичиться нужно чужими знаниями и опытом, но я призываю гордиться своими. Итак. Я весь внимание. – Он подался вперед и, поставив локти на стол, положил подбородок на сплетенные пальцы. Принял вид заинтересованного слушателя.

Она нервно покрутила пуговицу на платье, и это привычное действие вернуло ей толику уверенности.

– Я с детства читаю чертежи любой сложности. Хорошо рисую. Жила в двух безлюдях, знаю, как ими управлять, исследовала хартрумы и... защищала лютена в суде.

– Его оправдали?

– Да.

– Впечатляет, – одобрительно хмыкнул Ризердайн, а Флори с облегчением выдохнула. Ей удалось если не удивить, то уж точно заинтересовать его.

Не успела она обрадоваться, как в столовой появился Рин, чья кислая физиономия, выдававшая плохое самочувствие после вчерашних возлияний, задала настроение всего рабочего дня, который начался с визита в контору Ризердайна.

Дорога пролежала по побережью, позволяя наслаждаться видами Делмара. Город, построенный из ракушечника и туфа, походил на цитрусовый сорбет, тающий под солнцем: молочно-лимонные дома перемежались с красно-оранжевыми, как мякоть грейпфрута, зданиями с купольными крышами, а если взгляду становилось горячо, можно было полюбоваться искрящейся синевой моря.

Панорама резко сменилась, когда автомобиль свернул в один из кварталов и остановился рядом с необычным строением, затаившимся в глубине улицы. Внешне оно больше напоминало уютную дачу на побережье, нежели контору столичного дельца. Фасад, увитый плющом, балкон и широкие арочные окна – все здесь было преисполнено уюта и праздной лени, явно не пытаясь продемонстрировать статус столичного домографа.

Внутри здание тоже сохраняло домашнюю атмосферу. Вместо кабинетов – комнаты, заставленные деревянной мебелью и застеленные мягкими коврами, благодаря которым эхо, свойственное всем официозным заведениям, поглощалось. Флори не могла отделаться от ощущения, что без спроса заявила в чужой дом и нарушает размеренную жизнь его обитателей.

Они поднялись на второй этаж, в кабинет Ризердайна. Казалось, что все пространство заполнено бумагой: рулонами чертежей и книгами на полках, схемами неизвестных механизмов и городскими картами на стенах, а также сшитыми в объемные стопки документами и ворохом запечатанных конвертов на столе.

Флори украдкой посмотрела на Рина, чей кабинет был образчиком официоза и безупречного порядка. Еще вчера она задавалась вопросом, почему студенческая дружба домографов оборвалась, но ответ наглядно предстал перед ней в ту секунду, когда Рин застыл, будто увидел нечто ужасное, а Ризердайн, ничуть не смутившись, принялся рыться в бумагах, что-то выискивая. Они были слишком разными: талантливый клерк и талантливый изобретатель – каждый из них занял предназначенное ему место и преуспел. С привычкой делать все по правилам Рин никогда бы не решился пойти против устоявшейся системы, а такой человек, как Ризердайн, вряд ли снискал бы признание и успех в Пьер-э-Метале: этот жесткий город перемолол бы его металлическими зубами и задавил каменной громадой смелые идеи.

Визит в контору оказался не ознакомительной прогулкой, а рабочей необходимостью. Забрав документы, они не стали задерживаться и отправились на стройку, где их ждали другие дела. Флори знала Ризердайна всего лишь сутки, но уже уяснила, что он ничего не делал просто так; во всем был смысл, скрытая цель, продуманность. Он принадлежал к тем людям, которые

даже чаю не выпьют, если не видят в этом пользы или дополнительной выгоды. Все в его жизни казалось подчиненным этому правилу.

Выбравшись из плена желто-оранжевых улиц, они проехали вдоль синего побережья, затем нырнули в черную пасть тоннеля – и оказались в другой, зеленой, части города. По дороге, петляющей под куполом листвы, автомобиль забрался в гору и свернул к площадке, огороженной металлическими щитами, скрывающими недостроенный дом. Они обошли его со всех сторон, отмечая ровную кладку камня без единой щели, сложную конструкцию крыши-луковицы и глухие черные окна. Ризердайн не успел объяснить, в чем особенность этого безлюдя, прерванный внезапным появлением Илайн. Комбинезон, запачканный пылью, и закатанные рукава рубашки говорили о том, что домтер отвлекли от работы.

– Не думал, что ты здесь, – вместо приветствия сказал Ризердайн.

– Вот как? – Брови Илайн изумленно подскочили и спрятались под длинной прямой челкой. – У нас сегодня занятие, а у вас, как вижу, очередная прогулка?

В ее голосе слышались враждебные нотки. Она метнула взгляд в сторону Флори, словно считала ту главной виновницей всеобщего безделья.

– Мы решаем вопрос о перевозке.

– Хочешь отдать им безлюдя?

– Нужно обезопасить самые ценные экземпляры. На случай, если ситуация ухудшится, – неохотно пояснил Ризердайн. Кажется, он жалел о том, что ему пришлось раскрыть планы.

– Немыслимо! – фыркнула домтер. – И вот так легко ты позволишь увезти свои изобретения?

– Послушайте, Илайн, – примирительным тоном начал Рин, – все мы здесь, чтобы помочь безлюдям.

– Сомневаюсь, что вы представляете масштаб проблемы! – прищурившись, ответила домтер и наверняка продолжила бы линчевание заезжих гостей, если бы Ризердайн не вмешался.

– Ила? – В одном его слове звучали и строгость, и предупреждение, и просьба.

– Не смотри на меня так, будто собираешься отчитывать. – Ее губы искривились, и темная помада лишь подчеркнула эмоции на молочно-белом лице.

Она замолчала, но весь ее вид по-прежнему выражал несогласие с тем, что затеял Ризердайн, а Флори продолжала ловить на себе жалающие взгляды красноречивее слов.

Они обсудили прочность конструкции и детали перевозки. Вместе с домом следовало перемещать и слой почвы под ним; так растения пересаживали в новый горшок вместе с грунтом, где оно выросло. Объяснение Ризердайна явно предназначалось Флори, среди присутствующих она была единственным новичком. Илайн не удержалась и презрительно фыркнула, – как отличница-всезнайка, в присутствии которой невежде объясняют очевидные вещи.

Внутри безлюдь представлял собой только голые стены, но уже начинал проявлять признаки жизни в хартруме, расположенном на чердаке. Чтобы попасть туда, следовало забраться наверх по веревочной лестнице, свисающей из дыры в потолке, где в будущем должны были появиться крепкие ступени.

Преодолеть препятствие оказалось не так просто, и Флори окончательно укрепила во мнении, что ее летящие юбки и платья совсем не годятся для работы. Зато одежда Илайн была подобрана идеально, каждая мелочь продумана: рукава рубашки легко закатывались, если мешали, комбинезон имел множество карманов, кожаные браслеты на запястьях позволяли носить с собой арсенал склянок и пузырьков, а удобные сандалии фиксировались на ногах. Рядом с опытной домтер Флори чувствовала себя ребенком, что из любопытства полез куда не следовало. Минуты позора повторились, когда пришлось слезать обратно и сражаться с вихляющей лестницей. Флори так отчаянно цеплялась за канатные перекладины, что натерла ладони, и кожа на них зудела, словно от ожога.

Закончив осмотр, они оставили безлюдя в покое. В автомобиль забрались все четверо, поскольку Илайн попросила подбросить ее до Рыбьего проулка. Улицы Делмара носили «морские названия», и если местные уже привыкли к этому, то для приезжей Флори эти хитросплетения рыбьих проулков, коралловых тупиков, жемчужных набережных и корабельных улиц казались нелепицей.

Из-за вынужденного крюка дорога затянулась, и Флори погрузилась в долгие размышления. Она пыталась понять, зачем вдруг понадобилось вывозить безлюдей из Делмара. Что должно угрожать безлюдям в столице, чтобы они искали спасения во враждебном Пьер-э-Метале? Флори хотела спросить, как Рин собирался защищать столичных безлюдей, если не мог гарантировать сохранность собственных домов. Ей хватило такта не озвучить вопрос при всех, но не хватило воли, чтобы перестать думать об этом остаток дня, даже перед сном.

Сидя у распахнутого в ночь окна, она слушала далекий шум волн и уверяла себя, что должна предупредить Ризердайна. Пьер-э-Металь не был для его безлюдей безопасным убежищем.

Ее отвлек стук в дверь, и Флори невольно скользнула взглядом по циферблату часов, отметив, что время уже позднее. Еще больше она удивилась, когда обнаружила на пороге Рина, да еще и в непривычном для него виде: ворот на рубашке был небрежно расстегнут, обычно прилизанные волосы слегка растрепаны, взгляд блуждающий, беспокойный.

– Что это с вами? – не удержавшись, спросила Флори.

– Мы можем поговорить?

Едва она кивнула, он шагнул ей навстречу, отесняя обратно в комнату, а после решительно закрыл за собой дверь. Ошеломленная таким напором, Флори замерла, наблюдая, как Рин шарит по карманам.

– Список заданий, – объявил он, протягивая ей бумажку. – Ризердайн считает теорию пустыми словами, но у меня другой подход. Поэтому, пожалуйста, не рассказывайте ему об этом, – продолжал Рин, пытаясь скрыть неловкость. Он не привык просить у нее. Уж так получилось, что их общение всегда сводилось к тому, что это он делал Флори одолжения, а не наоборот. – Не хочу, чтобы вы стали мишенью в борьбе наших взглядов.

Сохраняя невозмутимое молчание, она развернула листок: мелкий убористый почерк, такой аккуратный и ровный, что казался машинописным, позволил вместить на одной странице внушительный перечень поручений.

– Спасибо. Почитаю утром. – Флори надеялась, что после этого Рин уйдет, но он продолжал стоять перед ней, нервно потирая пальцы и щелкая суставами. – Что-нибудь еще?

Втайне она надеялась получить извинения за вчерашний инцидент за ужином. Однако сказанное Рином оказалось вовсе не тем, что ожидала услышать Флори.

– Должен дать вам один совет, – голос его вновь сделался ровным и серьезным. – Пусть вы на меня и обиделись тогда, за ужином, но не обратили внимания на суть замечания. Вам приходится сложно, Флориана, потому что безлюди не реагируют на вас.

– Намеряете на то, что я одинока? – с вызовом спросила она.

– Прямо об этом говорю, – ничуть не смутившись, продолжал Рин. – Вы должны подумать о будущем. О том, что может облегчить вам работу.

– Столичные безлюди не реагируют на безодинокость, – возразила Флори.

– А вы уже планируете переехать в Делмар? – Одним хлестким вопросом он разрушил ее решимость.

Флори хотела поспорить, заявить, что в будущем безлюди Пьер-э-Металья смогут стать такими же ручными, как в столице, но вовремя осеклась. Это было лишь ее наивным желанием, надеждой на изменения, к которым сами домографы не стремились. Рин не собирался признавать превосходство идеи Ризердайна, а тот не торопился раскрывать профессиональные секреты.

- Я намерена вернуться в Пьер-э-Металь.
- Тогда настоятельно рекомендую прислушаться к моим словам.
- То есть советуете мне поскорее обзавестись возлюбленным?
- Скорее желаю вам счастья. – Рин мягко коснулся ее руки. Совсем несвойственный,

слишком личный для него жест.

Флори вздрогнула от прикосновения и укола обиды. Какое право он имел указывать, что ей делать со своими чувствами, как смел говорить об отношениях, словно о рабочей обязанности, как вообще мог рассуждать об этом, когда сам поддерживал Протокол, согласно которому лютенгов обрекали на одиночество и казнили за нарушение правил. Слова комком встали в горле, а она так и не решилась их произнести. Ее бесцветное и холодное как лед «спасибо» поставило точку в разговоре. Рин, сама любезность, поспешил уйти, но в дверях его настиг оклик.

– И на будущее, господин Эверрайн. – Флори поймала его взгляд: пытливый, цепкий, внимательный. Ей хотелось увидеть, как меняется выражение его лица, когда Рин поймет смысл того, что она собиралась сказать: – Больше никогда не вламывайтесь в комнату, куда вас не приглашали. Это *невежливо*.

Она захлопнула дверь перед его носом, не позволив объясниться. Если Эверрайн полагал, что только ему можно манипулировать чужими чувствами, он глубоко заблуждался.

Глава 3

Дом, где торжествует ум

Офелия

Самой бестолковой вещью на свете, которую Офелия встречала, была почта в Хоттоне. Учились здесь местные, писем им никто не присылал. Тем не менее почта существовала. Небольшое строение, напоминавшее скорее будку сторожа, разместили у самой ограды, чтобы принимать письма, не пуская посторонних на закрытую территорию. За безопасностью здесь следили тщательно, и у Офелии нет-нет да закрадывалось подозрение, что Хоттон не учебное заведение, а крепость с заключенными. Школу-пансион основал благотворитель Гилмор Хоттон. Десятилетия спустя управление перешло в руки его внуку – Эдмонду Хоттону. Он изменил порядки и превратил школу в закрытое сообщество для избранных.

Заполучив ярко-синий конверт, Офелия нетерпеливо разорвала его и расположилась на ближайшей скамейке, чтобы прочитать письмо. Шла вторая неделя, как Флори уехала в столицу, но казалось, будто минула целая вечность. В письме сестра была немногословна, по большей мере описывая чудесные пейзажи Делмара, а в конце зарисовала горы, море и парусник. Получилось красиво – как и все, что она создавала.

До начала вечерних занятий оставалась пара часов. Офелия надеялась, что успеет написать ответ и отправить его сегодня же, поэтому поспешила к зданию школы. Белокаменное, украшенное ажурной ковкой из бронзы, оно задумывалось праздничным и нарядным, о чем намекал девиз «Торжество ума, победа знаний», выгравированный на фронтоне, но в действительности возвышалось над всеми, точно заснеженная скала: древняя, грозная, неприступная. Офелия пересекла зеленую лужайку, залитую солнечным светом, и нырнула в тень портика, предваряющего вход. Ее шаги гулким эхом прокатились по длинной галерее с рядом колонн и утонули в общем шуме школы, когда двери распахнулись.

Во время уроков здесь царила такая тишина, что можно было услышать, как на стене в холле работает механизм больших часов. Они не звонили каждый час, как делали все подобные устройства с маятником, а оживали трижды в день, обозначая начало, середину и окончание учебного дня. Второй сигнал извещал о перерыве, и тогда вся территория становилась похожей на пчелиный улей: эхо разносило голоса, и создавалось впечатление, что в школе учится тысяча человек. На самом деле их было в несколько раз меньше, зато все как на подбор дети из уважаемых, знаменитых и богатых семей Пьер-э-Металья. А Офелия случайно оказалась рыбой, заплывшей в чужой пруд. Ей пришлось выдумать легенду о семье: они переехали издалека, как того требовали важные рабочие дела. Отчасти это было правдой, хотя несколько искажало истинное положение вещей. Врать о родителях Офелия не желала, а потому говорила просто «семья», не уточняя, что смысл этого слова отныне заключается в одном человеке. О богатстве она тоже предпочитала умалчивать и всякий раз смущалась, когда приходилось отвечать на каверзные вопросы хоттонцев: «А чем занимаются твои родители? Они землевладельцы или промышленники? Торговцы? Горьюсты? А дом у вас только один? А есть ли судно для водных прогулок?» – и прочие беспокойства от несостоявшихся друзей. Судя по тому, что их интересовало больше всего, они собирались дружить не с самой Офелией, а с имуществом ее воображаемого благородного семейства. Впрочем, их расположение длилось недолго, до тех пор, пока не нашелся повод для насмешек.

В Хоттоне была принята школьная форма, и первую неделю Офелия прилежно носила ее, пока не узнала, что костюм предназначен для торжественных случаев. Этого ей никто не

объяснил, зато девочки сразу высмеяли и пустили слух, будто школьная форма – единственная одежда, в которой Офелии не стыдно появиться. В тот же вечер она спрятала костюм подальше в шкаф, с глаз долой. Пришел черед разноцветных льняных платьев – ее любимых, сшитых маминими заботливыми руками. Из одних она почти выросла, другие словно бы росли вместе с ней, третьи когда-то носила сестра и со временем перекроила для Офелии. Эти вещи были дороже, чем весь гардероб избалованных хоттонских девчонок. Потешаться над ней перестали, хотя и в подруги больше не набивались. Запятнанная насмешками, она уже не представляла для них интереса.

В первые дни Офелия чувствовала себя одинокой: за обедом в общей столовой, в перерыве между занятиями, на вечерних прогулках и даже перед сном, пускай и приходилось делить комнату с тремя соседками. Прежде ее утешали встречи с сестрой, а теперь разлука с ней стала тяжелым испытанием.

Офелия боялась не за себя. Что ей грозит здесь, в этой охраняемой крепости, где даже котам нельзя пробираться на территорию без пропуска? Куда больше она переживала, что в далеком чужом городе с Флори может что-то случиться, как случилось с родителями, когда они уехали. Порой страх становился настолько сильным, что мешал уснуть. Такими ночами она тихонько покидала постель и с книгой забиралась на подоконник, чтобы почитать при свете уличного фонаря. На следующий день занятия давались особенно тяжело. К вечеру Офелия валилась с ног и засыпала, едва голова опускалась на подушку, но спустя пару дней тревожные мысли снова приносили с собой бессонницу. Ночь накануне выдалась беспокойной: Офелия ждала послания от сестры и пыталась сосчитать, когда его доставят в Пьер-э-Металь.

И вот, наконец, заветное письмо лежало перед ней на столе. Чтобы написать ответ, она уединилась в комнате и подготовила все необходимое: перьевую ручку, листы бумаги и зеленый конверт. Соседки коротали перерыв в столовой или в парке, шум коридоров почти не долетал до спального корпуса девочек, и Офелия могла сосредоточиться. Тем не менее долгое время бумага оставалась нетронутой, пока не нашлась идея, с чего начать. «Дорогая Флори! У меня все хорошо», – на том, собственно, могла и закончить, но после первой строчки стала словоохотливее. Мысли напоминали чернила внутри ручки: сухие и бледные, пока не распишешь, они медленно приливали к перу, а излишки оставались на бумаге кляксами.

Она даже рассказала о неприятном инциденте с господином Платтом. Он преподавал биологию, но это не помешало ему проделать путь от строения насекомых до просветительской речи об опасности безлюдей. Он не называл их прямо, а заменял различными нелюбезными определениями: «проклятые дома», «архитектурный мусор», «уличная оспа» и все в таком духе. Ученики сидели, затаив дыхание и изредка переглядываясь в недоумении, а господин Платт нес такую чушь, что Офелия не выдержала и громко заявила, что он берется рассуждать о вещах, совсем ему неизвестных. В кабинете повисла напряженная пауза. Поражены были все: господин Платт, ученики и сама Офелия, не ожидавшая от себя такой дерзости.

– Отнюдь, – проскрипел он, метнув в нее испепеляющий взгляд. – Потрудитесь дослушать, прежде чем перебивать, милочка!

– Вы учитель биологии, – парировала Офелия. – Так рассуждайте о живых существах. Или вы тем самым признаете, что безлюди – тоже живые?

Маленькое остроносое лицо господина Платта побагровело. Несложно было догадаться, что за этим последует: ее попросту выгнали из класса. Обычно в ссылку за дверь отправляли отпетых хулиганов, – но даже те вскоре просились обратно. В отличие от них Офелия ушла с гордо поднятой головой, прихватив с собой вещи, поскольку не собиралась возвращаться на занятия, чтобы слушать глупые рассказы под знаменем учительского авторитета.

– Кстати, – сказала она уже в дверях, – наш уважаемый господин Хоттон вскоре породнится с домографом, а он как раз управляет всем этим «архитектурным мусором». Вряд ли он согласится с вашим мнением. Если, конечно, узнает о нем.

Волна перешептываний прокатилась по кабинету, из которого Офелия ушла без сожаления. Шагая по коридору, она ощущала дрожь в коленях и смятение, возникшее после стычки с преподавателем. От былой смелости не осталось и следа.

– Тебя с урока выгнали? – вдруг спросил голос из ниоткуда.

От испуга она едва не выронила книги. Оглядевшись по сторонам, Офелия заметила мальчишку, который сидел на подоконнике, болтая ногами. Он был немногим старше ее самой и одет в школьную форму, только потерял пиджак и развязал атласный галстук, и тот расхлябанно висел на плечах, как шарф. Раньше этого мальчишку Офелия не встречала, но для новенького он казался слишком самоуверенным, даже нагловатым. Впрочем, среди воспитанников элитной школы находились и не такие экземпляры.

– Тебя выгнали? – повторил он и спрыгнул с подоконника. Звук от его ботинок эхом прокатился в пустом коридоре.

– Я и сама рада уйти. Не люблю кабинет биологии. Там скелет кролика под стеклом. – Она сморщила нос, выражая протест вопиющей жестокости. – А тебя откуда выгнали?

– Да я просто прогуливаю, – небрежно бросил он. – У вас есть что-нибудь скучнее истории города?

– Рассказы госпожи Уилкинсон о ее кошках. – Офелии иногда казалось, что вместо картографии в Хоттоне преподают разведение и дрессировку домашних питомцев.

Мальчишка засмеялся и решил, что теперь можно и познакомиться.

– Нильсон.

Имя звучало точь-в-точь как гудок автомобиля. Офелия тоже представилась, и в ответ он протянул ей руку, скрепив знакомство деловым пожатием, будто воображал себя солидным человеком.

– Ты не местный, – с подозрительным прищуром заметила Офелия. Признаться, ей очень хотелось встретить в школе приезжего; такого же, как она сама.

– Ты это по ладони прочитала? Гадалка?

– Никто из местных не признается, что история города – скукота.

– Вон оно что, – усмехнулся Нильсон и растерянно почесал затылок. – Спасибо, я учту.

Офелия помнила их разговор дословно, но пересказывать его в письме не стала, ограничившись радостной новостью, что в Хоттоне у нее появился друг. Он тоже был новеньким, но пришел немного раньше. Они могли обсудить жителей Пьер-э-Металья, пошутить над их странными традициями и суевериями или засесть в библиотеке (Нильсон, на удивление, оказался увлеченным читателем, не найдя в Хоттоне развлечения интереснее).

Обретя одного друга, Офелия нажила немало завистниц. Среди ее ровесниц заводить дружбу с мальчишками было не принято, чтобы не превратиться в мишень для колкостей и сплетен. Мальчишки сторонились девчонок, сбиваясь в стаи пугливых рыбешек; а девчонки стремились общаться только с теми мальчишками, чьи портреты хранили под подушкой. Ну а им, двум новичкам в Хоттоне, куда важнее было держаться друг за друга без оглядки на глупых сверстников, высмеивавших то, к чему втайне стремились. Поэтому всякий раз, видя надменные лица завистниц, Офелия представляла, как бы их перекосило, расскажи она, что Дарт и Дес тоже были ее друзьями, а не посыльными на службе, как думали одноклассницы. Сами «посыльные» охотно поддерживали легенду: звали ее «госпожой Офелией» и на прощание отвечивали низкий поклон. Их шутки обернулись растущей завистью среди хоттонских девчонок, проигрывающих Офелии даже в сравнении посыльных. Их прислужники не задерживались надолго, не приносили сладостей и не позволяли себе шуток. В общем, были недостаточно хороши, чтобы утереть нос выскочке Гордер. Поэтому девчонки старательно выискивали вещи, в которых преуспели больше. Нашли. И стали глумиться над ее одеждой.

О таком, знала Офелия, писать нельзя. И все же, склонившись над исчерканным листом, она снова задумалась, не рассказать ли сестре о том, что ее беспокоило.

В Хоттоне Офелия чувствовала себя самозванкой. Ей хотелось быть честной и на жаль-ций вопрос о родителях с гордостью ответить, что ее отец – архитектор, а мама – мастерица, каких поискать. Но хоттонцы не поняли бы ничего. Все тут были детьми крупных дельцов, промышленников, начальников и золотых карманов...

Нет, не стоило сообщать сестре о неприятностях, иначе Флори, и без того переживая, что оставила ее в Хоттоне, точно сорвется и приедет. Офелия не хотела тревожить сестру пона-прасну. А потому в ее письме, как в доброй сказке, все было хорошо. Главное, вовремя поста-вить точку, завершив повествование на самом счастливом моменте. Ведь так обычно посту-пают сказочники? Не врут о судьбе героев, а лишь удачно выбирают начало и финал истории.

На последних строчках Офелия уместила два сердечка с буквами «О» и «Ф». Потом про-сушила чернила, свернула листы и сложила их в зеленый почтовый конверт. Свободного вре-мени оставалось не так много, поэтому, собираясь в почтовую каморку, она сразу прихватила сменную одежду для танцев.

В Хоттоне все дисциплины разделялись на утренние и вечерние. С утра, пока их разум был свеж и терпелив, им преподавали основные предметы: арифметику, языкознание, исто-рию, градообразование, биологию с монологами о проклятых домах и картографию, где слово «кошки» звучало чаще, чем все географические названия, вместе взятые. Потом следовал дол-гий перерыв на обед, предваряющий вечерние занятия: танцы, рисование, пение, стрельбу из лука и прочее. Хоттон пугал многообразием предметов. Доска с общим расписанием едва помещалась на стене, а надписи на ней были такими мелкими, что их стоило разглядывать под лупой.

Выйдя из почтовой каморки, Офелия с удивлением обнаружила, что на улице непри-вычно тихо. Тихо и безлюдно, потому что все уже разбрелись по кабинетам. Понимая, что без-надежно опаздывает, Офелия бросилась бежать со всех ног. Стрелой пролетев по коридору, она ворвалась в раздевалку, пытаясь убедить себя, что переживать незачем. Музыки из танце-вального зала слышно не было. Значит, занятие еще не началось. Едва она подумала об этом, как в раздевалку юркнули три тени – девочки в черных платьях.

– А вот и наша важная персона! – взвизгнула Беатрис. Большой нос, расплющенный на круглом румянном личике, делал ее похожей на поросенка.

– Где же вы задержались, ваша светлость? – сложив руки на груди, спросила Джинджер, явно не интересуюсь ответом. От ее голоса и внешнего вида сквозило холодом. Бледная, бело-курая, с острыми чертами лица, она будто бы была скроена из колотых кусков льда.

– Мы не можем начать без тебя, нужно разбиться по двое, – пояснила Алисия. Среди всей этой компании она была самой дружелюбной. Судя по ее грустным глазам с поволокой, именно она и осталась без пары.

– Ох, простите, – проямлила Офелия, чувствуя неловкость из-за того, что стала причи-ной неприятностей. Она бы могла все объяснить, если бы ее только выслушали.

Беатрис и Джинджер решительно наступали. Офелия пятилась назад, пока не врезалась спиной в шкафчик, который загромыхал, как жестяная банка.

– Думаешь, раз тебя взяли сюда по знакомству, ты можешь творить, что вздумается? – ехидно спросила Джинджер.

– Это Бет все рассказала. Про вас с сестрой, – вмешалась Алисия, маячившая за их спи-нами.

Офелия остолбенела. С Элизабет, чье имя позволялось укорачивать только подругам, она познакомилась на празднике у Эверрайнов, где ее представили как племянницу Рэйлин.

– Теперь все знают, что ты врунья и богатой семьи у тебя нет, – презрительно фыркнула Беатрис.

– Я такого не говорила.

– Но ты притворяешься одной из нас, – продолжала Беатрис. – Заявилась сюда, в школу для *богатых*.

– А девиз Хоттона говорит о торжестве ума, но вы тут почему-то учитесь, – огрызнулась Офелия.

Лица Беатрис и Джинджер исказила злоба, разговор грозился перерасти в настоящий скандал, но в этот момент в раздевалку вошла госпожа Оллин, учительница по танцам. Улыбку на ее плоском, похожем на фарфоровую тарелку лице можно было увидеть только в моменты, когда она выступала. Тогда напускная строгость сменялась застывшей маской: большой рот растягивался от уха до уха, а яркий грим придавал ей какую-то пугающую неестественность.

Госпожа Оллин вначале опешила, застав неприятную картину, а потом обвела их строгим, укоряющим взглядом.

– А ну-ка бегом в зал! – сказала она, и все четверо послушно засеменили к ней.

Когда Офелия проходила мимо, госпожа Оллин придержала ее за локоть.

– Детка, ты в порядке? – обеспокоенно шепнула она.

Офелия кивнула и выдала притворную сценическую улыбку, одну из тех, каким ее научили. Возможно, до этого все было в порядке. Но теперь Офелия явственно чувствовала приближение чего-то скверного. Оно надвигалось как грозовая туча, готовая разразиться молниями, громом и дождем.

Глава 4

Безумный дом

Флориана

Дождь лил не переставая. Резкие порывы ветра превращали его в хлесткие пощечины, которые звучно били по стеклам – капли катились по ним, словно слезы. Небо затянули многослойные всклокоченные тучи без единого просвета.

Флори отпрянула от окна, мысленно поблагодарив дождь, что из всех дней для появления он выбрал ее единственный выходной. Минувшую неделю она была загружена работой с утра до вечера: переезжала от безлюдя к безлюдю, записывала за домографами какие-то странные цифры и координаты, потом садилась разбирать заметки, обложившись пояснительными бумагами, а по ночам корпела над списком личных заданий.

Дни слились в сплошную путаницу. Подготовить безлюдей к транспортировке оказалось непросто. Следовало учесть состояние домов, их габариты и то, в каких условиях они привыкли жить. После Ризердаину предстояло найти способ перевезти безлюдей, а Рину – подготовить для них новое место. Все это сопровождалось строжайшей секретностью: Ризердайн боялся, что те, от кого он спасал самые ценные экземпляры, прознают о его планах и нанесут удар прежде, чем безлюди покинут столицу.

За неделю Флори так привыкла к работе, что сегодняшнее безделье в четырех стенах угнетало. Она слонялась по дому, пытаясь придумать себе занятие. У камина в гостиной обосновался Рин, изучающий городские карты. Судя по его хмурому лицу, головоломка с перемещением безлюдей никак не решалась. Не желая мешать, Флори выскользнула из комнаты. Следующая дверь вела в столовую, где Саймон протирал тарелки, недовольно бурча под нос.

– Надеюсь, хотя бы вы согласитесь на обед? – спросил он, заведя ее на пороге. – Или домографы сыты тем, что пожирают взглядом чертежи?

Теперь стало понятным, что так возмутило его. Как заботливая матушка, Саймон переживал, что обитатели, увлеченные работой, пренебрегают едой. Ризердайн сегодня не покидал кабинет: не спустился к завтраку, не явился на чаепитие в гостиной, чтобы обсудить плохую погоду, и на обед, кажется, не спешил. Возможно, их одолела какая-нибудь домографная лихорадка, или просто стряпня мажордома не вызывала аппетита.

В тарелке, торжественно поданной к столу, плескалась бурая жижа рыбного бульона с овощами, а вместо хлеба были пшеничные галеты – их следовало размачивать, чтобы сохранить зубы целыми. Флори честно, самоотверженно попыталась постичь это блюдо, но на третьей ложке сдалась и решила, что не так уж и голодна. Пока она в задумчивости грызла галету, Саймон успел наведаться в кабинет к Ризердаину и вернуться с тем же, с чем уходил. Водрузив полный поднос на стол, мажордом сварливо пробормотал:

– Уж, конечно, кухарку я не заменю...

– А почему не нанять помощницу? – спросила Флори.

– Нам хватило последней. Риз больше не хочет впускать в дом посторонних, – отозвался Саймон и смолк. Его седые усы нервно задергались, точно у кота. – Была у нас одна, возмущалась, что мы ее к безлюдю работать привели и не предупредили. До сих пор болтает всякое.

Он ждал еще одного неудобного вопроса, а Флори больше ни о чем не спрашивала. Сплетни не стоят того, чтобы их обсуждать.

– Я думала, у делмарцев нет предрассудков, – сказала она чуть погодя, мизинцем сметая крошки. Из них, лежащих песочной горкой, получилось бы собрать половинку галеты. Но Саймон смахнул их тряпкой и смыл в раковину.

– Предрассудки, моя милая, рождаются не в городах, а в головах, – хмыкнул он, усаживаясь. – Непременно найдутся те, кто назовет безлюдей демонами, а Риза – их прислужником. Громче всего кричат о тех, кто молчит мудрее всех. Так-то.

Саймон словно бы поставил точку в разговоре. Захлопнул дверь, ведущую к мутной истории и въедливым предубеждениям, бытующим в человеческих умах. А чтобы Флори не вернулась к той двери, принялся спешно запирать замки новым потоком слов:

– Работать с безлюдьями все равно что приручать дикого зверя. Дрессировщик его не боится. Для богачей редкий питомец – способ подчеркнуть статус. Простой люд из любопытства готов посмотреть на животное, пока оно в клетке. Но мало кто решится заглянуть к нему в пасть, особенно если видел клыки. Сколько их ни приручай, безлюдие – своенравные создания. Я на службе многих повидал...

– На службе? – эхом повторила она.

– Привычка. – Саймон пожал плечами. – Бывших лютепов не бывает, мы своему делу преданны. Поэтому я остался с безлюдьями, даже когда власти освободили меня от Протокола и сожгли мой дом. А после... – Он прервался на полуслове, заметив, как она поражена услышанным. – Что, в газетах такого не писали? Да кто ж вам расскажет, как столичных безлюдей уничтожали во время реформы. В отместку. Чтоб Ризу не досталось ничего, кроме горстки пепла. А он и тогда не сдался. Упертый, весь в мать. – Взгляд Саймона стал мягче, в седых усах мелькнула осторожная улыбка.

– И как долго шла реформа?

– Ну... – Мажордом поскреб пальцем подбородок. – Она ведь до сих пор идет, все никак не перебродит. – Не успело его лицо расслабиться и подобреть, как вновь стало мрачным. – Делмар соседствует с городами, где старые уклады по-прежнему живы. В Хафне лютепов держат под замком, а в рыбацких деревнях травят местные байки о домах-убийцах. Повсюду верующие и фанатики, отрицающие все, что им неведомо. Дальше, к западу – Марбр, где лютепов отлавливают и клеймят. И Пьер-э-Металь, на чьих землях по сей день вместе уживаются башни Хранителя и виселицы для лютепов... – Тяжелый вздох, будто в память о ком-то. – Люди видят все это и доверяют толпе. Но истина не меряется большинством голосов, которые о ней кричат.

Флори не знала, что ответить, и рассеянно крутила в руках кусочек галеты. Новая порция крошек сыпалась с ее пальцев. Наверное, поэтому Саймон и глядел так сурово из-под черных кустистых бровей.

– Вы, молодые, верите, что способны разрушить скрепы, изменить мир и пройти этот путь в белом, незапятнанном костюме. А так не бывает. Без пыли, грязи и пота дом не снесешь и не построишь. Так-то.

И снова это твердое «так-то», похожее на удар молотка, вбивающего гвоздь. Не точка, а восклицательный знак, после которого и говорить-то неловко.

Саймон вернулся к кухонным хлопотам, а Флори, погруженная в мрачные мысли, заперлась в спальне, чтобы все обдумать. Она чувствовала себя совершенно разбитой и потерянной. Так бывает, когда окружаешь себя иллюзиями, а потом со всего размаху врезаешься лбом в суровую реальность.

Не выдержав и получаса наедине с переживаниями, Флори решила выбраться из дома, хотя ливень не утихал, а Саймон поглядел на нее как на безумную, когда она попросила у него зонт. Однако после первого порыва ветра, швырнувшего ей в лицо дождевые капли, прогулка уже не казалась хорошей затеей.

Стена ливня превратила малознакомые улицы в размытую картину. Флори старалась держаться курса, чтобы не заблудиться, и никуда не сворачивала, пока не добралась до пересече-

ния Корабельной и Штормящей улиц, где начиналась цепочка лавок, магазинчиков и торговых павильонов; она тянулась вдоль дороги и плавно перетекала в рыночную площадь. Каждый день они проезжали это место по пути из города к окраинам, где стояло большинство безлюдей. Даже в такую непогоду среди торговых рядов было много народу. Продавали здесь на каждом шагу, всё и вся без разбору, и Флори надеялась отыскать подарок сестре, до встречи с которой оставалась еще неделя.

Она укрылась от дождя под сводами крытой галереи с торговыми лавками. Яркие вывески, пестрые витрины и раскатистые крики зазывал сбили ее с толку. Это было совсем непохоже на рыночные ряды в Пьер-э-Метале и уютные магазинчики в Лиме. Столичный размах поражал ее воображение провинциалки, и первое время Флори глазела вокруг, пока не заметила в толпе знакомое лицо с темными, будто испачканными черничным соком, губами.

Илайн двигалась по другой стороне рядов, выделяясь на фоне праздно гуляющих покупателей своей быстрой и решительной походкой. Одета в привычный рабочий комбинезон, она несла на плече вместительный кожаный саквояж и выглядела как человек, спешащий по делам.

Случайная встреча казалась исключительной удачей. Вот уже несколько дней она ломала голову над заданиями из списка и не решалась попросить помощи у домтер. Теперь же им представился шанс поговорить с глазу на глаз, и Флори не желала его упускать. Не раздумывая больше ни секунды, она бросилась следом, стараясь не отставать и не терять ее из виду. Только когда Илайн свернула к неприметной лавке и скрылась за дверью, Флори смогла выдохнуть.

Заведение вполне справедливо носило вывеску «Головокружение», предупреждающую о последствиях. Зайдя внутрь, Флори окунулась в море запахов: крепкий аромат хвои, бодрящий цитрусовый, сладкая ваниль, терпкий багульник, а дальше – только невообразимая смесь, дурманящая сознание. Было темно, громко играла шарманка, полки, заполнявшие небольшое пространство, напоминали соты. В них хранились флаконы и пузырьки, бутылки и склянки, мешки с травами, ящики с мылом, колбы и мензурки, словно из химической лаборатории. Хозяин всего этого богатства возился за прилавком, а Илайн со скучающим видом ждала свой заказ.

Звук дверной погребушки заставил обоих отвлечься и посмотреть на того, кто пришел.

– О, госпожа помощница, – Илайн ничуть не удивилась ее появлению, – какими судьбами?

– Ищу подарок для сестры, – быстро нашлась она.

В ответ губы, накрашенные темно-сливовой помадой, дрогнули в ухмылке. Неужели Илайн так быстро вычислила, что ее пытаются обмануть? Сердце Флори тревожно заколотилось. Дождавшись, когда лавочник скроется в подсобке, она, пытаясь придать голосу непринужденность, осмелилась спросить:

– Ты используешь в работе химикаты?

– А еще мозги. Рекомендую взять на вооружение, – Илайн издевательски подмигнула, одной фразой давая понять, что не настроена на мирную беседу.

– Видела, как ты успокаивала безлюдя микстурой, – невозмутимо продолжила Флори. – Мы используем сандаловые благовония, а ты?

– И на какого домографа ты хочешь произвести впечатление? – внезапно спросила Илайн, не оборачиваясь, как будто обращалась к стеллажам.

– Ни на одного.

– Ну-ну.

Они стояли у прилавка: Илайн – устало завалившись на него, Флори – скромно держась в сторонке. Хриплая шарманка издевательски отыгрывала какую-то задорную мелодию, а когда прерывалась или затихала, становилось слышно шум из подсобки. Лавочник что-то бормотал себе под нос, двигал коробки, гремел мерными емкостями, шуршал пакетами. Но как бы окру-

жающие звуки ни пытались сгладить напряженную атмосферу, молчание все равно нависло над ними грозным облаком.

– Я тебя не знаю, Флориана, – после затянувшейся паузы сказала Илайн. Оказывается, ей было известно ее имя. – Может, ты милая девушка, а может, хитрая змея. Мне, в общем-то, плевать. Я не доверюсь ни той ни другой.

От ее испепеляющего взгляда Флори спас лавочник, вернувшийся с целым ящиком бутылок, пузырьков и свертков. Он обратился к Илайн, назвав внушительную сумму за заказ, который она оплатила увесистым мешочком с монетами. Пока учтивый торговец складывал все в саквояж, домтер похлопала по карманам комбинезона и извлекла из одного маленький пузырек. Внутри плескалась маслянистая жидкость янтарного цвета.

– Вот, держи, – сказала она, обращаясь к Флориане. – У меня как раз заваялся. Делай с ним что хочешь. Исследуй, вынюхивай, пытайся разложить запах на составляющие... А лучше выпей и внимательно изучи ощущения. Удачи!

Илайн подхватила заполненный саквояж и ушла, громко хлопнув дверью. Погремушка, закрепленная над притолокой, упала и с треском разбилась, выплюнув на пол мелкие круглые камешки, издающие характерный звук.

– Госпожа, – подал голос лавочник. – Не советую вам это пить.

– Спасибо за беспокойство, – сконфуженно пробормотала Флори и поспешила прочь.

Под ногами захрустели рассыпанные бусины.

Если у нее было скверное настроение, она готовила. Стряпня успокаивала, отвлекала и давала ей ощущение домашнего уюта. Поэтому, вернувшись после прогулки, Флори сообщила Саймона, читающего газету, что займется ужином. Тот с радостью уступил ей место на кухне, и вскоре соблазняющий аромат выпечки распространился на весь дом, приманив его обитателей. Никого приглашать к столу не пришлось, они расселись сами: Рин, Ризердайн и Саймон.

Раньше Флори думала, что мажордом ест отдельно, как положено слугам, но теперь у нее закралось подозрение, что он по доброй воле отказывался от совместных трапез, испытывая неловкость за собственные кулинарные творения. Сегодняшний ужин стал для него приятным исключением. О полезных блюдах, вроде желе из водорослей, он уже позабыл. Хорошо, если бы навсегда.

Разговор за ужином пришел к обсуждению гастрономических различий между югом и западом, а свелся к лестным словам в адрес Флори.

– Мне было совсем несложно, – смутившись, ответила она. – К тому же на кухне я быстрее согреюсь после прогулки.

– Прогулки? По такой погоде? – удивился Ризердайн. Просидев в кабинете весь день, он даже не заметил ее отсутствия.

– Говоришь так, будто ты бумажный и можешь утонуть в ближайшей луже, – поддел приятеля Рин. Он снова был нетрезв и весел, не думая о том, что говорит. С таким домографом Десмонд наверняка нашел бы общий язык. Или все-таки подрался бы.

– Я ходила по делам. И в парфюмерной лавке...

Рин прервал ее громким смешком.

– Дела в парфюмерной лавке! Этот серьезный женский подход!

С трудом Флори заставила себя не отвечать на колкость, хотя заметила, как Ризердайн бросил в приятеля предупреждающий взгляд.

– Хотела занять себя одной загадкой, – невозмутимо продолжала она. – Меня заинтересовала микстура, которой Илайн успокаивает дома.

Рин тут же поменялся в лице. Как Флори и подозревала, шутник-домограф напрягся, что его маленький секрет раскроется. Он дал ей список экзаменационных заданий, и среди них было нечто похожее: «Предложить и обосновать десять способов умирения безлюдей». Одна случайная фраза могла все испортить. Конечно, Флори не собиралась этого делать, но не упустила шанса подразнить домографа.

– Вы можете спросить формулу у нее, – сказал Ризердайн, словно говорил о какой-то другой Илайн.

Флори не стала спорить. С ним домтер вела себя иначе – пусть дерзко, упрямо, но всегда сохраняя уважение. Возможно, Ризердайн видел ее отзывчивой и дружелюбной, однако на саму Флори эта благосклонность не распространялась.

– Разгадать головоломку интереснее, чем сразу получить ответ, – ответила она в итоге. – Разве не так?

– Тогда можете воспользоваться моими записями и вывести свою формулу, если хотите. Флори просияла.

– Это бы мне очень помогло.

Ризердайн кивнул и отлучился, чтобы принести из кабинета записки, о которых говорил. Саймон вскочил следом и принялся убирать посуду. Едва он скрылся на кухне, Рин наклонился поближе к Флори, опершись локтем на стол, и тихо сказал:

– Вы умница, что прислушались к моему совету.

Он явно хотел примириться и надеялся, что похвала сможет закрыть брешь, пробитую его пьяной болтовней. В прошлый раз Флори не смогла скрыть обиды и сбежала с ужина. Сегодня проявила стойкость и сдержанность, уколов в ответ. В следующий раз она не будет ждать – и ударит первой, чтобы навсегда отучить господина Эверрайна от насмешек в свой адрес.

– Раз вы так любите советы, вот вам один, – деловито сказала она. – Поменьше болтайте, когда пьяны.

Домограф вальяжно откинулся на спинку стула.

– А раньше вам не нравилось, что я скуп на слова.

– Просто не была знакома с вашим *многословием*, – иронично подняв бровь, ответила Флори. – Оно еще хуже.

К счастью для них обоих, разговор не получил продолжения. Вернулся Ризердайн. Обещанных записей при нем не было, поскольку он предложил Флори занять один из его кабинетов. Такой щедрости не удостаивался даже Рин, но ему хватило ума оставить свои колкости при себе.

Коридор на первом этаже имел форму буквы «Т» – его длинная часть вела из столовой в кабинет. Стены в нем были сплошь завешаны чертежами, картами, исчерканными страницами. Флори впервые оказалась здесь, и это напомнило ей рабочее место отца в архитектурном бюро. Пока она с восторгом осматривалась вокруг, Ризердайн закрыл дверь, отрезав их от остального дома.

– Прошу прощения, что вам приходится терпеть колкости Рина, – сказал он с виноватой улыбкой.

– Вы не должны извиняться за него.

– Позвольте мне самому распоряжаться своими извинениями.

Его слова прозвучали мягко, едва ли не ласково, однако донесли до нее главную мысль: он не потерпит, чтобы ему указывали, как себя вести и что говорить. Иногда Флори забывалась, что за человек перед ней. Он был обходителен, дружелюбен и скромен, – это усыпляло бдительность и расслабляло; но стоило немного осмелеть, ступить за границу дозволенного, и в нем раскрывалась другая сторона его личности. Разговаривать с ним было все равно что ходить по кромке льда: никогда не знаешь, что принесет следующий шаг.

Оранжевый свет лампы на миг превратил Ризердайна в бронзовую скульптуру. Затем его выразительное лицо ожило, и наваждение исчезло. Он нахмурился, нервно облизнул губы и произнес:

– Я отчасти виноват, что Рин выбрал вас целью своего злословия. – Он невесело усмехнулся. – В академии нас всегда сравнивали и ставили в пример друг другу, чтобы подстегнуть стараться лучше. Так что мы привыкли соперничать. На этом выросла наша дружба.

Он прервался, чтобы глубоко вздохнуть и выразить сожаление о том, что прошлое странным образом объединяло их как добрых приятелей и вечных конкурентов.

– Рину сложно находиться здесь и осознавать, что я сделал то, чего он не смог.

– Тогда почему бы ему не вернуться в Пьер-э-Металь и не повторить ваш успех?

– Он человек порядка. Часть системы. Его связывает намного больше обязательств, чем меня. Не всякое бунтарство – созидание. Иногда это влечет за собой лишь разрушения.

Флори замерла и внимательно посмотрела на Ризердайна: *что он хотел сказать на самом деле?* Ее не покидало ощущение, что в его словах скрыт иной смысл, а весь разговор затеян вовсе не для того, чтобы оправдать чье-то поведение. Он говорил так, будто разгадал ее мотивы и прочел мысли. Сложно было придумать более подходящий момент, чтобы завести речь о реформе. Она уже хотела задать свой главный вопрос, но Ризердайн опередил ее.

– Не думайте, что он это всерьез... Он злится на меня, а срывается на вас.

Ризердайн снова вернулся к тому, с чего начал. Подходящий момент был упущен.

– Будем считать, что я работаю громоотводом, – отшутилась она. Ей не хотелось вымещать обиду на Ризердайне. Что бы он ни говорил, его вины здесь не было.

– А я – та крыша, в которую не бьет молния.

Он примирительно улыбнулся и ушел, оставив кабинет в ее распоряжении.

Она просидела с бумагами допоздна и не помнила, как добралась до кровати и уснула, зато сразу поняла, что ее разбудило. Громкий стук и механический звонок прозвучали по очереди, потом одновременно, а следом к ним добавились бранные крики.

Нырнув в платье, Флори выскочила в коридор – и оказалась последней. С лестницы уже доносились торопливые шаги, из холла – беспокойные голоса.

Илайн, явившаяся среди ночи, была на взводе и выглядела растерянной. Заметив Ризердайна, она кинулась к нему навстречу и выпалила:

– Проблемы в Доме с эвкалиптом.

– Ты послала дежурного? – спросил Ризердайн, спускаясь.

– Да. И Флинн со мной. Боюсь, там что-то серьезное.

– Мы поедем с вами, – вызвался Рин: собранный и представительный, как обычно.

Илайн полоснула его взглядом.

– Это не ознакомительная прогулка.

– Брось, Ила, – второпях обуваясь, сказал Ризердайн. – Лишние руки нам не мешают.

– Вот именно, что «лишние», – пробормотала домтер, но спорить больше не стала.

Снаружи ждал автомобиль, а за рулем – Флинн, парень в пижаме и... шляпе. Видимо, новость застала его врасплох, и он, не успев сменить спальную одежду, попытался компенсировать это строгим головным убором. Не успели двери закрыться, как водитель нажал на педаль, и машина рванула с места. Флори откинуло назад и впечатало в сиденье. Они чудом никуда не врезались и, пролетев петляющие улицы, прибыли на место целыми и невредимыми.

Выбравшись, Флори сразу почуяла запах эвкалипта и мокрой земли, а затем увидела двухэтажное здание под куполом раскидистого дерева. С виду дом казался самым обыч-

ным – прямоугольный, с выпирающей вперед крышей, наполовину скрытой листвой. Однако, подойдя ближе и прислушавшись, можно было различить полухрип-полустон и треск досок, что доносились изнутри.

Во дворе сустились люди, где-то плакал ребенок, и в этой тревожной суеде было сложно отличить жителей дома от простых зевак. Илайн ринулась сквозь толпу.

– Пропустите! Прочь с дороги!

Своим напором она проложила дорогу остальным. Один за другим они зашагали по живому коридору, ловя на себе взгляды. Нарастающая тревога чувствовалась в воздухе, словно надвигающаяся гроза.

– Безумный дом! Опасный дом! – доносилось из толпы. Вначале осторожным шепотом, потом громче и громче, переходя в истеричные возгласы.

– Внутри кто-то есть? – спросил Ризердайн, перекрикивая гвалт.

К нему подскочила босая женщина в пледе и заговорила сбивчиво, нервно, глотая слюны. С трудом все же удалось понять, что безлюдь пуст.

Ризердайн кивнул и направился к дому, где уже работали Илайн и Флинн. Вооружившись десятком аптекарских склянок и щедро проливая их содержимое на землю, они обошли периметр.

Рин не спешил присоединяться к ним. Такие методы были ему неизвестны, и без своего портфеля, полного привычных инструментов, он не мог ничего предпринять. От представительного образа домографа остался только костюм, но даже в нем Рин выглядел потеряннным и беспомощным.

– Не понимаю, что они делают.

– Используют масло шалфея, чтобы успокоить безлюдя, – объяснила Флори.

Он посмотрел на нее с недоумением.

– Откуда вы знаете?

– Прочитала.

– Делаете успехи!

Она проигнорировала его похвалу, обратив внимание на Флинна, который бросился к машине и вскоре вернулся с парой больших мотков веревки.

– Нужна твоя помощь, – сказал он Рину и, не сбавляя шага, бросил ему бобину.

Флори осталась одна на растерзание толпы, тут же обступившей ее. Гул недовольства, звучащий как рой пчел, прокатился среди зевак. Она хотела успокоить их, но получилось только разозлить.

– Эй, милочка, – крикнула женщина с суровым каменным лицом, – если он навредит моему дому, я вашу контору засужу.

Несколько человек поддержали ее одобрительными возгласами. Другие наперебой стали рассказывать о том, что слышали из окон плач. Флори попыталась объяснить, что это был голос самого безлюдя, чей вой и впрямь напоминал человеческий, и снова столкнулась с непониманием. От нее требовали действий, а не слов: что бы она ни говорила – все звучало для них неубедительно.

Не выдержав, Флори метнулась к дому, уже оплетенному веревками. Она огляделась по сторонам и, не найдя никого из своих, решила, что справится в одиночку. Ей не придется даже переступить порог, достаточно швырнуть пузырек с успокоительным внутрь безлюдя, чтобы он замолчал и больше не пугал людей. Ничего серьезного, что могло бы осложнить ситуацию или навредить.

Как же она ошибалась. Во всем: начиная с отношения делмарцев к безлюдям и заканчивая тем, что ее план достаточно продуман.

Флори беспрепятственно подкралась к двери, толкнула ее и швырнула на пол пузырек. В нос ударил резкий, концентрированный запах – неприятный, слезоточивый, совсем непохожий

на тот, что обычно. Она отпрянула, но не успела ступить и шагу. Пол ушел из-под ног, затрясся и накренился. Не удержавшись, Флори упала через порог, едва не напоровшись на осколки, и кубарем вкатилась в холл. Она попыталась подняться на локтях, однако резкие наклоны, вибрации и перемещения опоры не позволили сделать этого. Вокруг стоял оглушительный грохот, с которым рушились вещи. Ползком она все же добралась до двери и обнаружила ее наглухо запертой.

Успокаивающая микстура дала обратный эффект. Раз хваленые методы домтер не сработали, стоило обратиться к старому, проверенному способу. У Флори не было с собой сандаловых благовоний, зато наверняка в доме хранились спички. Подгадав момент между накачивающими приступами безлюдья, она бросилась в ту сторону, где предполагала обнаружить кухню. Но длинный коридор привел ее в странную комнату – круглую, скудно обставленную мебелью. В центре, точно опорная колонна, возвышался бледный ствол эвкалипта, покрытый ключьями отслоившейся коры. Флори сразу поняла, что оказалась в хартруме: его выдали окна, подернутые пленкой, хриплое дыхание и ощущение живого существа.

Она отыскивала спички на столике рядом с ингалятором, но зажечь их не получилось – отсырели. Воздух в комнате был настолько влажным и плотным, что в нем могли бы плавать рыбы, тогда как Флори ощущала себя жалким моллюском, выброшенным на берег. Кислорода не хватало, дышать становилось все тяжелее. «*Нужно уходить*», – подумала она, а тело решило по-другому. Обессиленно упало, покрылось игольчатой болью, задрожало, будто от лихорадки.

Флори не понимала, что с ней, хотела позвать на помощь, но с губ сорвался только слабый стон. Мучительно-медленно к ней пришла мысль, что всему виной воздух, и для спасения нужно пробраться к окну. Из последних сил она поползла к ближайшему проему, сокрушаясь над тем, что подоконники слишком высоки. С каждым новым движением дышать становилось больнее. Ее замутило, в ушах глухо зашумело. Флори продолжала пробираться за спасительным глотком свежего воздуха, но потом ее охватил ужас от мысли, что прямо здесь и сейчас ее жизнь может оборваться. Сквозь затуманенное сознание прорезался голос. Вначале он казался чужим и далеким, но потом обрел знакомое звучание. Ризердайн. Проваливаясь в обморок, Флори не различала слов и не осознавала, что происходит, а лишь улавливала отдельные ощущения: холодные прикосновения к коже, головокружение, дрожь... Пространство вращалось, словно дом был гончарным кругом, а она – податливой, мягкой, бесформенной глиной, попавшей в руки мастера. Чувство собственной бестелесности странным образом успокаивало. *Если нет тела – умирать нечему*. Невыносимая боль в легких отделилась от нее и постепенно потухла. Дальше пришла темнота.

Первое, что она ощутила, когда очнулась, была влажная прохлада травы. Флори лежала на спине, запрокинув голову к темному небу без звезд. Теперь тело казалось тяжелым, словно ее глиняную фигуру закалили в печи и оставили остывать. С трудом она перевернулась. Желудок свело судорогой, и ее стошнило. Тут же подоспел Флинн с флягой воды и пилюлей, которую Флори проглотила без раздумий. Как только стало легче, она спросила:

- Все живы?
- Да, обошлось.

Флори огляделась, но не увидела вокруг никого: ни толпы зевак, ни домографов, ни Илайн. Безлюдь, чьи окна были распахнуты настежь, остался где-то в стороне.

- А где остальные?
- Осматривают дом.
- Воздух в безлюдье отравлен?

Каждое слово ощущалось камнем на языке: тяжелое, неудобное.

– Не воздух, почва. Эвкалипт работает как насос и впитывает влагу. Так яд попал внутрь. Похожее нападение уже случалось, но мы и подумать не... – Флинн осекся на полуслове.

Надеясь отвлечь ее, он полез в чемодан и, вытащив оттуда полоску бумаги, свернутую в несколько раз, протянул Флориане.

– Держи мятную пастилку.

Закинув ее в рот, Флори поинтересовалась, как скоро лекарство подействует.

– Вообще-то Риз велел показать тебя врачу.

– Ты и есть врач.

– Домолог, – исправил он. – Я лечу безлюдей.

– Какая разница? Ты видишь, что я в порядке. Ну же, Флинн. – Она изобразила на лице подобие улыбки и протянула руку, чтобы он помог подняться с земли.

Уговоры сработали. Флинн не повез ее в лечебницу, но и к безлюдю не пустил. Флори пришлось согласиться, чтобы он вернул ее домой и передал под опеку Саймона.

В автомобиле ее снова замутило, и всю дорогу она думала лишь о том, как унять это мерзкое ощущение. Тем радостнее было снова оказаться в доме Ризердайна, в кресле у зажженного камина. После дождя ночь выдалась прохладной. Прележав на мокрой траве, Флори продрогла и теперь тянулась к теплу, чтобы унять озноб. Вопреки слабости она не торопилась вернуться в постель, а устроилась в гостиной с намерением дожидаться домографов.

Жар и треск огня убаюкали ее. Казалось, она закрыла глаза лишь на минуту, а когда вновь открыла их – обнаружила, что прошло немало времени. Поленья в камине почти догорели, и теперь прохладный воздух стелился по полу. Это ее и разбудило. Где-то поблизости была открыта дверь.

Поднявшись, Флори выскользнула в коридор и почти сразу нашла Ризердайна. Его остроплечая фигура застыла за прозрачной дверью, ведущей на веранду. Опершись на перила, он стоял не шелохнувшись, похожий на засушенного богомола под стеклом. Было в его неподвижности что-то печальное, безысходное. Едва подумав об этом, Флори испытала чувство вины. Если бы она не пошла на поводу у зевак, если бы не полезла к безлюдю в одиночку и не вела себя так самонадеянно...

Она хотела объяснить, но не нашла в себе смелости просто так нарушить уединение Ризердайна. Пришлось искать предлог, чтобы составить ему компанию. Чайник на плите был еще теплым, и Флори воспользовалась хитростью Саймона: тот всегда находил повод, чтобы неожиданно появиться там, где его не ждали.

Она осторожно проскользнула в приоткрытую дверь. Веранда представляла собой площадку в форме полукруга, выходящую на часть сада с апельсиновыми деревьями у изгороди. Воздух пропитался терпкой сладостью перезревших фруктов и неприятной горечью. Флори узнала запах и убедилась, что не ошиблась, когда увидела табачный дым, выходящий вокруг Ризердайна.

– Как себя чувствуете? – внезапно спросил он, не оборачиваясь.

– Спасибо, уже лучше. Саймон заварил ромашковый чай. Я и вам принесла. – Она протянула чашку, объясняющую ее внезапное появление.

– Благодарю, но у меня есть это. – Легким жестом он продемонстрировал сигару и выпустил дым тонкой струйкой сквозь едва приоткрытые губы.

Резкий, бьющий в нос запах ассоциировался у нее с Прилсом, Гленном и другими богатеями Пьер-э-Металля. Ризердайн никак не вписывался в их компанию.

– Островной табак?

– Да вы знаток.

– Доводилось слышать. В наших краях островной табак – привилегия богатых.

– А в моих – способ успокоить нервы.

– Может, лучше попросить Илайн замешать успокаивающую микстуру и для вас?

Шутка показалась ей забавной, но лицо Ризердайна помрачнело.

– Кстати об этом... В безлюдье вы использовали микстуру от Илайн?

Отпираться было бессмысленно, поэтому Флори кивнула. Наверняка они успели обсудить это без ее участия.

– Не делайте так больше.

– Что именно?

– Не используйте микстуры, не подумав о химических реакциях. – Его голос стал строгим, превратив дальнейшие слова в нотации: – Если бы можно было успокоить безлюдя обычной микстурой, мы бы так и сделали. Неужели вы думаете, что никто бы не додумался до этого? Но мы не применяем химические вещества там, где они могут создать опасное соединение. Поэтому мы работали *снаружи*.

Щеки Флори защипало от стыда.

– Простите, – с трудом выдохнула она. Кружка на блюдце нервно зазвенела, выдав дрожь в руках.

– Я объяснил вам это, чтобы предостеречь, а не обвинить. – Ризердайн выдержал паузу, затем потушил сигару о перила и, выпустив в воздух последнее кольцо дыма, добавил: – Как бы вы ни поступили, исход был бы тем же.

Забывшись, Флори сделала глоток чая, чтобы избавиться от сухости во рту, и лишь после вспомнила, что принесла чашку не для себя.

– Я так гордился этим безлюдом. – Его тон внезапно переменился, отрешенный взгляд устремился в глубину сада. – Мы построили дом для мальчика с астмой. Ради него семья переехала к морю, испробовала разные методы лечения, но ничего не давало результатов. И тогда они обратились ко мне. Не потому, что верили, а из-за отчаяния. И я доказал им, что безлюди могут помогать там, где остальные бессильны. А теперь это уничтожено. И дальше будет только хуже.

Слушать монолог Ризердайна было мучительно. Флори знала, как вслед за потерей приходило глубокое чувство вины оттого, что не удалось предотвратить беду. Эта червоточина разъедала сердце и становилась бездонной дырой.

– Безлюдь был обречен: нервная система поражена отравой, дыхание слабое. Я даже не попытался сохранить ему жизнь.

– Да-да, а еще вы виноваты в том, что появились на свет, обладаете пытливым умом, совершили прорыв в истории безлюдей, освободили лютенгов и взвалили на свои плечи колоссальную ответственность. Как вас еще совесть не загрызла, м?

Губы Ризердайна дрогнули в полуулыбке.

– Это не отменяет того, что я...

– Прекратите! – перебила она. – Вы нужны другим безлюдям. Тем, кто еще жив и может стать новой мишенью. Скурите хоть весь урожай островного табака, продолжая оплакивать потерю, проблема так не решится.

Когда ее пламенная речь оборвалась, над ними зависла звенящая тишина, нарушаемая лишь сонным шелестом ветра. Флори оставила попытки утешить Ризердайна, а у него было бесчисленное множество причин, чтобы промолчать.

Они долго стояли на веранде, созерцая небо, наливающееся бледно-розовым светом, а потом ладонь Ризердайна мягко накрыла ее озябшие пальцы, лежащие на каменных перилах. Это была отчаянная просьба о помощи. Он словно падал в пропасть и пытался найти спасение в чем угодно: в табачном дыме, скорби, прикосновении. Флори позволила его руке остаться. И когда Ризердайн крепче сжал ее пальцы, этого оказалось достаточно, чтобы выразить то, что он так и не смог облечь в слова.

Глава 5

Дом без дверей

Дарт

Зачеркнутые слова, смятая бумага, пальцы в чернилах, – вот лишь некоторые из причин, почему Дарт не выносил писем. Но он должен написать одно, вытащить из головы хотя бы несколько толковых фраз, достойных прочтения. Прошлые попытки не удались, сразу же обратившись в пепел, изодранные клочки или скомканные листы, а это послание-долгожитель продержалось уже неделю. Ежедневно он добавлял туда по паре строчек, а если настроение располагало, мог расщедриться и на большее.

Сегодня все благоволило ему: и погода, позволившая расположиться на веранде, и отсутствие дел, и ясный ум изобретателя, легко находивший нужные слова. Дарт едва поспевал за полетом мысли. Правая рука, перепачканная чернилами, скользила по бумаге, а левая рассеянно трепала Бо за ухо. Пес устроился в соседнем кресле, положив морду на плетёный подлокотник.

Внезапно ручка дрогнула, оставив на бумаге случайный росчерк. Мысль прервалась, вытесненная шумом в ушах. Когда он стал громче, Дарт встревожился. Личность изобретателя, выпавшая ему на частностях сегодня, прежде страдала от мигрени, и Бильяне стоило огромных усилий, чтобы ослабить приступы лечебными отварами. Шум в ушах был первым предвестником боли, – вспомнив эти ощущения, Дарт напрягся, приготовившись к худшему. Бо тоже насторожился. Вскоре стало ясно, что их обоих потревожил автомобиль, приближающийся к дому в облаке дорожной пыли. Дарт приободрился, поняв, что опасения не подтвердились, однако общество Рэйлинноэлы Хоттон было для него страшнее мигрени.

Он судорожно сгреб бумаги, прежде чем госпожа без-пяти-минут-Эверрайн показалась из автомобиля, сияющего на солнце перламутром.

– Дартиэль, как здорово, что я застала тебя здесь! – радостно воскликнула она, когда оказалась у крыльца. Тонкие губы изогнулись, обнажая ослепительно-белые зубы.

«Она когда-нибудь прекратит коверкать мое имя?» – Дарт хотел спросить напрямую, да не рискнул признавать, что это задело его.

– Это конфетная фабрика, – сказал он, сам поражаясь тому, как спокойно звучит голос. – А я Дарт.

– Ох, прости. – Рэйлин приложила руку к губам, изобразив смущение. Из нее вышла бы скверная актриса.

Она стала подниматься по лестнице и вдруг застыла на полпути при виде охотничьего пса. Тревога вспыхнула на ее лице и тут же обратилась в презрительную гримасу.

– Убери его. У меня аллергия на шерсть.

– А аллергии на лютенов у тебя нет?

– Если только они не обращаются в каких-нибудь лохматых зверюг.

– И не задают глупых вопросов, – пробормотал он, будучи вынужденным исполнить просьбу и спровадить Бо в дом.

Всякий раз Дарту приходилось изображать учтивость, сдерживая себя напоминанием, что перед ним – будущая жена Эверрайна. Впрочем, он сомневался, что его позовут на эту свадьбу. Хотя бы потому, что не смогут заполнить в приглашении графу «фамилия».

Рэйлин поднялась на веранду и присела на краешек кресла, рискуя свалиться с него во имя собственного высокомерия. Она всегда выбирала полумеры, если хотела подчеркнуть пре-

зрительное отношение: держалась вежливо, но без любезностей; отвечала полуулыбкой; смотрела на собеседника, но вскользь, точно он был пустым местом; соглашалась на чаепитие, но даже к чашке не прикасалась, будто брезговала. В ее обществе Дарт чувствовал себя получеловеком, отчего каждая встреча с Рэйлин больше смахивала на пытку.

– Рин прислал письмо, – деловито сообщила она. – Он по-прежнему обеспокоен из-за Общины.

Им всем стоило опасаться слухов о том, что фанатики ждут нового лидера, который восстановит справедливость. Под справедливостью они понимали уничтожение безлюдей и арест лютенгов, виновных в смерти их дражайшего главы. Его внезапная кончина сильно ударила по Общине, где все привыкли к властной руке, ведущей их по жизни.

Дарт так увлекся размышлениями, что перестал слушать Рэйлин и безнадежно запутался в ее речи, звучащей с частотой барабанной дроби.

– Можно взглянуть на письмо? – спросил он. – Не воспринимаю информацию на слух.

– Так слушай внимательнее, – небрежно пожав плечами, ответила Рэйлин и продолжила, пересказывая то, о чем Дарт знал и без нее.

Своим новым лидером Община видела сына почившего главы, и сама идея передать власть по наследству уже говорила об их далеко идущих, почти королевских, планах. Месть за отца была способна распалить жертвенный костер, и в нем фанатики хотели сжечь всех виновных.

– Слишком много недоброжелателей. Горожане жалуются на опасное соседство безлюдей. Фанатики требуют расправы над лютенами. Если так продолжится, это может в корне изменить отношение властей. Безлюди являются собственностью города. Пьер-э-Металь – как коробка спичек. Хватит искры, чтобы вспыхнуть.

– Знаешь, – перебил ее Дарт. – Я не доверяю красивым словам. Обычно ими прикрывают неприятную правду. – Он внимательно посмотрел на Рэйлин, и по одному движению опущенных ресниц понял, что оказался прав. – Так что оставим это и сразу обсудим: что нужно сделать? Рин дал задание? Или морской воздух вдохновил его написать мемуары?

Рэйлин недовольно поджала губы.

– Тебе стоит записать поручения. – Небрежным жестом она подтолкнула к нему ручку, брошенную на столе.

Дарт удивленно взглянул на Рэйлин. Едва сдержав эмоции, он в очередной раз напомнил себе, кто она такая. Однако статус невесты домографа не давал ей право командовать им. В рабочих вопросах она оставалась простым архивариусом – в должности на пару звеньев выше самих лютенов. Он пожалел, что сегодня на частных ему выпал рассудительный изобретатель, а не порывистый пьянчуга, который хамил так же легко, как дышал.

– Под диктовку? Серьезно? – Он заставил себя усмехнуться, еще надеясь перевести все в безобидную шутку.

– Твое упрямство утомляет, – с тяжелым вздохом ответила Рэйлин. – Будь хорошим мальчиком и делай, что говорят.

– Я тебе не дрессированная собачка.

– Зато натаскан исполнять поручения, – хлесткие слова были как пощечина. На миг Дарт ошарашенно застыл, а потом ощутил накатывающую волну злости. Ему и раньше доводилось слышать издевки, но получить их от Рэйлин оказалось вдвойне унижительным.

– У лютена есть только один хозяин – безлюдь. Будешь приказывать мне, когда окаменеешь и обзаведешься хартрумом.

Щеки Рэйлин вспыхнули гневным румянцем, губы вытянулись кривой змейкой. Через пару мгновений ее лицо вновь приняло привычное выражение – спокойное, благодушное и едва ли не смущенное, как будто ей стало неловко. За этим могла разразиться настоящая буря, однако Рэйлин лишь тихо сказала:

– Понимаю, я раздражаю тебя. – Она чопорно разгладила несуществующие складки на платье. – Увы, нашей взаимной неприязни недостаточно, чтобы исключить общение. Мы работаем в одной сфере и связаны тем, что Рин доверяет нам.

Бла-бла-бла. Дарту захотелось закатыть глаза.

– Не делай из себя заложницу обстоятельств, Рэйлин. Это я нахожусь на службе без шанса отказаться от нее. А ты можешь уйти в любой момент. – Он подался вперед, сократив расстояние между ними, и поинтересовался: – Зачем тебе должность архивариуса?

От его внимательного взгляда не ускользнуло, как Рэйлин передернуло от простого вопроса.

– Мы – единственные, на кого Рин может всегда положиться. Разве у нас есть выбор? – голос ее стал мягче и мелодичнее. – Я бы показала письмо, но так торопилась, что забыла его. Могла записать список поручений своей рукой, но у меня мудреный почерк. Поэтому, если тебе не трудно, запиши все сам. Пожалуйста.

Дарт оценил ее шаг к примирению и согласно кивнул. Они и так потеряли время на пустые пререкания.

Поначалу задание домографа казалось простым: Дарту следовало встретиться с одним человеком и кое-что выведать у него. Однако дело осложнялось тем, что речь шла о землевладельце Монке – обладателе влиятельного имени, отцовского состояния и заносчивого характера, о котором говорили чаще, нежели о его трудовых заслугах. Но самое важное в нем было то, что он знал Аластора Доу – их главную цель. По слухам, землевладелец приехал в Пьер-э-Металь с рабочим визитом, а свободное время коротал в увеселительных заведениях. Дарт понимал, что выловить Монке в элитных клубах и тавернах, закрытых для пришлых гостей, будет непросто, но еще тяжелее – выудить из него нужную информацию: такого не задобришь монетой, не припугнешь и не прижмешь к стенке; с таким не договоришься и не поболтаешь по-дружески.

– Что мы ищем? – спросил Дарт.

– Любые сведения об этом... Доу. – Рэйлин рассеянно пожала плечами. – Кто он такой, где живет и как с ним можно связаться, его жизненные обстоятельства и финансовое положение.

– Надеетесь от него откупиться?

– Рассчитываем понять, с кем придется иметь дело.

Дарт скептически посмотрел на нее, не будучи так уверен, что знания о загадочном наследнике Общины способны переломить ситуацию.

– Кстати о деньгах, – спохватилась Рэйлин. – Вот, возьми. – Она положила на стол бархатный мешочек, на вид полный монет, и лукаво улыбнулась: – Едва не сказала про твою нищету, но раз мы теперь лучшие друзья, то не буду тебя смущать.

Нахмурившись, Дарт молча сгреб подачку, желая лишь того, чтобы Рэйлин исчезла прежде, чем у него закончится терпение.

Оставив последнее слово за собой, она победоносно удалилась. Когда ее перламутровый автомобиль исчез из виду, Дарт отправился на постоянный двор, где остановился Монке. Монеты развязали языки местным работникам, и те охотно доложили, где пропадает их жилец. Монке выбрал для развлечений закрытый клуб «Сан-Порт» – о нем было известно лишь то, что заведение принимало самых почетных и богатых гостей, привлекая изысканными блюдами, элитным алкоголем и приватностью. Попасть туда могли только «избранные», оплачивающие ежемесячный взнос, а Дарт не имел никакого отношения к подобной роскоши, поскольку, как справедливо заметила Рэйлин, кошелек лютенгов всегда пустовал. Они находились на обеспечении города и получали в распоряжение ровно столько, сколько хватало на еду и содержание безлюдя, что считалось одной из мер против побегов и бунтов. Ни накопить, ни потратить

лишку с их скудным жалованьем было невозможно. Словом, двери «Сан-Порта» были закрыты для таких, как Дарт.

Он подумал о Рине и Рэйлин, предположив, что у кого-то из них есть доступ в клуб богачей. Однако от идеи пришлось отказаться: Эверрайн никогда не питал любви к подобным развлечениям и кичливости, а что касается Рэйлин... встречаться с ней еще раз Дарт решительно не хотел. Хватит с него на сегодня. Конечно, существовали и другие способы добраться до Монке; самый простой – подловить его на постоялом дворе. Однако чутье подсказывало, что люди болтливей и сговорчивей, когда отдыхают. К тому же появление в стенах «Сан-Порта» уже считалось гарантией доверия. Случайные люди туда не приходили, но Дарт собирался исправить это сегодняшним вечером и знал лишь одного человека, способного ему помочь.

Хмельной квартал в дневное время казался заброшенным: пустые улицы, безмолвие, закрытые ставни заведений, дремлющих перед началом новой рабочей ночи. По пути ему встретилось только двое – местный попрошайка и мусорщик, еще не закончивший смену. Его тележка уже была под завязку заполнена мешками, а он упорно пытался затолкать еще три. Один из них лопнул, выплюнув половину содержимого прямо в мусорщика, а тот зашелся грязными ругательствами. Его истошный вопль эхом разнесся на весь Хмельной квартал и преследовал Дарта до самой «Паршивой овцы». Юркнув за дверь, он погрузился в тишину таверны, вдохнул приторный запах солода и меда, от воздуха можно было уже охмелеть.

Темный коридор уводил вглубь служебных помещений, откуда выкатилась пивная бочка под управлением Здоровяка Бола.

– Лютер, рад видеть! – пробасил он, протягивая огромную ручищу, способную раздробить кости пальцев одним пожатием. На сей раз обошлось.

Однажды добродушный здоровяк услышал, что Дарт – лютен, и ошибочно принял это за имя.

– Хозяина ищешь? Так он в подсобке, за кухней. Раскладывает ловушки для крыс.

Кухни располагались в тупике за складами и пивными погребами. Дарт редко заходил сюда и не сразу нашел путь в лабиринте петляющих коридоров. Наконец он достиг цели и оказался в просторном помещении. Без суеты работников и криков кухарки оно выглядело заброшенным. Хотя обнаружить признаки жизни все-таки удалось. Из-за двери, ведущей в подсобку, раздавались приглушенные звуки – и они, как ни старалась фантазия, совсем не вязались с охотой на крыс. Дарт попятился к выходу, решив, что заглянет позже. Уже в коридоре он услышал, как дверь подсобки хлопнула, и вернулся, поскольку дело было важное.

На кухне он застал Деса, чей внешний вид вмиг разоблачил его: лицо безмятежное, с блуждающей улыбкой, рубашка перекособошена из-за неправильно застегнутых пуговиц. *Именно так выглядит человек, расставивший ловушки для крыс.* Дарт невольно усмехнулся. Увидев его, Дес вздрогнул, будто привидение встретил, затем пробурчал приветствие и рассеянно взъерошил волосы, оставив на них муку, в которой были выпачканы руки.

– Охотишься на крыс?

– Иногда.

– Одна, кажется, тебя укусила. – Дарт провел рукой по своей шее.

– На себе не показывай, – в шутку пригрозил Дес и поднял воротник рубашки, пытаясь скрыть красное пятно, изобличающее его времяпрепровождение.

В этот момент хрупкая фигурка замаячила за его спиной. Дарт сделал вид, что не заметил ее, дав шанс остаться таинственной незнакомкой из подсобки, однако не всем удалось сохранять ясность мысли в такой нелепой ситуации.

– Простите, я спешу, – пролепетала блондинка, бочком протискиваясь между Десом и кухонным столом. – Работа ждет.

Дарт сразу узнал в ней местную стаканщицу Солу. Ее одежда была напрочь испачкана в муке – там, где блуждали руки несостоявшегося крысолова. Несколько следов имели четкий

отпечаток его ладоней. Когда она, смущенно опустив голову, проскользнула мимо, Дарт успел шепнуть ей пару слов, после чего Сола судорожно принялась отряхивать платье.

– У меня к тебе дело, – повернувшись к Десу, сказал он как ни в чем не бывало. Дарт привык к выходкам друга и ситуациям разной степени неловкости, в которые тот втягивал его. Удивляться уже не приходилось.

Он кратко объяснил, зачем пришел, пока друг заново застегивал пуговицы на рубашке.

– Попасть в «Сан-Порт» не так просто, – ответил Дес. – Ты хоть представляешь, как работают такие заведения?

Пропустив справедливый вопрос мимо ушей, Дарт выдал главный аргумент:

– Завтра Монке уезжает. Это последний шанс его поймать.

– Ладно, к вечеру что-нибудь придумаю. – Дес устало вздохнул и, заметив замешательство Дарта, спросил: – Нужно сделать что-то еще, о чем тебе сложно попросить?

Дарт и впрямь сомневался, стоит ли озвучивать мысли, никак не касающиеся ни дела, ни его самого. Он никогда не читал другу морали и не следил за тем, как стремительно меняется его окружение. Порой он удивлялся, что какая-нибудь пассия оставалась с ним надолго, а потом случайно узнавал, что это были три разных, просто очень похожих между собой девушки. Он бы промолчал и сейчас, если бы Дес всю прошлую неделю не мучил его рассказами о прекрасной солистке бродячей труппы, что проездом оказалась в Пьер-э-Метале. Он ходил на выступления по всем тавернам и кабакам Хмельного квартала, переживал из-за ее отказов познакомиться, а когда она укатила в соседний город, поехал следом, чтобы в двадцатый раз послушать незатейливый репертуар, который к тому времени уже знал наизусть. Дарт наивно полагал, что другом движут искренние чувства, а теперь не понимал ничего.

– Не знал, что вы с Солой, – осторожно сказал он, не желая показаться навязчивым или любопытным.

– Мы не вместе, – коротко ответил Дес.

– А что с той певицей?

– Ее зовут Чармэйн.

– Рад за нее. Так что с ней? Я слушал рассказы о ней неделю и вправе узнать, чем все закончилось.

Вначале Дес рассеянно пожал плечами, как будто сам не знал финал этой истории, но все-таки ответил:

– Чармэйн научила меня не увлекаться приезжими девушками. Они появляются яркой звездой, ослепляют сердце, а в следующий миг исчезают, оставив тебя в темноте.

В этот момент в мыслях Дарта мелькнуло имя Флори, но он тут же одернул себя, словно подумал о чем-то запретном.

– В Пьер-э-Метале проще, здесь все знакомо и привычно, хоть и выбор ограничен, – продолжал Дес, скорчив гримасу мыслителя, что, как он рассчитывал, придадо ему должной серьезности.

– Интересно, что ты будешь делать, когда в городе закончатся девушки?

– Перееду.

Они переглянулись и засмеялись, а потом так же дружно замолчали.

– Зря ты так с Солой, – неожиданно для самого себя выдал Дарт. Только он дал волю мыслям, как одна из них вырвалась словами, полными осуждения.

– Да ладно тебе, не драматизируй, – отмахнулся Дес, считая, что и на сей раз прикроется вольными взглядами на жизнь. – Я ей ничего не обещал.

– Ведешь себя как твой папаша.

В глазах друга вспыхнула обида.

– Эй, расслабься. И, кстати, про это. В «Платях на пол!» еще надеются, что ты осчастливишь кое-кого своим присутствием. Тебя там частенько вспоминают.

– Да неужели?

– Спрашивают, что случилось, а я отвечаю, что ты запал на благочестивую девушку и теперь из кожи вон лезешь, чтобы ей соответствовать.

На миг Дарт потерял над собой контроль и не сразу осознал, почему вдруг Дес запрокинул голову назад и закрыл лицо руками. Затем тот подвигал челюстью, куда пришелся удар, и прокричал:

– И что это изменит, дружище? Она вернется и прыгнет в твои невинные объятия?

– Заткнись! – сквозь зубы процедил Дарт, сжимая кулаки. Первый раз он бил неосознанно, но сейчас находился на грани того, чтобы врезать снова. И, сделай он так, это было бы самое взвешенное решение в его жизни.

– По старой дружбе готов предоставить свое лицо, чтобы ты выместил всю злость и досаду. Ну же!

Едва сдержав новую волну гнева, Дарт развернулся, чтобы уйти. Кто-то должен был прекратить это.

– Лучше быть честным с каждой, чем врать одной, – бросил ему в спину Дес.

– Что? – Дарт застыл на пороге и обернулся. Смесь из самых разных чувств бурлила в нем, словно кипящее масло. Казалось, оно вот-вот прожжет тело насквозь и вскоре от него ничего не останется.

– Ты врешь, что сможешь смириться с правилами. Врешь, что готов быть для нее просто другом. Врешь, что согласен ее отпустить. Думаешь, это честнее?

– Да пошел ты! – только и смог сказать он, после чего вылетел в коридор как ошпаренный.

– Я уже в пути. Встретимся на повороте, – донеслось ему вслед.

Дарт не помнил, как вернулся домой. Ноги сами, по привычке, привели его в Голодный дом. Будь он с закрытыми глазами, в плену хмеля или как сейчас, – чувствуя себя слепым и пьяным одновременно, – Дарт всегда возвращался к безлюдю, точно сам состоял из железа и тянулся к магниту против собственной воли.

Бо, как обычно, встретил его у дверей и не успокоился, пока не привлек внимание. Усевшись на нижних ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж, Дарт позволил псу облизать ему лицо и уши. Не сказать, что в этом было что-то приятное, Дарт бы с радостью заменил подобные нежности на что-то более практичное: например, чтобы питомец замешивал угольную одурь и приносил ее в постель, спасая от похмелья. Правда, существовал риск, что пса с такими способностями тут же прибрал бы к рукам Дес.

Имя друга отозвалось зудящим в груди разочарованием. Ссоры с ним случались редко, но совершенно некстати. В минуту, когда Дарт нуждался в его помощи, их угораздило сыграть партию в «молчуна». Так в местных тавернах называли незатейливое развлечение. О нем обычно вспоминали под конец вечера, когда посетители становились смелее и безрассуднее. Суть игры заключалась в том, что двое соперников, определенных жребием, затевали словесную перепалку. Победителем становился тот, кто своим изобретательным оскорблением мог вынудить противника пустить в дело кулаки. Собственно, это зачастую и провоцировало драки в Хмельном квартале. Бывало, участники становились непримиримыми врагами и в жизни, превращая забаву в причину совсем нешуточной мести. Несмотря на последствия, развлечение нравилось всем. Зрителей привлекали не только зрелищность и накал страстей, но и разглашенные тайны, которыми щедро сыпали игроки. Дарт помнил, как однажды в «Паршивой овце» жребий выпал супружеской паре. Их словесная перепалка превратилась в грандиозный скандал с рассекречиванием таких пикантных подробностей, что партию пришлось прервать.

Впрочем, это не спасло сам союз. Выдворенные из таверны, муж с женой продолжили ругань на улице, а наутро явились в контору, чтобы разорвать брак.

Ни Дарт, ни Десмонд в «молчуна» не играли, во многом из-за того, что боялись оказаться противниками. Если бы такое произошло, их дружбе наверняка пришел бы конец. Они знали друг о друге то, что принято помещать в платяной шкаф к остальным скелетам и запирать на ключ. И пусть опыта им не доставало, зато многочисленные партии, виданные в местных заведениях, сделали из них толковых игроков. Дес справился за пару ходов, безошибочно определив его больное место.

Флори. Как странно, что один человек может быть и главной слабостью, и главным источником силы. Подумав о ней, Дарт неосознанно поправил на шее цепочку с карманными часами, подаренными ею. Ему нравилось носить их на теле, ощущать тяжесть и холодное прикосновение металла, слышать мерное тиканье и утешать себя надеждой, что часовой механизм знает решение его проблем. Пару раз он и впрямь поверил в это. Впервые – когда решился проверить, поможет ли мелодия, заключенная в механизме, успокоить Тринадцатого. Тогда эксперимент провалился, и, если бы не Дес, все снова закончилось бы битыми зеркалами и стеклами. Долгое время Дарт боялся повторить попытку, но стремление подчинить себе способности одержало верх. В другой раз он не стал звать друга на помощь и рассчитывал только на себя. Помогла ли сила убеждения, или сама усыпляющая колыбельная из часов, но ему удалось подавить желание все крушить и ломать в поисках подходящих осколков. Он собирал их не для того, чтобы напасть на кого-то или причинить вред себе. Он защищался. Осколок под подушкой, под кроватью, в кармане – много осколков, способных отпугнуть тех, кто попытается на него напасть. В приюте ножей было не достать, пожаловаться – некому. Воспитанники кучковались, образовывали шайки, осознавая, что выжить здесь можно только вместе. Одиночкам вроде Дарта приходилось искать другие способы обороняться. Нездоровая тяга к осколкам стала въедливой привычкой и захватывала его разум всякий раз, когда частности выпускали Тринадцатого.

Сегодня, чтобы проверить дело самому, снова придется рискнуть. Дарт задумался, какая из личностей справится лучше. Циркач слыл ловкачом и хитрецом, детектив обладал предусмотрительностью и подмечал детали, охотник добивался желаемого напористостью, художник больше полагался на собственное обаяние, изобретатель мог строить в воображении сотни грандиозных планов, но тушевался, когда дело доходило до реализации. Вот и сейчас Дарт, имея в арсенале такой выбор личностей, не знал, как ему поступить. Войти в «Сан-Порт» под видом выступающего циркача? Или надеть лучший костюм и сыграть роль одного из гостей? Проскользнуть тенью, как это сделал бы безделушник, или двинуться напролом, как предпочитал действовать охотник? Множество личностей только все усложняли: один план наслаивался на другой, и в итоге Дарт не мог выстроить в голове ничего дельного. Единственное, в чем он был уверен после долгих раздумий, – полагаться на изобретателя нельзя. Его стихия – чертежи устройств и тихое уединение, в реализации хитроумных планов он не силен. Ловкость циркача тоже вряд ли пригодится. От личности художника он также отказался, поскольку его обаяние привлекало девушек, а для расположения Монке вряд ли понадобилось бы. Охотник действовал слишком прямолинейно и резко, тогда как в деле требовалась осторожность или, как сказал бы Рин, *деликатность*. Доверять безделушнику тоже не стоило: он хоть и отличался проворностью, но мыслил как подросток, а подростку такое задание не доверишь. Вот так, исключая одну личность за другой, Дарт остановил выбор на детективе – у него была хорошая интуиция, он обращал внимание на детали и умел повернуть разговор в нужное русло. Идеальный вариант.

Дарт щелкнул кнопкой на часах, их крышка мягко откинулась, выпустив наружу печальную мелодию. Услышав первые ноты колыбельной, он судорожно вздохнул. Циферблат показывал шесть часов вечера. На подготовку оставалось немного времени. Как удалось выяснить,

сбор гостей в «Сан-Порте» начинался в восемь, за час до открытия сцены. Следовало поторопиться.

Дарт встал со ступенек, потревожив дремавшего рядом Бо, и поднялся в спальню, чтобы переодеться. Детективу предназначался удобный костюм из тонкой шерсти, но сегодня, нарушив традицию, он выбрал одежду другой личности. Тоже костюм, но принадлежащий художнику. Джентльменская «тройка» досталась ему вместе с безлюдом, как и несколько других вещей: цирковой камзол, охотничья куртка, фартук повара и выдавший виды полосатый халат. Весь гардероб не стоил столько, сколько один этот костюм, а тот ничуть не проигрывал дорогой одежде Рина, пошитой по индивидуальному заказу.

Дарту было плевать на стоимость обертки, в которую ему приходилось облачаться, но другие люди обращали на это пристальное внимание. Он всегда выбирал личность художника или хотя бы его наряд, если хотел вызвать доверие и заручиться поддержкой. Сегодня Дарт рассчитывал, что добротный костюм и сообразительность детектива сыграют в его пользу.

Он делал все нарочито медленно: копался в шкафу, подбирал рубашку, зацепив вешалку за дверцу, рассматривал пиджак, отряхивая его от воображаемых пылинок. Так он оттягивал момент обращения в другую личность. Процесс этот отнимал много сил и всегда проходил непредсказуемо. Порой после такой перемены у него кружилась голова, а бывали случаи, когда метаморфозы вызывали неприятную дрожь в теле, будто внутри переключался механизм, элементы которого резонировали от вмешательства.

Дарт предусмотрительно оставил костюм на вешалке и лег на кровать. Перевоплощаясь, лютены теряли сознание. Обморок длился пару секунд, но их хватало, чтобы перейти из одного состояния в другое. Дарт медленно опустил веки и сосредоточился на образе: циферблат частностей с двенадцатью фигурками и стрелка, скользящая по кругу. Раньше ему было достаточно перевести ее вручную, но теперь он старался не упрощать задачу, а учился самостоятельно, без помощи безлюдя, обращаться со своей силой. Его пальцы сжали часы на цепочке. Пусть они не спасали от появления Тринадцатого, но придавали уверенности. Дарт сфокусировал внимание на звуках: басовитое тиканье частностей, мерный ритм механизма на груди и глухой стук сердца. Когда они слились в один, он мысленно перевел стрелку на латунную фигурку в форме круга с лабиринтом внутри и потянулся к личности, которая была способна решить эту головоломку.

Детектив. Его образ имел четко очерченные границы и острые края. При соприкосновении с ним Дарт ощутил вспышку боли и погрузился в темноту. Когда он очнулся, то почувствовал на щеке что-то теплое и вязкое. Сел, стараясь дышать как можно глубже и ровнее, утер кровь. Каждое обращение сопровождалось резким скачком давления, что нередко вызывало кровотечение из носа. Телу требовалось привыкнуть к новым условиям.

На ватных ногах Дарт поплелся в ванну, чтобы умыться. Вначале личность детектива воспринималась как инородный предмет, помещенный в его голову, а потом ощущение медленно угасло.

Облачившись в свой лучший костюм, он покинул дом с тяжелым сердцем и нарастающим волнением. Интуиция подсказывала, что ничего не сработает, но упрямство твердило, что стоит хотя бы попытаться. В крайнем случае можно поменять личность на хмельного, знающего толк в применении силы и грабежах (Дарт надеялся, что ничего из этого ему не понадобится).

Здание «Сан-Порта» ничем не выделялось из общего архитектурного ансамбля, оправдывая статус особого заведения. Человек незнающий наверняка прошел бы мимо, даже не помыслив о том, что скрывается за тяжелыми деревянными дверьми. С виду здесь могла располагаться академия, городская контора или что угодно – все здания на Озерных землях выглядели солидно и роскошно.

От простых увеселительных заведений «Сан-Порт» отличало отсутствие вывески и суеты вокруг. Гости прибывали по одному или парами, выскальзывали из автомобилей и тут же ныряли в двери, распахнутые перед ними. Все происходило так быстро, что порой трудно было разглядеть лица.

Какое-то время Дарт наблюдал со стороны, пытаясь узнать кого-нибудь. Ему предстояло назвать подходящее имя, чтобы охрана его пропустила. Он начал вспоминать местных богачей: ему нужен тот, кто состоял в закрытом клубе, но сегодня на вечер не пришел. Горьюсты и раскудители, крупные фермеры, владельцы строительных компаний, промышленники, торговцы, землевладельцы, высшие чины, властители города... Он перебрал всех. Сегодня был выходной день, середина лета: в такое время фермерам не до развлечений, в отличие от торговцев; после Ярмарки они заработали столько, что могли себе позволить кутить остаток сезона. Горьюсты наверняка тоже прохлаждались, поскольку заседания проходили только в будни. Представители власти, получая деньги из городской казны, могли отдыхать в любой из дней и не вылезать из «Сан-Порта» неделями. Наверняка каждого завсегдатая знали в лицо, а значит, никто из городской управы не мог служить прикрытием. Предугадать действия остальных оказалось еще сложнее, поэтому Дарт выбрал личность некоего Горана Адамайна – фермера, владеющего пшеничными полями на юге Пьер-э-Металья.

Дождавшись, когда распахнутые двери проглотят очередную порцию гостей, Дарт решительно шагнул следом. На входе его встретили двое портье в униформе и кипенно-белых перчатках. Круглые фуражки-таблетки, держащиеся на головах при помощи резинки, носил весь обслуживающий персонал. Одинаковая форма и будто приклеенные улыбки делали портье почти близнецами – и действия их были столь слаженны, будто управлялись единым механизмом. Они в унисон поприветствовали Дарта и попросили представиться. С трудом он выдавил из себя присвоенное минуту назад имя и замер в ожидании, когда один из «близнецов» уткнулся в список участников. Заметив, как сквозь натянутую гримасу проступает искренняя растерянность, Дарт понял, что просчитался. Ну, конечно, разве ему могло повезти?

– Простите, – виновато сказал второй портье и, выхватив у напарника плашку со списком, поспешил исправить заминку. – Одну секунду...

Пока он водил пальцем по строчкам, губы его беззвучно двигались, проговаривая фамилии. К тому времени, как он дошел до последней, убеждаясь, что названной персоны там нет, за спиной Дарта скопилась небольшая очередь. Грузный мужчина, пыхтящий, как паровой котел, возмутился, что его заставляют ждать. Портье, не занятый списком, выкрутил улыбку на максимум и елеинным голосом пообещал разобраться за пару секунд. Дарту следовало поторопиться.

– Это недоразумение, – попытался возразить он. За его спиной раздались недовольные возгласы. Дарт понял, что терпение гостей иссякает и они готовы без участия портье выдворить его вон. – Мой помощник должен был все устроить. И если это чья-то ошибка, то я...

– То вы пройдете по моему приглашению, дорогой друг, – раздалось позади Дарта.

Он обернулся и увидел, как сквозь недовольную толпу протиснулся Дес. Его волосы были непривычно прилизаны, а изысканный пиджак, под который забыли надеть рубашку, сверкал латунными пуговицами в два ряда.

– Добрый вечер, господин Гленн! – в унисон воскликнули портье. Список исчез за ненадобностью.

Дес ответил им легким кивком головы и, выудив из кармана пару монет, одну за другой подбросил их в воздух. Руки в белых перчатках взметнулись вверх, будто птицы, и ловко поймали монеты на лету. «Чудесно!» – буркнул под нос Дес и прошествовал мимо.

Дарту оставалось только засеменить следом, как послушной собачке, сопровождающей хозяина. Не успел он объясниться с другом, как их встретила другая служащая «Сан-Порта» – статная девушка с каштановыми волосами, туго затянутыми в хвост. В ней было столько гордости, что причудливую фуражку-таблетку она носила будто корону. Девушка проводила их за

свободный стол, и в работу включились официанты. Язык не поворачивался назвать их, изысканно приодетых и учтивых, просто «стаканщиками» из таверн. Это были какие-то элитные стаканчики, эволюционировавшие до отглаженной формы и хороших манер.

Дарт растерялся, когда ему в руки вложили деревяшку с меню: названия блюд оказались незнакомыми и больше напоминали древние заклинания – длинные, труднопроизносимые. Прочитав это вслух, можно было ненароком вызвать демона. *Богатого, очень богатого демона.* Дарт не стал рисковать и выбрал единственное из известных ему наименований – сырный хлеб. Друг предостерегающе покосился на него и исправил ситуацию тем, что заказал две порции «чего-то там», не забыв про выпивку. Избавившись от официантов, чья услужливость граничила с навязчивостью, Дес склонился к Дарту и тихо проворил:

– Хватит делать испуганное лицо. Выглядишь так, будто здесь впервые.

– Зато ты, как я смотрю, местная знаменитость, – проворчал Дарт, припомнив, как портье сразу узнали в нем господина Гленна. Удивительно, что Дес, отказавшийся от фамилии отца, иногда пользовался ею. – И часто ты здесь бываешь?

– Захаживаю иногда, – уклончиво ответил Дес.

– И называешься фамилией, которую якобы презираешь?

– Меня давно знают тут как Гленна, – он пожал плечами. – С двенадцати лет я таскался за отцом по таким заведениям. Много где бывал, многое видел...

– Ты об этом никогда не рассказывал.

– Ну, это и не повод для гордости. – Дес цокнул языком и беспокойно заерзал на стуле, всем видом показывая, что тема ему неприятна.

Дарт умолк и обвел взглядом зал. Пол и стены были обшиты бежевым мрамором, в его глянцевої поверхности отражались огни люстр, низко свисающих с потолка. Свет искрился в бокалах, преломлялся в украшениях дам, озарял лица служащих, чьи улыбки сияли ничуть не меньше драгоценностей.

Дарт не удержался от вопроса:

– Ты же не платишь взносы за участие?

– Конечно нет, – фыркнул Дес. – Я не идиот, чтобы регулярно спускать кучу денег на то, чтобы мое имя не вычеркнули. Господин Гленн у них в списках есть, а я им так примелькался, что моя наглая рожа работает как пропускной жетон. Неловко признавать, но иногда я пользуюсь привилегиями отца.

– Чтобы поесть блюда с названиями, которых не выговорить?

– Чтобы встретить девушек с именами, которых не выговорить.

– Изобретательно.

Дес постучал указательным пальцем по виску. Он обладал особым видом сообразительности, помогающей ему находить выход из самых разных ситуаций и получать желаемое.

– Кстати, назвался ты неудачно, – заявил Дес, дабы сменить тему. – Адамайн уже не состоит в клубе. Неурожайный год сильно бьет по карману фермеров, и в первую очередь им приходится отказываться от сомнительных удовольствий вроде членства в «Сан-Порте».

– Дурак, – пробормотал Дарт, обращаясь к себе. – Мог бы и догадаться.

– Ага.

Они помолчали, пока официант выставлял на стол бокалы с пуншем. Тонкий хрусталь, в котором плескался темно-красный напиток, не имел ничего общего с дешевыми стаканами из таверн, но в руках Деса смотрелся так же уместно, как грубое мутное стекло. Он сразу опустошил свой бокал, а затем, спросив у Дарта разрешения, разделался и со вторым.

– Ну-с, – потеряв руки в перстнях, сказал Дес. – Теперь я в деле. Кого мы ищем?

Дарт знал только фамилию и теперь ругал себя за то, что не удосужился расспросить о том, как Монке выглядит. Пришлось признаться, что в спешке упустил важный момент. Дес хмыкнул, одернул лацканы пиджака и жестом подозвал одного из официантов.

Спустя пару реплик они знали, что господин Монке сидит в противоположном конце зала и пришел сюда один.

– Как я его понимаю, – пробормотал Дес, на чьих губах снова заиграла хитрая ухмылка.

Они встали из-за стола и направились через весь зал в закуток перед сценой с опущенным занавесом. По пути Дарт судорожно пытался придумать, как начать разговор. Детектив, несмотря на способности, оказался не готов здраво мыслить в чуждой ему обстановке, да еще под любопытными взглядами гостей. Вероятно, завсегдатаи клуба разглядывали его, потому что не узнавали, а новенькие в любом сформировавшемся коллективе вызвали всеобщий интерес и затаенную враждебность.

Наконец, их путь завершился у большого стола, заставленного блюдами. Его занимал худощавый, будто бы сплюснутый по бокам, молодой человек. На фоне щедрого застолья он смотрелся комично, поскольку слабо верилось, что этот дрыщ способен вместить в себя столько еды. Возможно, он кого-то ждал, но им повезло застать его в одиночестве, что увеличивало шансы на успех.

Монке владел землями на севере и управлял активами, перешедшими ему от отца. Толку от этого управления, по слухам, не было никакого, но богачи могли позволить детям любые игрушки. Теперь Монке дорос до того, чтобы изображать серьезного дельца, и, кажется, неплохо вжился в образ. Весь его вид излучал принадлежность к бомонду: каштановые волосы набриолиненны, губы-линии капризно изогнуты, лицо надменно и холодно.

Заметив перед собой двух неопределенных личностей, Монке удивленно вскинул одну бровь. Вторая, с выбритой вертикальной полосой, осталась неподвижна.

– Монке, рад тебя видеть! – воскликнул Дес, словно приветствовал давнего знакомого, и без приглашения уселся напротив. Затем вальяжно откинулся на спинку стула, обозначив, что собирается задержаться надолго.

– Мы знакомы? – сухо отозвался Монке, не торопясь рассыпаться в ответных приветствиях.

– Скорее всего, нет. Хотя наши отцы прекрасно знают друг друга. Так что заочно мы с тобой товарищи. Сколько о тебе слышал, столько мечтал познакомиться.

Слова польстили Монке, и он заметно подобрел.

– Что ж, я могу осуществить эту мечту прямо сейчас. Даулеткерей Беккали Монке. А ваши имена, господа? – Он бросил взгляд на Дарта и снисходительно сказал: – Присаживайся.

Дарт, потрясенный его замысловатым именем, послушно опустился на стул рядом с другом.

– Дейлор Максимилиан Гленн, – без запинки проговорил Дес. Удивительно, как легко он вернулся к настоящему имени, от которого пытался избавиться уже несколько лет.

– Кажется, я о тебе слышал. – Монке задумчиво постучал по столешнице, словно нарочно демонстрируя увесистые перстни на пальцах.

– Лесопильное производство. Крупнейшее на западе, – представился Дес, протягивая руку, унизанную перстнями попроще; никаких разноцветных каменьев, только холодная сдержанность червленого серебра.

– Землевладельцы. Крупнейшие владения на севере.

Они обменялись рукопожатием, стукнувшись перстнями, точно стаканами, по крайней мере, звучало очень похоже. Их знакомство происходило по всем правилам, принятым у богачей. Вначале следовало назвать полное имя, чтобы обозначить статус, – чем оно длиннее, тем больше капитал. Затем указывался род деятельности, чтобы собеседник понял, насколько полезным для него окажется эта встреча. Дальнейшее общение Монке и Гленна могло принести обоим неплохие перспективы: северные земли славились древесиной, особенно город Фори-стале, откуда и был родом Монке. Производственных мощностей для обработки не хватало, а потому большая часть сырья уходила напрямую на лесопилки. Дарт видел, как лицо Монке

меняется, пока в его голове просчитываются выгоды. Хитрый взгляд вцепился в Деса, который представил Дарта. Вернее, он успел сказать только «А это мой...» и сложить губы трубочкой, чтобы назвать его другом. Дарт вовремя спохватился и перебил:

– Счетовод.

Это было больше похоже на правду. Личность детектива не обладала актерскими способностями, чтобы Дарт смог правдоподобно отыграть ровню этим двоим. Да и наскоро сочинить длинное имя, свое происхождение и влиятельного папашу он не успел бы. Потому оставалось притвориться кем-то, чей статус был ниже и оправдывал его поведение.

– Значит, выдаешь премию походами в элитные заведения? Чудак. – Узкие губы Монке искривились. – Но мне нравится.

Отныне Дарт перестал существовать в их разговоре. Имя его так и осталось неназванным, да и ни к чему им был этот мыльный огрызок. Он стал тенью, никем, что позволило ему пристально наблюдать за Монке, попутно раздумывая над тем, как выудить из него нужные сведения.

Десу отлично удавалась роль богатого сыночка – по правде, он и был им, даже если назло отцу отказался от своего имени и наследства. В обществе местного бомонда, в окружении надменной роскоши он держался легко и естественно, играя по правилам, усвоенным еще в детстве.

Тем временем над сценой зажглись прожекторы, занавес поднялся, и перед зрителями предстали артисты, при виде которых Дес тут же подскочил на стуле, едва не свалившись на пол. Дарт тоже узнал труппу, на чьих выступлениях бывал не раз: вначале в «Паршивой овце», а затем и в остальных тавернах, куда его таскал друг, окрыленный чувствами к солистке. Она стояла в центре, похожая на фарфоровую статуэтку розовощекой пастушки. Ее природная красота не нарушалась ничем, являя очарование естественности: белые кудри, ниспадающие на плечи, кристально-голубые глаза в обрамлении длинных белесых ресниц, румянец на щеках и пухлые губы, которые она все время покусывала от волнения. Зато на остальных грима не пожалели: веки, густо подведенные сурьмой, у скрипачки и клавишницы губы накрашены алым, у музыкантов с аккордеоном и контрабасом – черным. Гитаристу и трубачу каким-то образом удалось избежать размалеванных ртов (вероятно, закончилась краска).

Дес тоже смотрел на сцену, но взгляд его не блуждал изучающе, а был прикован к Чармэйн – прекрасной, недоступной, неуловимой. От внимания Монке не ускользнула его заинтересованность.

– Ты знаешь их? – разочарованно спросил Монке, а потом капризно добавил: – Обещали новинку.

– Просто люблю музыку, – отозвался Дес и, наконец, оторвал взгляд от белокурой певицы.

– Какое приятное совпадение, я тоже! – Землевладелец довольно улыбнулся и, подцепив двумя пальцами моченую сливу, отправил ее в рот. – Угощайтесь. Я заказал полное меню, чтобы выбрать фаворита. Поможете?

Дес с радостью воспользовался приглашением и умыкнул со стола фаршированный гриб. Дарт к деликатесам не притронулся – из-за волнения он бы и куска проглотить не смог. К тому же головокружение после смены личности до конца не прошло, и он боялся, что от любой еды его стошнит.

С началом представления разговор пришлось прервать. Они сидели слишком близко к сцене и не смогли бы перекрыть музыку. Мелодия началась с лиричной скрипки, затем ее поддержал ритм контрабаса, а следом вступили остальные. Мотив становился все задорнее, но никто не покидал своих мест и не пускался в пляс, даже когда скрипачка закружила по залу, умудряясь виртуозно играть и выделять замысловатые па. В перерывах между партиями она успевала делать акробатические кульбиты, а в финале песни растянулась в шпагате. Как бы

она ни старалась увлечь зрителей, их взгляды все равно возвращались к Чармэйн. Ее голос – звонкий, чистый, будто хрусталь бокалов, приковывал внимание. Когда она пела, брови ее трогательно складывались домиком, а руки упирались в узкую талию, стянутую корсетом.

Отвлекаясь, Дарт упустил момент, когда сам стал объектом интереса. Ему не повезло сидеть с краю и попасть в поле зрения скрипачки, которая бесцеремонно запрыгнула к нему на колени и, продолжив играть партию, двинула плечом в скулу, да так, что он прикусил язык. Когда же назойливая артистка метнулась к новой жертве, Дарт с облегчением выдохнул и на всякий случай отодвинулся подальше, дабы оградить себя от дальнейших поползновений.

Труппа исполнила еще пару заводных песен и ушла под скудные аплодисменты. Проежторы над сценой временно погасли, занавес опустился, официанты засновали по залу, и вечер снова превратился в чинный ужин. Веселье в представлении завсегдатаев «Сан-Порта» выглядело более чем странно и уныло. Неудивительно, что Дес предпочел этому шумный, безумный, разгульный Хмельной квартал.

– Прелестно, не так ли? – подал голос Монке, обращаясь к Десу, но тот проигнорировал его, занятый другими мыслями.

– Я на минуту, простите. – Он вскочил из-за стола и бросился мимо сцены к двери, за которой минуту назад скрылась вся труппа.

– Куда это он? – пробормотал Монке, хмурясь, как обиженный ребенок, чью игрушку отобрали.

– Поблагодарить артистов, – тут же нашелся Дарт. – Господин Гленн очень щедр.

– А ты, как я вижу, этим пользуешься?

– В смысле?

Монке ухмыльнулся и опрокинул в рот раковину с каким-то морским гаком. Дарт таких отродясь не видел, названия не знал и уж тем более не пробовал, хотя был уверен, что вкус окажется отвратительным. Прожевав, Монке промокнул губы салфеткой и лишь тогда удосужился ответить.

– Посещаешь с ним заведения, которые тебе не по статусу. Принимаешь угощения, за которые не сможешь заплатить...

Дарт почувствовал себя мелким моллюском на тарелке: его бы могли ткнуть вилкой и проглотить, не подавившись.

– Господин Гленн мой друг. И я благодарен, что его не смущает дружба с простолюдином вроде меня. Разве среди ваших приятелей нет *обычных* людей?

Это была непростительная дерзость, слишком грубый и неумелый намек.

– Есть, – помедлив, все-таки признал Монке. – В людях, как и в землях, я ценю ресурсы. А облагородить можно любую землю и любого человека.

– Ваш друг тоже из помощников?

– Нет.

Повисло неловкое молчание. Чтобы скрыть конфуз, Дарт потянулся к столу, отщипнул от виноградной кисти одну ягоду и проглотил целиком.

Дес хватило бы пары фраз, чтобы разговорить любого, а у детектива не нашлось ни слова, только неутешительный вывод: Монке осторожничал и не был расположен к откровениям. Дарт бросил отчаянный взгляд на дверь за сценой. *Проклятие, где же его демоны носят?* Стоило о нем подумать, как Дес вернулся, старательно пряча улыбку. Но все было столь очевидным, что не ускользнуло даже от нового знакомого.

– Тебе понравилась та блондинка, певичка? – внезапно спросил он. – Если хочешь, я куплю ее.

Дес опешил. Впервые его маска притворства дала трещину, и сквозь нее проступили истинные чувства: удивление, граничащее с презрением.

– Она певица, а не...

– Да брось, – перебил Монке. – Все они так говорят, пока не предложишь достаточно.

Вцепившись в стол, Дес был готов перевернуть его на человека, сидящего напротив, чтобы стереть с надменного лица гадкую самодовольную усмешку. Они были в шаге от провала, и Монке приближал этот момент каждым словом, жестом, поступком.

– Расслабься, дорогуша, – откинувшись на спинку стула, продолжал он. – Что случается в стенах «Сан-Порта», здесь и остается.

– Кстати, – вмешался Дарт, пытаясь своей наигранной веселостью закрыть брешь в их шатком приятельстве, – в Пьер-э-Метале полно мест для хорошего отдыха, и...

– И в одном из них тебя уже заждались. – Монке прогонял его, как блохастого пса, что путался под ногами.

– В самом деле. Поезжай, – поддакнул Дес. Вспышка гнева прошла, и теперь он снова выражал уверенность человека, у которого есть план.

Дарт встал из-за стола и, вежливо попрощавшись, ушел. И без личности детектива мог бы догадаться, что действует Монке на нервы. Единственный шанс что-то вызнать у него – удалиться и предоставить дело Десу, надеясь, что ему хватит ума и выдержки, чтобы не сорваться.

Дарт не стал ошиваться перед дверьми «Сан-Порта» и остановился поодаль, беспокойно следя за входом. Он прождал достаточно долго – так ему показалось. Ужин стали покидать первые гости. Каждый раз, когда двери открывались, Дарт надеялся увидеть друга, однако тот появился с другой стороны здания, где располагалась пожарная лестница. Оттуда он, кажется, и спустился. Шагнув из темноты под освещение газовых фонарей, Дес брезгливо сощурился и стремительно двинулся вниз по улице.

– Ты должен мне весь алкоголь этого мира. Понял? – выпалил он на ходу.

– Что произошло?

Дес не ответил, только ускорил шаг, едва не перейдя на бег.

– Ты в порядке? – спросил Дарт чуть погодя, когда они свернули в безлюдный проулок, где друг оставил ржавую колыхагу.

– Нет, – мрачно отозвался он. – Я разбил бутылку дорогущего кальвадоса о голову *дорогуши*.

– Ты горюешь о кальвадосе или о Монке? – уточнил Дарт, забираясь в автомобиль. Кажется, им следовало поскорее уносить ноги. – Что с ним?

– Впитался в ковер, смешался с осколками.

– Надеюсь, ты не о Монке.

Дес устало вздохнул и закатил глаза.

– Он жив-здоров, просто немного разбит из-за испорченного вечера, но ты можешь вернуться к нему и утешить.

– Он что-нибудь рассказал?

– Кое-что предложил, – хмыкнул Дес и замолчал, предлагая угадать.

– Разделить с ним кальвадос и курительную смесь?

– Кальвадос, курево и официантку, которая их принесла.

– Отлично, – уныло пробормотал Дарт. – Все, что мы выяснили, это предпочтения Монке.

Дес завел мотор и осторожно тронулся с места. Руки в перстнях на погнутом обшарпанном руле смотрелись нелепо, особенно после слепящей роскоши «Сан-Порта». Зато теперь Дарт чувствовал себя в своей стихии разрухи и нищеты.

– Монке дал наводку, – с самодовольной усмешкой сообщил Дес, когда вырулил на дорогу. – Говорит, ей известно, где искать Доу. И ты не представляешь, кто она... Твоя хорошая знакомая, кстати. Лина.

Танцовщица из клуба «Платья на пол!», куда они изредка захаживали вместе. Она была там главной звездой и пользовалась особыми привилегиями: имела личную комнату и могла сама выбирать компанию на ночь, если того желала. Так Дарт с ней и встретился, а после они

стали кем-то вроде приятелей. Благодаря Лине, показавшей ему все тайные ходы в здании, он придумал хитроумный способ удирать от следящих, что не раз выручало его. Проводя с ним вечера, она таскала из кухни бесплатный алкоголь, с любопытством расспрашивала о службе лютена и шутила, что их работа схожа тем, что отрицает чувства.

К тому моменту, когда Дарт и Дес добрались до Хмельного квартала, его улочки уже заполнились разгульными компаниями, торговцами и воришками, ищущими легкой наживы. Пару раз их грохочущая колымага едва не наехала на пьянчуг, которых так и тянуло под колеса, а один из них умудрился швырнуть в дверь бутылку, сопроводив бросок потоком отборной брани. Дес затормозил посреди дороги, намереваясь разобраться со смельчаком, и Дарту стоило огромных усилий уговорить друга.

– Ладно, – сдался он, – обещаю никого не бить, пока ношу этот пиджак.

Приехав на место, они пристроили машину в тупике между домами и направились на задворки, чтобы пробраться через черный ход. Однако сегодня судьба играла против них, и Дарт убедился в этом, когда обнаружил запертую дверь. Проклятие! Они обогнули здание и направились на мерцающий свет вывески, что зазывала прохожих в заведение с говорящим названием «Платья на пол!».

Веселье было в самом разгаре: играла музыка, смеялись люди, а вокруг клубился сладкий дым. У входа стоял вышибала. Ему уже кидали монеты, и он, задобренный, без лишних расспросов пропустил Дарта и Деса наверх.

На втором этаже располагались «танцевальные комнаты», где посетители могли уединиться. Чтобы попасть туда, следовало преодолеть рубеж – дежурного, открывающего решетчатую дверь только после оплаты.

Коридор по ту сторону казался полосатым, будто расчерченным карандашными линиями. И фигура, занимавшая сразу три полосы, выглядела плоской, картонной. Но вот она задвигалась и превратилась в пожилую даму с брезгливым выражением лица. Оставалось догадываться, каким ветром ее сюда занесло. Обычно здесь дежурил амбал, способный в два счета разобраться с нарушителями порядка, что в подобных заведениях случалось нередко. А эта щуплая бабуля могла разве что настучать дебоширу тростью, припрятанной в углу как секретное оружие.

– Томный вечер, – прокряхтела она, подражая приветствию здешних девиц. – Кого надо?

– Лина из Пурпурной, – ответил Дарт.

– И? – то ли спросила, то ли икнула она и подозрительно сощурила крысиные глазки: маленькие, хитрые, чуть навывкате.

– Что «и»?

– А твой друг пока на коленках у меня посидит? – проворчала она сердито. – Кто вторая?

Пока Дарт думал, что ответить, Дес ляпнул:

– Мы вместе.

Пожилая дама смерила их двоих оценивающим взглядом, а затем изрекла:

– Рада за вас, но Лина никого не принимает. Выбирайте другую, мальчики.

Дес отпрянул от решетки, растеряв весь запал переговорщика, а Дарт, наконец, сообразил, как выйти из глупой ситуации.

– Она меня знает. Передайте, что к ней пришел Дарт.

– Дружок, значит? – с хитрой, крысиной ухмылкой переспросила дежурная и поудобнее устроилась на стуле, явно не собираясь куда-то идти и о чем-то спрашивать.

Вместо этого она открыла шкатулку, лежащую у нее на коленях, – ящик для денег со встроенными в крышку счетами. Послунявив палец, пожилая дама принялась деловито щелкать деревянными костяшками, подводя странные, одной ей понятные вычисления. Полученная сумма оказалась внушительной.

– Ого, как-то многовато, – присвистнул Дес, за что получил гневный взгляд с той стороны решетки.

– Вас тоже «ого, как многовато», – процедили ему в ответ. – Платите или проваливайте.

Дарт молча выгреб из кармана монеты, отсчитал и, просунув руку через прутья, высыпал все в шкатулку, которую ему нетерпеливо подсунули. После оплаты замок открылся, и дверь отъехала в сторону с грохотом вагонетки, промчавшейся по тоннелю.

– Дорогу найдете? – лениво спросила дежурная и довольно гикнула, когда Дарт ответил, что справится сам. Вдвоем с Десом они зашагали по длинному коридору со множеством дверей по обе стороны и вдгонку услышали предупреждение: – Если она откажет, деньги не верну!

Дверь в комнату Лины была выкрашена в пурпурный цвет, и раньше Дарт считал, будто это что-то значит. Он пытался найти закономерность или логику в распределении по цветам, пока не узнал историю о том, что для покраски использовали остатки материалов, купленные по уценке. Вот и весь секрет местного антуража. Куда интереснее дело обстояло с деревянными шкатулками, прикрепленными к дверям подобно почтовым ящикам. Так принимали монеты за анонимность. Заплативший мог быть спокоен, что его визит сюда останется тайным.

Дарт постучал и через несколько мгновений получил разрешение войти. В полумраке комнаты дым от благовоний выглядел воздушными лентами, что вились и таяли вокруг единственного источника света – громоздкого канделябра, вмещавшего больше десятка свечей. Он стоял у прикроватного столика, больше напоминавшего табуретку, а на самой постели в грудке смятых тканей сидела Лина. Ее плечи торчали из-под простыни, в которую она куталась, точно в кокон, черные кудри были небрежно собраны на макушке, но несколько прядей спадали на лицо, отбрасывая причудливые тени.

При виде Дарта она радостно встрепенулась, но потом, заметив второго, сердито нахмурилась. Их приятельская встреча грозилась обернуться скандалом и позорным изгнанием за дверь. Лина могла себе это позволить.

– Я думала, ко мне опять эта карга приперлась. Хотела послать ее, а тут вы. Вот вы тогда и проваливайте!

– Мы пришли поговорить, – кротко вступил Дес, сама невинность. Дарт никогда не видел, чтобы друг так улыбался: мягко, почти застенчиво.

– Я не занимаюсь словоблудием, – фыркнула Лина и перевела укорительный взгляд на Дарта: – И не помогаю тем, кто вспоминает о моем существовании, только если ему что-то нужно.

Он почувствовал укол совести, но вовсе не из-за упреков, а потому что признавал свой обман. На самом деле не было веских причин, чтобы тащить Деса с собой, просто Дарт не хотел навешиваться сюда в одиночку. Он подозревал, что Лина обижена его давним отсутствием, а объясняться с ней не собирался.

– Извини. – Дарт не нашел больше ничего, что мог бы сказать ей. – Можно войти?

Пауза. Острый взгляд. И, наконец, кивок. Лина была вспыльчивой, но отходчивой. Когда дверь закрылась за ними, первым делом она сказала:

– Слышала, решетка гремела. Вы что, заплатили этой карге? Чего ради?

– У нас деловой визит, – пошутил Дес, но Лина даже не улыбнулась.

– Мы ищем Аластора Доу.

– Кто вас прислал? – голос ее предательски дрогнул. – Следящие? Община? Папаша Монке?

– Сам Монке и прислал. Говорит, тебе известно, где пропадает ваш общий друг, – ответил Дес. Он уже освоился в комнате и расположился на ковре: вытянув ноги, прислонившись спиной к стене.

– Расскажи о нем, – попросил Дарт, по-прежнему стоя у двери. – Дело важное.

Она выдержала долгую паузу, задумчиво покрутила прядь у виска и, наконец, сдалась.

– Ладно. Я расскажу, потому что считаю тебя хорошим человеком, Дарт.

Лина строго посмотрела на него, будто предупреждая, что будет с ним, если он предаст его доверие, и устроилась поудобнее, готовясь к долгому разговору.

– Я родом из Больи, маленькой деревни с той стороны холмов, – начала она. – В пятнадцать меня забрали из приюта и отправили работать в Общину. Там я и встретила Ала. В те годы его отец уже заправлял всеми и был одержим своей верой. Мы сбежали из Общины, как только смогли. Ярмарочные торговцы подобрали нас и привезли в Фористале. Мы бедствовали, пока я не попала в таверну танцовщицей, где меня заметил Монке. Он предложил работу в семейном поместье: вначале туда перебралась я, а потом и Ал. Мы согласились выполнять мелкие поручения всех домочадцев, зато получили крышу над головой и верного друга в лице Монке. Вы ни за что не поймете, что для каждого из нас значила эта дружба. Мы обрели дом, семью, свободу. То, о чем не могли мечтать сиротка из Больи, сын одержимого фанатика и мальчик в золотой клетке. – Она печально улыбнулась, а когда продолжила, из ее голоса исчезла прежняя теплота: – Наш Монке был одинок и несчастен. В их огромном доме не нашлось того, кто бы его выслушал и принял, пока он не встретил нас. Три года мы были неразлучны, а потом папаша Монке внезапно вспомнил о сыне. И знаете, что этому послужило? Появление богатой невесты.

Лина замолчала, сжав кулаки от бессильной злобы, вызванной этим воспоминанием. Ни Дарт, ни Дес не посмели поторопить ее или задать вопрос, и на время комнату заполнила вязкая тишина.

– Все эти «выгодные браки» похожи на разведение породистых собак, вы не находите? – вдруг спросила она, а затем пояснила: – Есть у богачей придурь. Они женятся на достойных, чтобы увеличить семейный капитал. Ложатся в постель, чтобы родить наследника. Стараются урвать побольше, чтобы сколотить приличное состояние для своих детей. А потом заставляют их делать то же самое...

Она яростно сверкнула глазами, в которых отражалось пламя свечей; казалось, что в самих зрачках танцует огонь.

– В таком браке нет ничего для удовольствия, все ради денег.

– Поэтому удовольствия ищут за пределами брака, – хмуро добавил Дес, явно вспомнив о своем отце.

Повисла неловкая пауза. Лина попросила напомнить, на чем она остановилась.

– Ах да, Монке... Всегда звала его по фамилии. Родители придумывали ему имечко в лихорадочном бреду; ни запомнить, ни выговорить. Лишь бы звучало *богато*. Так что я не удивилась, узнав, что ему нашли подходящую партию по той же логике. В новую семейную жизнь Монке мы не вписывались, и нас вырвали с корнем, как сорняки. Не он сам, конечно, а его папаша. Вот и все. Я вернулась в Пьер-э-Металь, Ал сбежал на юг. И уже два года мы не виделись.

Внимательно слушая историю, Дарт отметил, что Лина, равно как и Монке, почти ничего не говорит про Аластора. Если они были лучшими друзьями, то наверняка знали о нем гораздо больше, но намеренно скрывали, словно оберегали его.

– Почему вы разъехались по разным городам? – спросил Дарт. – Могли бы сбежать вдвоем, как уже делали.

– Это было бы предательством с нашей стороны. Монке такого не заслужил.

– И вы не пытались связаться? Узнать друг у друга, как дела?

– Изредка он шлет мне письма, – нехотя призналась Лина, понимая, к чему ведет разговор. – Мы читаем их с Монке, когда он приезжает проведать меня.

– Значит, у тебя есть адрес?

– Я его не выдам. Ал не хочет, чтобы его нашли. Я сообщила ему о смерти отца и о том, что в Общине снова заговорили о нем. Он даже на похороны не приехал. Его искали

в Фористале, пытались поговорить с Монке и даже со мной. Но здесь я в безопасности, сюда они не придут. Так что пусть не стараются. Я не раскрою секрет, а он ни за что не вернется в Общину.

– Тогда помоги связаться с ним.

Лина помолчала. Поковыряла ногтем затертый угол гобеленовой обивки, торчащей из-под одеял и простыней. Несмотря на сомнения и осторожность, тернистый путь убеждений привел ее к верному решению:

– Хорошо. Я отправлю письмо сегодня же, раз это так важно. Что ему передать?

Аластор Доу был окутан тайнами, поэтому оставалось только гадать, какое предложение способно его заинтересовать.

– Напиши, что господин Эверрайн предлагает помощь и сотрудничество, – осторожно начал Дарт, надеясь, что Лина сама подскажет ответ.

– Деньги ему не нужны, – решительно заявила она.

Личность детектива беспокойно заворачивалась в его голове, складывая деталь за деталью. Беглецам всегда нужны средства, если только у них нет богатого покровителя, который их обеспечивает. Поэтому Монке навещал Лину, а та отправляла Аластору письма. Хитроумная схема, чтобы скрыть свою дружбу.

– Речь не о деньгах. А о том, чтобы Община вас больше не беспокоила. Вас *троих*, – сказал Дарт.

Ее глаза наполнились влажным блеском, голос задрожал, и Лина, забывшись, в сердцах выпалила:

– Когда накопим достаточно, мы исчезнем! И все призраки прошлого останутся за дверью!

Дес кашлянул из темноты, привлекая к себе внимание.

– Извини, но призраки ходят сквозь стены. Так что дверь их тоже не остановит. Призраков надо изгонять. Вот с этим вам и предлагают помочь, чтобы Община, наконец, угомонилась. Верно, Дарт?

Он кивнул, подтвердив его слова. Лина замерла в задумчивости, глядя на танцующие огни, под которыми плавился воск свечей, а потом сказала:

– Приходи за ответом через неделю. Буду ждать тебя здесь. *Одного*.

Дес горестно вздохнул, подшучивая над ее условиями и тем, как быстро Дарт согласился. Дым благовоний пропитал одежду, въелся в волосы и вызвал головокружение. Дарт понимал, что, если задержится здесь хотя бы на минуту, Десу придется тащить его на себе.

– И что же, вы просто уйдете? – удивилась Лина. – Могу станцевать, если хотите.

– Хотим. – Тут же встрепенулся Дес.

– Мы спешим! – отрезал Дарт и бросил в него самый строгий взгляд, какой только мог изобразить. Дес капризно надул губы:

– Мне нужно снять стресс.

– Так и быть, отведу тебя к врачевателю, *до-ро-гу-ша!* – Дарт распахнул дверь и вытолкнул друга из комнаты.

– Слово-то какое дурацкое, – скривился Дес, одергивая пиджак.

– Ты его часто используешь.

– Отрежь мне язык, если скажу это еще хоть раз.

В коридоре было свежо и прохладно, сквозняк разгонял дым благовоний, тянущийся из комнат. Где-то хлопала оконная рама, но даже этот звук не мог разбудить дежурную, чей забористый храп простирался на весь этаж. Они не стали ее тревожить и спустились по запасной лестнице, более привычной для Дарта.

Тайные коридоры и узкие пролеты привели их к двери черного хода. Кто-то задвинул металлический засов изнутри. Такое уже случалось после визита трубочистов, для которых и предназначались эти лестницы, пронизывающие все этажи от подвала до крыши.

– Ну и ночка выдалась, – протянул Дес и пнул пустую бутылку, попавшую под ноги. Та со звоном покатила по булыжнику, и эхо, разбившись на осколки, разлетелось вокруг.

Они остановились на задворках, чтобы перевести дух.

– Что ж получается, Монке женат? – хмыкнул Дес.

– До тех пор, пока втихую не соберет приличный капитал, с которым можно потеряться.

– С чего ты взял?

Дарт устало вздохнул. Личность детектива только и ждала подходящего вопроса, чтобы поделиться догадками.

– Как думаешь, почему Лина вернулась в Пьер-э-Металь? Зачем ей так рисковать?

– Не знаю. – Дес рассеянно пожал плечами. – Это ты с ней тесно общался, вот и ответь.

Проигнорировав его подколку, Дарт принялся объяснять:

– Они следуют заранее оговоренному плану. Монке подчинился воле отца, чтобы постепенно вывести капитал и обеспечить себе безбедное существование после побега. Лина остановилась в Пьер-э-Метале, чтобы Монке, приезжая в город по делам, мог навещать ее тайно. А «Платя на пол!» как раз предоставляют эту анонимность. Даже если бы кто-то узнал о его визите, никто бы не посмотрел дальше простыней.

– Я что-то и сам дальше простыней не вижу. – Дес в замешательстве почесал нос.

– Монке встречается с Линой, чтобы отдать платежные бумаги, которые она переправляет Доу. Крупные суммы монетами не пошлешь, зато документы – легко. Она проболталась, что отправит письмо *сегодня*, но Плавучая почта не работает по ночам. Ее послания доставляют более надежным способом. Доу прячут вовсе не от Общины, в чем нас пытаются убедить, а потому что он – сокровищница. Вот где оседают деньги Монке. Сейчас Доу скрывается в каком-то южном городе. Если ответа ждать неделю, значит, он уехал недалеко. Это либо приграничный город вроде Лима, либо Делмар, куда переброшены самые быстрые суда.

Дарт закончил речь и выдохнул. Детектив в голове утомился, и пульсирующая боль в висках отступила.

– Охренеть. – Дес присвистнул. – Ты меня почти убедил. Но ты видел ее слезы? Кажется, она боится Общину по-настоящему.

– Лина хорошая актриса, поэтому Монке и отправил тебя к ней. Она лжет намного искуснее, чем он. И это тоже часть плана.

Дес поднял руки, признав свое безоговорочное поражение, а Дарт медленно осел на землю, привалившись к стене. То ли на него резко нахлынула усталость, то ли виноградина, вставшая поперек горла с ужина в «Сан-Порте», перебродила и ударила в голову. Дарту было плевать, почему ноги больше не держат его.

– Эй, ты как? – Дес помог ему подняться и подставил плечо для опоры.

Так они добрались до автомобиля, забравшись в который Дарт смог, наконец, ненадолго расслабиться. Впереди ждала веселая ночка наедине с Тринадцатым, но он старался не думать об этом. Они ехали в молчании. Наверно, друг полагал, что Дарт задремал, однако спать было нельзя, иначе бы при пробуждении их ждал сюрприз в виде Тринадцатого. Он следил за дорогой из-под полуприкрытых век и больно щипал себя всякий раз, когда чувствовал, что проваливается в забытье. Он пытался договориться сам с собой, напоминая о пузырьке сонной одури, что хранился в левом кармане: *«Протяни еще немного, – и получишь настоящий отдых»*.

Ему все-таки удалось продержаться, но силы покинули его, стоило ему переступить порог своего безлюдья. Карабкаясь по лестнице, Дарт пожалел, что отказался от помощи и отправил друга домой. Весомый аргумент «я справлюсь» иссякал с каждой преодоленной ступенькой. Дарт с облегчением выдохнул, когда завершил восхождение, и, опираясь на стену, добрал до

спальни. Бо, следующего за ним по пятам, он предусмотрительно выпроводил из комнаты, поскольку боялся, что Тринадцатый может случайно навредить ему.

Замкнул дверь. Ключ спрятал в глубине шкафа. Теперь, чтобы выбраться из заточения, придется залезть внутрь, на что Тринадцатый вряд ли осмелится. С тех пор как приютская шайка закрыла его в шкафу на целую ночь, он с настороженностью относился к мебели с дверцами, что запирались на замки.

Управившись, Дарт разделся, рухнул на кровать и жадно приложился к пузырьку с сонной одурью. Один глоток, чтобы постепенно погрузиться в крепкий сон, второй – чтобы отключить сознание, третий – чтобы не пробуждаться как можно дольше.

Он закрыл глаза и медленно выдохнул, пытаясь успокоить частое сердцебиение. Но стало только хуже. В висках появилась тупая боль, словно голову сжали тиски. Он лежал так несколько минут, надеясь, что сонная одурь подействует. Бесполезно.

В тишине комнаты частности гулко дребезжали и звякали, будто бы нарочно мешая провалиться в дрему или издевательски хохоча противным, механическим смехом. Это действовало на нервы. Захотелось швырнуть в них чем-нибудь тяжелым, но под рукой не оказалось ничего, кроме пузырька сонной одури, который следовало поберечь.

Дарт сделал глоток. Потом, спустя время, еще. И еще. Потянувшись за склянкой в четвертый раз, он остановил себя. Слишком большая доза могла его убить, а он планировал очнуться завтра.

Неосознанно он потянулся к часам на шее и открыл их, позволив мелодии вырваться из недр заводного механизма. После того как Флори удалось успокоить Тринадцатого колыбельной, она решила, будто нашла к нему ключ. Поначалу Дарт тоже верил этому, а теперь знал, что дело вовсе не в мелодии. Ему нужна *она*. До нее он никогда не засыпал от ласковых прикосновений, не чувствовал себя таким спокойным и защищенным. Сейчас, когда ее не было рядом, навязчивая мелодия только раздражала, и Дарт боролся с желанием швырнуть часы в частности, чтобы заткнулись и те и другие.

Он снова был безвольным и слабым, а потому возвращался к мысли, что нужно спрятать осколок под подушкой. Он хотел встать и разбить что-нибудь, однако тело его не слушалось: сделалось ватным и неподъемным, будто бы растворилось в постели. Может, оно и к лучшему, думал Дарт, разглядывая складки балдахина, нависавшего над кроватью грозовым облаком. Раньше это казалось ему уютным, а сейчас давило и мешало дышать.

Чтобы отвлечься, он позволил себе подумать о Флори. Сперва странные обрывки мыслей сбили его с толку, однако позже он осознал, что с ним творится то, чего никогда прежде не случалось: все личности перемешались и, получив разрешение, заговорили наперебой. Находясь на границе сна и яви, он отчетливо различал их голоса в голове.

– Когда она злится, ее глаза меняют оттенок и темнеют: словно зеленый виноград становится диким, – подмечал художник.

– Помнится, у пруда с карпами она расстроилась, что не успела загадать желание, – рассуждал изобретатель. – Мне бы стоило смастерить устройство для ловли карпов, чтобы она могла загадать столько желаний, сколько захочет.

– Брось, с таким характером она исполнит свои желания сама, – усмехался охотник.

– Потому что у нее острый ум, – подчеркивал детектив.

– И волосы пахнут такпряно, словно посыпаны мускатным орехом, – невпопад добавлял повар.

Музыкант невнятно напевал строчку из старой песни, которая отныне напоминала ему о Флори.

– Она похожа на цветущий сад: глаза цвета молодой листвы, румянец, словно лепестки пионов коснулись ее щек, и россыпь веснушек, будто пыльца одуванчика попала на кожу... – изрекал писатель, упиваясь лиричной многословностью.

– Ее безрассудная смелость поражает, – перебивал его смельчак.

– Она такая красивая, что я не осмелился бы ее поцеловать, – говорил трус.

– Она такая красивая, что я не мог устоять, чтобы не поцеловать ее, – заявлял циркач.

– Хочу научить колокольчик звенеть ее смехом, чтобы носить его на шее, – мечтал безделушник.

– Я хочу ее, – без тени стыда признавался хмельной.

На несколько мгновений все голоса сконфуженно замолкали. Потом паузу прерывал кроткий голос Тринадцатого:

– Когда она рядом, засыпать не страшно...

И все они засыпали – медленно, мучительно, погружаясь на самое дно сознания, снова обретая целостность.

Дарт и вправду уснул. Когда до него донесся стук в дверь и лай Бо, он с трудом разлепил свинцовые веки. Во рту еще ощущался вяжущий привкус сонной одури.

Стук повторился, к нему добавилось дребезжание стекол. Кто-то настойчиво ломился в дом, и безлюдю это явно не нравилось.

Выругавшись, Дарт принялся в спешке одеваться. За окном только начинало рассветать. В сумраке комнаты он не нашел брошенный на полу костюм и полез в шкаф, вместе с одеждой выудив оттуда и ключ. На ходу натягивая штаны и рубашку, Дарт прислушивался к ощущениям: голова раскалывалась, словно после попойки, но ни мыслей об осколках, ни желания разбить зеркало у него не было. Уже хорошо. Приободренный, он ступил на лестницу – и вдруг застыл, увидев в окне синий мундир следящего.

Прятаться или притворяться, будто дома никого нет, было бессмысленно. Его уже заметили. Дарт нервно сглотнул, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться. Он сунул босые ноги в ботинки, нарочно медля под пристальным наблюдением следящего. Затем приструнил лающего Бо, щелкнул замками и распахнул дверь.

Следящих было двое. Один седой и кашляющий, другой пацан-переросток, шмыгающий носом. Тот, что старше, грозно спросил:

– Даэртон?

Язык во рту онемел, и Дарт ответил кивком.

– Придется пойти с нами, – выдавил седой и зашелся в приступе басовитого кашля.

– Можно узнать, в чем де...

Он не успел договорить, потому что второй следящий сделал резкий выпад вперед и со всей силы двинул его ногой в живот, чего Дарт никак не ожидал. Не устояв на ногах, которые и без того еле держали его, он рухнул через порог. Внутренности обожгло болью, из груди весь воздух вышибло. Прежде чем он успел прийти в себя, его схватили за ногу и потащили.

В дом следящие не заходили – и правильно делали. Рискни они переступить порог безлюдя с таким враждебным настроением, непременно пожалели бы об этом. Кажется, их предупредили, что придется иметь дело с лютемом, из-за чего они с опаской отнеслись к дому и не церемонились с самим Дартом. Рывком его подняли на ноги и тут же заломили руки, чтобы он не смог сопротивляться. Даже будь он свободен, не смог бы. Из-за сонной одури он стал заторможенным и оупевшим.

Его потащили к служебному автомобилю. Когда Дарта заталкивали внутрь, он увидел, что позади уже кто-то сидит. В этот момент его тоже заметили и бодро приветствовали голосом Деса:

– Доброе утро, *дорогуша*!

Дарт понял, что за его шутивым обращением скрывается дельный дружеский совет: ни в чем не признаваться и молчать, будто тебе отрезали язык.

Глава 6

Живой дом, мертвый дом

Флориана

Несчастье, настигшее Дом с эвкалиптом, заставило Ризердайна отложить все прочие дела и заняться последствиями, что угрожали репутации всех его безлюдей. Семья, оставшаяся без крыши над головой, получила внушительную денежную компенсацию и оплаченные апартаменты в лучшем пансионе на побережье. Другого он предложить не мог. Чтобы вырастить нового безлюдя, потребовалось бы длительное время. К тому же Ризердайн опасался, что нападки на безлюдей продолжатся, и не хотел рисковать. Он поступил честно и по-своему безрассудно. Спустя неделю вопрос был решен, но отголоски случившегося продолжали его беспокоить.

Все это стоило Ризердайну нескольких сорванных сделок, десятка тревожных писем от домовладельцев, а также последних запасов спокойствия. В один из рабочих вечеров, разбирая выписки из счетов в конторе, где они теперь обосновались, он сорвался на Илайн. Повод был глупым, и никто не ожидал, что ее слова вызовут такую реакцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.